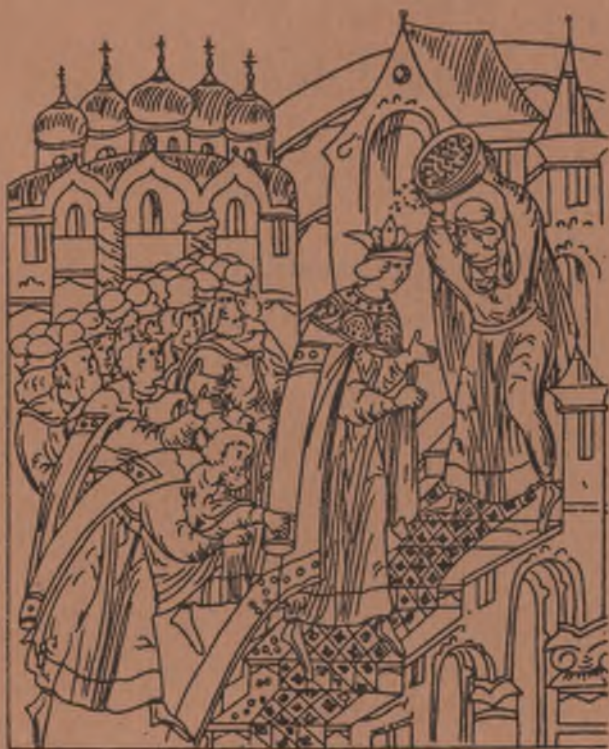

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ
(до 1917 г.)**

Сборник статей

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ
РОССИИ**

(до 1917 г.)

Сборник статей

МОСКВА
1997

042(02)1

Редакционная коллегия:
Кучкин В.А. (отв. редактор),
Тихонова Е.Ю. (отв. секретарь)

ISBN 5-201-00634-5

© Институт российской истории
РАН, 1997 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной сборник "Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)" состоит из работ сотрудников Центра по изучению и публикации источников, других подразделений Института российской истории РАН и работников научных учреждений Москвы, специализирующихся в области источниковедения. Их хронологический диапазон — XV — конец XIX в.

Исследовательские статьи посвящены анализу таких источников как актов и материалы XV—XVII вв., переписка по внешнеполитическим вопросам, журнальные статьи, рабочие расчетные книжки второй половины XIX в. и судебные материалы конца XIX в. В статьях раскрываются приемы исследовательской работы с малоизученными источниками.

Публикации включают неизвестные до сих пор документы по истории России XVII в. В их числе ценный источник по истории Москвы, отражающий повинности посадских людей в начале 1680-х гг.

В целом исследования и публикации сборника освещают пути и способы получения информации из различных источников и позволяют более полно представить ряд научных проблем, которые привлекают в настоящее время историков-специалистов. Сборник будет способствовать повышению профессионального уровня исследовательской работы в области отечественной истории.

МОСКОВСКО-ТВЕРСКОЙ ДОГОВОР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х ГОДОВ XV ВЕКА

Заключенное в конце 1430-х гг. соглашение между московским великим князем Василием Васильевичем и великим князем тверским Борисом Александровичем¹ далеко не до конца понято исследователями. Нуждаются в уточнении и датировка этого dokonчания, и выяснение его архивной судьбы, и интерпретация содержания.

Л.В.Черепнин выдвинул гипотезу о составлении рассматриваемой грамоты после русско-татарского сражения под Белевым, происшедшего, по мнению исследователя, 5 декабря 1438 г.² А.А.Зимин обратил внимание на то, что московско-тверской договор был "благословлен" Исидором, который прибыл в Москву 2 апреля 1437 г. и считался митрополитом вплоть до 22 марта 1441 г., когда Освященный собор московской митрополии лишил его сана.³ Исидор, пишет А.А.Зимин, 5 сентября 1438 г. отправился на Флорентийский собор. По возвращении в Москву в марте 1441 г. Исидор был немедленно смещен с митрополичьего стола и арестован.⁴ Значит, "если буквально понимать указание грамоты № 37, она могла быть составлена только между 2 апреля 1437 г. и 5 сентября 1438 г." Далее А.А.Зимин однако пишет, что "быть может, грамота лишь ссылалась на Исидора, а он при ее составлении не присутствовал, тогда ее хронологические рамки будут широкими: 2 апреля 1437 г. — 22 марта 1441 г." Принимая гипотезу Л.В.Черепнина о составлении договора после русско-татарского сражения под Белевым 5 декабря 1438 г., А.А.Зимин попытался уточнить датировку грамоты. Он предположил, что московско-тверской договор оформлялся до прихода татарской рати к Москве 3 июля 1439 г. — в период, когда ожидали нового татарского набега на Русь.⁵

В тексте dokonчания действительно говорится о набегах на русские земли: "А ци, брате, по грехом, поидет царь ратию, или рать татарская, и тебе, брате, нам помочь слати в правду, без хитрости", "А что ся есть воевали со царем, а положить на вас царь вину в том, и мне вам, брате, не дати ничего в то, и моей братьи младшей, и моим братаничем, ни

нашим детем, ни внучатом, а ведатися в том вамъ самим". Но и в предыдущем сохранившемся московско-тверском договоре конца XIV в. (скорей всего, заключенном в 1399 г.), обнаруживаются те же самые постановления:

Договор конца XIV в.	Договор 1430-х гг.
А по грехом, поидет на нас царь ратию, или рать татарская, а всюду на конь сам и своею братьею, и тебе, брате, послати ко мне на помочь свои два сына да два братанича, а сына ти одного у себя оставити.	А ци брате, по грехом, поидет царь ратию, или рать татарская, и тебе, брате, нам помочь слати в правду, без хитрости.
А на кого будет пеня давняя и в ратное время, а того не имати, ни искати на обе стороны. А что есмя воевал со царем, а положит на нас в том царь вину, и тебе, брате, в том нам не дати ничего, ни твоим детем, ни твоим внучатом, а в том нам самим ведатися.	А на кого будет пеня давняя и в ратное время, того не имати. А что ся есте воевали со царем, а положить на вас царь вину в том, и мне вам, брате, не дати ничего в то, и мое и братьи молодшеи, и моим братаничем, ни нашим детем, ни внучатом, а ведатися в том вам самим.

Нет сомнения в высокой степени схожести сравниваемых текстов. Первое из сравниваемых постановлений в договоре 1430-х гг. (равно как и в последующих московско-тверских докончаниях) сформулировано в более общей форме, чем в договоре конца XIV в. Второе из сравниваемых постановлений (в последующих московско-тверских договорах отсутствующее) в докончаниях конца XIV в. и 1430-х гг. вообще изложено практически одинаково. Минимальные различия здесь ("а положит на нас" в договоре конца XIV в., "а положить на вас" в договоре 1430-х гг.) объясняются тем, что первый из сравниваемых текстов оформлен от имени московского правителя, второй — от имени тверского князя. В силу указанных обстоятельств упоминание в московско-тверском договоре 1430-х гг. о "рати", с которой приходил на русскую землю "царь", никак не может служить надежной основой для уточнения его хронологии: соответствующие постановления могли быть механически переписаны в изучаемое докончание из московско-тверского соглашения конца

XIV в., ни в коей мере не отражая политические реалии второй половины 1430-х гг.

Датируя изучаемый договор, мы считаем целесообразным вернуться к мысли, высказанной, но не развитой до конца А.А.Зиминим — о вероятности оформления рассматриваемого договора в период пребывания в Москве митрополита Исидора, т.е. в начале апреля — начале сентября 1437 г.⁶ (на Флорентийский собор Исидор отправился в сентябре 1437 г., а не 1438 г., как писал А.А.Зимин). В русских средневековых актах в качестве гарантов сделки назывались лишь реально присутствовавшие в момент ее заключения церковные иерархи. Это хорошо видно на примере оформления сохранившихся крестоцеловальных записей, в которых бояре присягали на верность московскому великому князю. Гарантами этих крестоцеловальных записей выступали митрополит и другие члены Освященного собора; причем в тексте документов упоминались не все церковные иерархи, а только те из них, которые в момент оформления грамоты оказывались в столице.⁷

Анализ завещаний и докончаний московских князей дает возможность убедиться в той же закономерности: в оформлении документов участвует лишь тот церковный иерарх, который в момент оформления этого документа присутствует в том месте, где составляется данный документ. Чем, в частности, можно еще объяснить тот факт, что митрополит Пимен "благословил" заключенное 25 марта 1389 г. докончание между московским великим князем Дмитрием Ивановичем и серпуховским князем Владимиром Андреевичем, но не "благословил" завещание Дмитрия Ивановича, написанное в период между 13 апреля и 16 мая 1389 г.? На наш взгляд, это можно объяснить только тем, что 25 марта 1389 г. Пимен еще был в столице, а 13 апреля 1389 г. он уехал из Москвы, хотя в момент оформления духовной Дмитрия Ивановича оставался еще главой русской церкви (кстати, именно отсутствие "благословения" Пимена послужило для исследователей доводом в пользу датировки завещания Дмитрия Ивановича временем не ранее 13 апреля 1389 г.).⁸

В целом нам представляется, что русские средневековые документы, в том числе и междукняжеские докончения

"благословляли" только реально присутствовавшие в Москве в момент их оформления митрополиты. Поэтому клаузула о "благословении" рассматриваемого договора митрополитом Исидором (совершенно не характерная для сохранившихся документов княжеского архива 1430–1440-х гг., т.е. времени, когда митрополичий стол обычно пустовал, а митрополитов в Москве не было), на наш взгляд служит решающим аргументом для датировки исследуемого московско-тверского dokonчания коротким периодом пребывания митрополита Исидора в Москве: началом апреля – началом сентября 1437 г.

Рассматривая изучаемый московско-тверской договор, Л.В.Черепнин писал: "У нас нет никакой уверенности в том, что рассмотренная выше dokonчальная грамота Василия II с Борисом Александровичем тверским 1439 г. не осталась только проектом и была действительно оформлена в виде официального договора. Среди документов московского велико-княжеского архива мы этой грамоты не находим (ни в подлиннике, ни в списках). Архивные описи XVII в. о ней не упоминают. Тот сборник, на страницах которого она скопирована, содержит, главным образом, неутвержденные тексты".⁹ Однако в рукописи ГПБ, Q-XVII-58 скопированы вовсе не только те грамоты, которые Л.В.Черепнин считает проектами.¹⁰ Отсутствие данных о московско-тверском договоре 1430-х гг. в позднейших описях государственного архива наводит скорее на мысль о гибели рассматриваемого dokonчания или об его умышленном уничтожении.¹¹

В конце 1450-х гг., когда составлялась рукопись Q-XVII-58, в состав которой входило московско-тверское dokonчание 1437 г.¹², этот договор еще был составной частью государственного архива. В Q-XVII-58 представлена грамота Бориса Александровича Василию II; грамоты Василия II к Борису Александровичу (dokonчания оформлялись двумя грамотами, каждая из которых составлялась от имени одной из договаривающихся сторон) в нашей рукописи нет. Текст грамоты Бориса Александровича Василию II содержит постановления, открывающие и другие московско-тверские dokonчания 1390–1460-х гг.¹³:

1) начальный протокол (интитуляция, формула крестоцелования, инскрипция);

2) обязательство желать друг другу добра и сообщать о слышанном об их "добре и лисе";

3) обязательство не заключать с татарами союза, направленного против одной из договаривающихся сторон;

4) постановление о неприкосновенности границ Тверского, Кашинского, Московского княжеств и Новгородской республики, сложившихся со времени Ивана Калиты;

5) статья о совместных действиях против татар, литовцев, немцев, поляков (первое из сравниваемых выше постановлений московско-тверских договоров конца XIV в. и 1437 г. о возможном приходе татарской рати является составной частью этой статьи);

6) статья — взаимном отказе от претензий на пени "давнии" и происшедшие "в ратное время" (в договорах конца XIV в. и 1437 г. здесь читается и отсутствующее в последующих московско-тверских договорах постановление — второе из сравниваемых нами — о войне с "царем");

7) постановление о сложении целования к литовскому великому князю;

8) подтверждение права тверского великого князя на "путь чист" в Орду;

9) постановление о "подрании" судебных дел, в которых третейским судьей выступал митрополит Киприан;

10) постановление об отпуске пленников;

11) постановление об определении границ Московского княжества, великого княжения и Новгорода;

12) постановление об отношениях Москвы и Твери с Новгородом.¹⁴

В то же время ряда постановлений, завершающих другие московско-тверские соглашения 1390-х — 1460-х гг., в изучаемом докончании нет.

В нем отсутствуют:

1) постановления о "суде" и "исправе" над теми землями, которые "отошли" от Москвы, Новгорода, Твери и Кашина;

2) постановления, регулирующие размеры торговых пошлин;

3) постановления, запрещающие "рубеш и вывод";

4) постановления о нормах сместного суда;

5) статьи о порядке отъезда служилых князей, бояр и слуг;

6) постановления, запрещающие взимать дань на холопах, держать закладников, призывающие блюсти подданных договаривающихся сторон;

7) постановления о "печаловании" княгинями и детьми договаривающихся сторон;

8) формула крестоцелования;

9) обязательства исполнять заключенный договор и руководствоваться его положениями со стороны всех членов московской и тверской княжеских семей.¹⁵

Отсутствие в рассматриваемом договоре примерно половины характерных для формуляра московско-тверских договоров статей позволяет думать, что это — не весь текст докончания, а лишь часть его (эту мысль, в частности, высказывал в разговоре с автором и Б.Н.Флоря). Анализ завершающей наш текст статьи (об отношениях Москвы и Твери с Новгородом) превращает это предположение в уверенность. Эта статья читается не так, как в других московско-тверских соглашениях.¹⁶ С целью доказать это приводим текст соответствующей статьи московско-тверских докончаний, отмечая в скобках те разделы текста, которые выпущены в московско-тверском договоре 1437 г:

Д и ДГ, № 15, с.42	Д и ДГ, № 37, с.107	Д и ДГ, № 59, с.188	Д и ДГ, № 63, с.203
А с Новым городом быти ти по старине, как было при нашем прадеде, великом князе Иване Даниловиче, и при великом князе Семене Ивановиче и при моем деде, великом князе Иване Ивановиче, и при моем отце, великом князи Дмитрии Ивановиче, тако же и при	А с Новым ти городомъ жити по старине, как было при вашем прадеде, при великом князи Иване Даниловиче, и при великом князи Семене Ивановиче, и при вашем прадеде и при великом князи Дмитрии.	А с Новым ми городом жити по старине, какъ было при вашем прапрадеде, при великом князи Иване Даниловиче, и при великом князи Семене Ивановиче и при вашем прадеде, при великом князи Иване Ивановиче и при вашем деде, при великом князи Дмитрее Ивановиче, и	А с Новым ми городом жити по старине, как было при вашем пращуре, при великом князи Иване Даниловиче, и при великом князи Семене Ивановиче, и при вашем прапрадеде, при великом князи Иване Ивановиче, и при вашем прадеде, при великом князи

<p>твоём отци, при великом князе Александре Михайловиче, как жил без великого княжения, и при князи Константине и при князи при Василие Михайловичехъ и при тебе.</p>		<p>при твоём отци, при великом князи Василье Дмитриевиче, и при тебе, при великом князи Василье Васильевиче, такъ же и при моем прапрадеде, при великом князи Александре Михайловиче, как жил без великого княжения, и при князи Костянтине, и при князи Василье Михайловичех, и при моем прадеде, при великом князи Михаиле Алсандровиче, и при моем деде, при великом князи Иване Михайловиче, и при моем отци, при великом князи Александре Ивановиче, и при мне, при великом князи Борисе Александровиче.</p>	<p>Дмитрее Ивановиче, и при твоём деде, при великом князи Василье Дмитриевиче, и при твоём отци, при великом князи Василье Васильевиче, и при тебе, при великом князи Иване Васильевиче, такъ жо и при моем пращуре, при великом князи Александре Михайловиче, как жил без великого княжения, и при князи Костянтине и при князи Василье Михайловичех, и при моем прапрадеде, при великом князи Михаиле Алсандровиче, и при моем прадеде, при великом князи Иване Михайловиче, и при моем деде, при великом князи Александре Ивановиче, и при моем отце, при великом князи Борисе Алсандровиче, и при мне, при великом князи Михаиле Борисовиче.</p>
---	--	---	--

Сопоставление приведенных текстов показывает, что для московско-тверских соглашений XIV–XV вв. характерен сравнительно устойчивый формуляр постановления о порядке новгородско-тверских отношений. Говорилось о необходимости строить отношения между Новгородом и Тверью "по старине", и далее шло перечисление московских и тверских князей, при которых существовал данный порядок новгородско-московских и новгородско-тверских отношений.¹⁷

В договоре 1437 г. перечислены лишь московские великие князья, тогда как тверские правители не упоминаются вовсе. Перечисление московских великих князей явно не доведено до конца. Их перечень обрывается на Дмитрие Ивановиче (после слов "и при вашем прадеде" явно пропущена фраза "при великом князи Иване Ивановича и при вашем деде") и нет ни слова ни о Василии I, ни о Василии II, который был одним из участников соглашения. Текст договора обрывается на слове "Дмитрие", отчество великого князя (Иванович) в нем отсутствует. Между тем во всех московско-тверских договорах XIV–XV вв., в том числе и в рассматриваемом докончании, все московские и тверские правители в постановлениях о новгородско-тверских отношениях называются не только по имени, но и по отчеству.¹⁸

Из сказанного ясно, что пред нами — текст докончания, который не завершен и лишен необходимой юридической формы, в котором нет доброй половины характерных для формуляра московско-тверских договоров статей, в том числе и тех, которые придавали княжеским докончанием юридическую силу (я имею в виду формулу крестоцелования — взаимные обязательства исполнять заключенный договор). Выпадение из рукописи листов, на которых был написан текст завершающей части договора, исключено: текст рассматриваемого договора обрывается на л.62 об. и на том же л.62 об. начинается другой текст — рассуждение "От Феодрита" (о том, как следует креститься). Предположение, что перед нами — проект, также не объясняет эту особенность рассматриваемого договора. Проект по форме и составу статей не должен был существенно разниться от вступившего в силу докончания. Дело, очевидно, в том, что на л.59–61 об. рукописи Q-XVII-58 (или ее протографа) была скопирована лишь

первая часть интересующего нас московско-тверского договора (примерно половина его).

Причины сокращенного воспроизведения текста московско-тверского договора могли быть разными. Нельзя исключить и вероятность сознательного пропуска заключительной части изучаемого московско-тверского договора. Она могла содержать постановления, о которых в Москве в конце 1450 — начале 1460-х гг. предпочитали не вспоминать. В годы феодальной войны второй четверти XV в. тверской князь имел очень широкую свободу маневра в отношениях с Москвой.¹⁹ В это время Василий Темный мог пойти на какие-то существенные уступки тверскому великому князю, о которых в дальнейшем старались не говорить. И если эти уступки были зафиксированы в недошедшей до нас части московско-тверского договора 1437 г., то нет ничего удивительного ни в том, что уже в конце 1450-х — начале 1460-х гг. в Москве считали неуместным воспроизводить эти постановления, ни тем более в том, что позднее (в начале 1480-х гг.), когда встал вопрос об уничтожении самостоятельности Твери, в Москве и вовсе решили уничтожить подлинник московско-тверского договора 1437 г. (как это, возможно, было сделано тогда и с рядом других документов великокняжеского архива).²⁰

Впрочем, предположения об умышленном характере уничтожения подлинника московско-тверского докончания 1437 г., о воспроизведении в дошедшей до нас его части лишь приемлемых для московского правительства конца 1450-х гг. статей, несмотря на их заманчивость, скорее всего должны быть отведены. В сохранившейся части московско-тверского договора 1437 г. воспроизведены практически все наиболее принципиальные с политической точки зрения статьи, характерные для московско-тверских докончаний XIV—XV вв. Отсутствующие в дошедшей до нас части текста московско-тверского договора 1437 г. статьи носят общий характер и отражают в основном типичные для русской средневековой политико-правовой практики нормы. Поэтому естественнее представляется более простое объяснение — о механической порче сохранившегося текста. Составитель нашей рукописи (ГПБ, Q-XVII-58) или ее протографа мог иметь дефектный список с договора 1437 г. Он мог иметь и полный текст докончания, но скопировать только часть текста.

Таким образом, далеко не все вопросы, связанные с происхождением нашего текста, допускают однозначное и беспспорное толкование. Но два момента, на наш взгляд, очевидны:

1. Московско-тверской договор следует датировать началом апреля – началом сентября 1437 г.;

2. До нас дошел не весь текст договора, а только часть его.

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее – Д и ДГ). № 37. С.105.

² Черепнин Л.В. Русские Феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч.1. С.124–125. Отметим, что некоторые исследователи датируют сражение под Белевым декабрем 1437 г. (см., например: Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С.242–252; Назаров В.Д. Свержение ордынского ига. М., 1983. С.23). Это – датировка данного события рядом летописных сводов. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1913. Т.20. Ч.1. С.240–241; М.; Л., 1949. Т.25. С.260; М., 1965. Т.15. Стб.491).

³ ПСРЛ. СПб., 1913. Т.18. С.176,190.

⁴ Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып.V. С.302–303.

⁵ Д и ДГ. № 15. С.41; № 37. С.106. В 1395 г. на Русь напала рать Темир-Аксака. Ср.: ПСРЛ. Т.15. Вып.1. Стб.165, 447–457; Назаров В.Д. Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. Историческая география России. XII – начало XX вв. М., 1975. С.50–51, прим.27. Л.В. Черепнин и А.А. Зимин датируют данный договор 1396 г. (Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч.1. С.85–86; Зимин А.А. О хронологии. С.289).

⁶ Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т.2, 1-я пол. С.433–439; Пирлинг О. Россия и папский престол. М., 1912. С.65–70; Рамм Б.Я. Папство и Русь. М., 1959. С.223–234.

⁷ Собрание государственных грамот и договоров Российской империи, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч.1, № 103, 146, 149, 152, 153, 159, 165, 172, 177, 182, 189, 201.

⁸ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч.1. С.59; Каштанов С.М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XV – начала XVI вв. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Вып.XI. С.249, 250.

⁹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч.1. С.125.

- ¹⁰ В рукописи ГПБ, Q-XVII-58 были помещены Устав Владимира Синодальной редакции (Л.1-3 об.), т.н. правило 165 святых отцов на обидящих церковь (Л.3 об.-4), постановление о судах епископских и мерилах городских (Л.4-6 об.), Устав Ярослава Краткой редакции (Л.6 об.-7 об., 13-15, 15 об.-16 об.), титул XVII иконоборческой Эклоги (Л.7 об.-13), часть текста договора 1419 г. между великим князем Василием I и митрополитом Фотием (Л.15 об.), Сказание о Владимирской иконе божией матери (Л.16 об.-27 об.), договоры Василия II с Юрием Дмитриевичем (Л.27 об.-30 об., 30 об.-34 об.), с Василием Юрьевичем (Л.34 об.-38, 49-52 об.), с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным (Л.38-39 об., 43 об.), духовные грамоты Дмитрия Ивановича (Л.43 об., 42 об., 41 об., 40, об., 47 об., 46 об., 45 об., 44) и Василия I (Л.44 об., 64-66), договоры литовского великого князя Витовта с князьями Иванов Владимировичем Пронским (Л.66 об., 48) и Иваном Федоровичем Рязанским (Л.48-49), договор Василия I с тверским великим князем Михайлом Александровичем (Л. 52 об.-56), докончание Василия II с Дмитрием Шемякой (Л.56-60 об.), интересующий нас договор Василия II с Борисом Александровичем Тверским (Л.60 об.-62 об.), 2 слова о крещении (Л.62 об.-63 об.), Запись о душегубстве (Л.63 об., 67-68 об.), расчет лунного календаря, ряд церковных поучений (Л.70-84 об.). О датировке рукописи подробнее см. в прим.12. Л.В.Черепнин считал проектами четыре договора из документов государственного архива, отраженных в рукописи ГПБ, Q-XVII-58: докончания 1390-х гг. Василия I с Юрием Дмитриевичем и Михайлом Александровичем Тверским (Д и ДГ. № 14,15) и договоры 1430-х гг. Василия II с Василием Юрьевичем Косым и Борисом Александровичем (Д и ДГ. № 36,37). Основанием для предположения о проектном характере этих документов служит отсутствие упоминания о них в описях XVI-XVII вв. документов Государственного архива. *Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч.1. С.85-86, 123-125.*
- ¹¹ Предположение об уничтожении некоторых документов, не могущее, впрочем, считаться бесспорно доказанным, см.: *Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч.1. С.183-189. Ср.: Зимин А.А. О хронологии. С.288-289.*
- ¹² Л.1-68 Q-XVII-58 написаны на бумаге, где водяной знак — узкая бычья морда со звездой, 1455 г. (*Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1891. Ч.1. № 1012-1015; Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. М., 1951. Ч.II. С.351-352*); л.69-83 об., на которых читаются церковные поучения, написаны иным почерком и на иной бумаге — с водяным знаком "корона", 1456 г. (*Briquet С.М. Les filigranes. Т.3. № 4646*). Составитель нашей рукописи имел дос-

туп к документам не только московского великокняжеского архива, но и к документам рязанского великокняжеского архива (договоры Витовта с пронским и рязанским князьями — см. прим.10 к настоящей статье). Последнее могло иметь место не ранее 1456 г., когда после смерти великого князя рязанского Ивана Федоровича Василий Темный стал регентом при его малолетних сыновьях и послал в Переяславль Рязанский московских наместников, управлявших Рязанским княжеством вплоть до 1464 г. (ПСРЛ. СПб., 1901. Т.12. С.111-112,116).

- ¹³ Московско-тверской договор 1370-х гг. отличается от соглашений 1390-1460-х г. фиксацией сравнительно большей независимости Тверского княжества от Москвы. В частности, в нем фиксируется независимость Кашина от Твери, тверской князь признает себя младшим братом московского князя (Д и ДГ. № 9. С.25-28), тогда как по договорам 1390-х — 1460-х гг. тверской князь именуется себя "братом" московского великого князя, т.е. равным ему князем, а Кашин рассматривается как составная часть Тверского великого княжества. Особо оговаривается право тверского правителя на "путь чист" к Орде, т.е. на право самостоятельных сношений с татарами (см.Д и ДГ. № 15,37,59,63). По составленному незадолго до присоединения Твери к Москве договору Ивана III с Михаилом Борисовичем (1484 г.) суверенитет тверского князя снова резко суживается. Он становится "младшим братом" не только московского великого князя, но и его сына, лишается права самостоятельных сношений с татарами (Д и ДГ. № 79. С.295-301).
- ¹⁴ Д и ДГ. № 15. С.40-42; № 37. С.105-107; № 59. С.186-188, 189, 190; № 63. С.201-203, 204-206.
- ¹⁵ Д и ДГ. № 15. С.42-43; № 38. С.105-107; № 59. С.188-189, 190-192; № 63. С.203-204, 206-207.
- ¹⁶ Там же, № 15. С.42; № 37. С.107; № 59. С.188,190; № 63. С.203, 206.
- ¹⁷ По-видимому, этот порядок окончательно оформился в 1330-х гг. при московском великом князе Иване Даниловиче и тверском великом князе Александре Михайловиче: именно эти правители открывают список московских и тверских князей. Подробнее о московско-тверских отношениях в первых десятилетиях XIV в. см.: *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С.464-505.
- ¹⁸ Д и ДГ. № 15. С.42; № 37. С.107; № 59. С.188, 190; № 63. С.203-206.
- ¹⁹ Достаточно сказать, например, что в конце 1440-х гг. Тверь вообще формально оформила свой союз с Литвой (Д и ДГ. № 53. С.160-163; № 54. С.163-164).
- ²⁰ *Зимин А.А.* О хронологии. С.289.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ РУССКИХ КУПЦОВ 50-60-х ГОДОВ XVII ВЕКА

Взаимоотношения русского и торговавшего в России в XVII в. западноевропейского купечества неоднократно освещались в историографии. Начиная с С.М.Соловьева и Н.И.Костомарова эти взаимоотношения рассматриваются в плане борьбы отечественных и иноземных торговых людей, как торговых конкурентов. В трудах К.В.Базилевича эта борьба изучалась в свете становления экономической политики России, получившей название русского меркантилизма. Им прослежено усиление протекционистского характера таможенной системы в XVII в. Соперничество за преобладание на формирующемся российском рынке шло как между русским и западноевропейским купечеством, так и между различными национальными отрядами западноевропейских торговцев, преимущественно английских и нидерландских. В XVI—XVII столетиях эти страны боролись за господство на мировом рынке.

При изучении внешнеторговых связей исследователи широко используют коллективные челобитные русского купечества первой половины и середины XVII в., поданные на имя царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича¹. В этих челобитных основными конкурентами русского купечества названы англичане, нидерландцы и жители Гамбурга. Главное требование русских купцов: запретить иностранцам торговать внутри государства, ограничить их деятельность лишь несколькими пограничными пунктами. Право торговать внутри государства имели далеко не все иноземцы, но лишь те из них, кому выдавались царским правительством жалованные грамоты, даровавшие эту привилегию. В первой половине XVII в. жалованные грамоты имели несколько десятков иноземцев. Но торговавших в русских городах иностранных купцов было гораздо больше, так как по одной жалованной грамоте приезжали родственники, приказчики ее обладателя, а также и посторонние под видом родственников и

приказчиков. Эти и другие злоупотребления изложены в челобитных русского купечества.

Требование русских коммерсантов запретить иностранцам торговлю внутри страны было вызвано тем, что привилегированное иноземное купечество оттесняло их от посреднической торговли русскими товарами. Русские товары (кожи, пенька, поташ, сало, смола, рыба, лен и проч.), вопреки существовавшему запрету, скупались иностранцами у непосредственных производителей — крестьян и посадских людей или перекупались у скупщиков и продавались другим иностранцам в Архангельске и других пограничных пунктах. Требование монополии на посредническую торговлю товарами своей страны характерно для купечества европейских стран в условиях генезиса капиталистических отношений. Русское купечество не представляло в этом смысле исключения.

Нарушая монополию русского купечества на посредническую торговлю отечественными товарами, иностранцы искусственно занижали цены на русские товары. Они пользовались при этом услугами мелких поставщиков. Крупные и средние русские купцы были вынуждены сбывать большие партии своих товаров по невыгодным для себя ценам, что вело к сокращению их торговой прибыли. Отсюда ясно, что челобитные выходили из среды крупного и среднего отечественного купечества. Иностранцы также обвинялись в поставках некачественных "заморских" товаров и контрабандном привозе жемчуга, золота, драгоценностей и некоторых других предметов роскоши.²

Требования русского купечества в те времена отвечали экономическим интересам страны. Монополия в посреднической торговле русскими товарами способствовала бы более быстрому накоплению капиталов, их ускоренной концентрации, что в условиях формирования всероссийского рынка и генезиса капиталистических отношений ускоряло бы процесс становления отечественной буржуазии. Но, как известно, царское правительство не спешило принять сторону крупного и среднего отечественного купечества по внешнеэкономическим и политическим соображениям. Указом 1 июня 1649 г. были ликвидированы привилегии лишь английской Московской

компании.³ Однако сохранялись привилегии нидерландцев и гамбургцев.

В отечественной историографии подробно рассматривались челобитные русского купечества первой половины XVII в., до указа 1 июня 1649 г. Но аналогичные челобитные подавались и в середине – второй половине XVII в.⁴ Теперь их острие направлялось против привилегированных купцов из Нидерландов и Гамбурга, действовавших на внутреннем русском рынке. В настоящей работе мы приводим текст одной из таких челобитных. Она составлена в 50-60 гг. XVII в. Верхняя хронологическая грань – вторая половина 1649–1650 гг., то есть после указа 1 июня 1649 г., поскольку он упомянут в данной челобитной. Нижняя грань – 1667/68 гг. Эта челобитная находится в столбце фонда Приказных дел старых лет (ф.141) РГАДА, зафиксировавшем очную ставку гостя Аверкия Кирилова с нидерландскими и гамбургскими купцами в Посольском приказе в 1668 г. А.Кирилов определял этот документ как "старинную мирскую заручную челобитную".⁵ Следовательно, она написана ранее 1667/68 гг.

Впервые на наличие такой челобитной указал Ю.А.Тихонов при анализе таможенной политики российского правительства в XVII в. Однако он не обратил внимание на то, что она была подана не только от русских, но и иностранных торговцев.

Текст челобитной: "Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьют челом холопи твои гости, гостиные и суконные сотни и розных городов торговые людишки и приезжие иноземцы розных земель, галанцы и анбурцы, которые приезжаем с товары своими на твою государеву ярманку к Архангельскому городу. В прошлом, государь, во 156 году били мы челом тебе, государю, гости, и гостиные, и суконные сотни, и все розных городов торговые людишка, чтобы иноземцем, аглечениям, и анбурцам, и галанцам от Архангельского города к Москве и в розные города с товары своими ездити не велеть. И по твоему государеву указу аглечениям торговым людям от Архангельского города к Москве и в розные города с товары своими ездить не велено. А галанцам и анбурцам, которые от Архангельского го-

рода к Москве и в розные города с товары своими ездят, и им указу не учинено. И ныне, государь, галанцы и анбурцы, которые ездят в розные города с товары своими, торгуют на ярманке у Архангельского города заговором. И нам, холопям твоим и сиротам, розных городов торговым людишкам, и приедем торговым иноземцам для их заговору в торговом деле в проторшках чинятца убытки великие. И в предь нам, холопям твоим и сиротам, и приедем торговым иноземцам на ярманку к Архангельскому городу ездит с товары своими невозможно. Потому, государь, что те торговые иноземцы, которые от Архангельского города к Москве и в розные города ездят с товары своими, галанцы и анбурцы, и оне на ярманке у Архангельского города торгуют товары своими не всеми. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Руси. Пожалуй нас, холопей и сирот, и приедем торговых иноземцов, которые от Архангельского города к Москве с товары своими не ездим. Не вели, государь, и тем торговым иноземцам с товары своими к Москве и в розные города ездить против своего государева указу, как и аглечениям не велено ездить, чтобы нам, холопям и сиротам твоим, промыслишков своих торговых не отбыть, а нам, иноземцам, на твою государеву ярманку с товары своими приезде не отбыть же. А твоя государева ярманка впредь не запустела. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!"⁶ Челобитную подписали: Василий Шорин, Кирил Босый, Осташко, Дмитрий Федосеев, Иван Усов, Потап Яковлев, Дмитрий Слепышев, Иван Константинов, Евстафий Михайлов, Гаврила Антипин, вологжанин Харлам Романов, москвитин Борис Леонтьев, Ларион Иванов вместо отца Ивана Андреева ярославца, ярославец Федор Неждановский, ярославец Иван Худяров, вологжанин Парфений Окишев, Федор Викулин, Василий Козмин, казанец Илья Деев, Константин Митин, Федот Суханов, Григорий Григорьев сын Бородатов, суконного ряда Степан Гладкой, Исаак Шихонцев, костромской стряпчий Максим Чоботов вместо костромитина Емельяна Исакова, суконного ряда Аверкий Стефанов, Дмитровской сотни Антипка Елизаров, суконного ряда Иван Бабин, Филипко вместо Семена Гладкова.⁷

Наиболее существенная особенность этой челобитной в том, что она подана от имени не только русского купечества, но и "приезжих иноземцев розных земель", нидерландцев и гамбургцев, которые приезжали на Архангельскую ярмарку и не имели жалованных грамот, разрешавших торговлю внутри страны. В челобитной отмечена близость интересов русских торговцев и непривилегированного иностранного купечества. Они выступают против имевших жалованные грамоты нидерландских и гамбургских купцов, которые торговали на архангельской ярмарке "заговором", от чего челобитчикам "чинятца убытки великие". Привилегированные иностранцы стремились покупать русские товары по низким ценам. Они препятствовали непосредственным контактам непривилегированных иноземцев и русских торговцев, выжидали и одновременно заключали сделки с мелкими русскими поставщиками. В этом, по нашему мнению, заключался "заговор", о котором говорится в челобитной. В результате этих действий, как уже отмечалось, падала цена на русские товары. К концу ярмарки крупные и средние отечественные коммерсанты были вынуждены продавать товары по низким ценам привилегированным иноземцам, чтобы их как-то реализовать. Сближение интересов русского и непривилегированного иноземного купечества можно объяснить тем, что привилегированные иностранцы препятствовали их прямым контактам друг с другом, навязывали свое посредничество в своекорыстных интересах. Поэтому челобитчики требовали ликвидировать привилегии, запретить иностранным купцам торговать внутри государства. При этом русское купечество предрекало свое разорение, а непривилегированные иностранцы грозили не приезжать на Архангельскую ярмарку в случае неудовлетворения их требований.

В числе русских купцов-челобитчиков выделяются гости В.Шорин и К.Босый — дельцы всероссийского масштаба. Челобитную подписали купцы из Москвы, Вологды, Казани, Костромы и Ярославля — крупнейших городов XVII в., в которых была сосредоточена "верхушка" русского купечества. Среди подписавших челобитную нет непривилегированных иностранных купцов, хотя она подана и от их имени. Но

этому факту можно найти различные объяснения. Главное заключается в том, что сближение интересов челобитчиков имело под собой реальную основу.

После 1667 г. новых челобитных от русских купцов не поступало, т.к. таможенные барьеры поставили их в более выгодное положение на российском рынке. Правительство введением Нового торгового устава отвергло предложение о запрещении торговли иностранцам внутри страны и избрало путь увеличения для них таможенных пошлин. Как показало время, это увеличило доходы казны и облегчило положение русского купечества.

Опубликованная челобитная представляет несомненный интерес. Нам неизвестны более ранние аналогичные документы, составленные от имени русского и непривилегированного иностранного купечества, приезжавшего на Архангельскую ярмарку.

¹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1961–1962. Кн.V. С.70-72, 90-95, 139-142, 146-148, 474-476, 486-487; Кн. VII. С. 95-96, 101-104; *Костомаров Н.И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889. С. 17-38; *Мулюкин А.С.* Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса, 1912; *Смирнов П.П.* Новое челобитие московских торговых людей о высылке иноземцев 1627 года //Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1912. Кн. 23. Вып.1; *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч.1. С. 158-163, 295-296; *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией при первых Романовых //ЖМНП. 1916, ноябрь-декабрь; она же. Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией //Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Т.5; она же. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 год //Известия АН СССР. VII серия. 1933. № 10; *Бакланова Н.А.* Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века //Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и начале 18 столетия. Труды ГИМ.М., 1928. Вып. 4; *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII века //Известия АН СССР. Отделение общественных наук, 1932. № 2; *Архангельский С.И.* Англо-голландская торговля с Москвой в XVII в. //Исторический

сборник. М.; Л., 1936. Т.5; *Покровский С.А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. //Исторические записки. М., 1955. № 53. С. 282-283; *Басова А.А.* Англо-голландское торговое соперничество в первой половине XVII в. //Труды Горьковского пединститута им. А.М.Горького. Горький, 1957. Т. XXI. 5-й исторический сборник; *Телегина Э.П.* К вопросу о торгово-предпринимательской деятельности англичан в России в 30-40 гг. XVII в. //Ученые записки Благовещенского гос. пединститута им. М.И.Калинина. Благовещенск, 1958. Т. IX; *Рухманова Э.Д.* Архангельская торговля России (XVII в.) //Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980; *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Ч.1-2.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.1. № 9, 408 (ПЗС); Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Ч.III. № 138 (СГГид); Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. СПб., 1836. Т.IV. № 13; *Смирнов П.П.* Указ. соч.

³ ПСЗ. Т.1. № 9; СГГид. Ч.III. № 138.

⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп.4.1668 г.Д.13. Л.55; *Тихонов Ю.А.* Указ. соч. С.286-287.

⁵ Там же. Л.56-57.

⁶ Там же. Л.56 об.-57 об.

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О КРУПНОМ ХОЗЯЙСТВЕ XVII ВЕКА (ВЛАДЕНИЯ БОЯРИНА Г.И.МОРОЗОВА)¹

Публикуемый документ относится к тем документам, в которых историки испытывают очень большую потребность. Речь идет о текстах, содержащих сведения о путях формирования частновладельческих имений, организации управления ими, собственно хозяйственной жизни и, главное, системе эксплуатации крестьянства. Многолетние настойчивые поиски в архивохранилищах дают результаты. Но все же до сих пор число имений, по которым есть такого рода материалы, не превышает полусотни. Причем, они касаются лишь отдельных частей имений. Пожалуй, единственным исключением является комплекс владений боярина Бориса Ивановича Морозова.

Благодаря обнаружению публикуемого документа, появилась возможность составить представление по означенному кругу вопросов относительно земельных владений его родного брата боярина Глеба Ивановича Морозова.

Документ находится в коллекции столбцов Поместного приказа по Мурому и содержит описание 15 имений в 8 уездах². Столбец дошел до нас не целиком, отчего описание не охватывает всех имений Г.И.Морозова. Прямые свидетельства тому — обрыв текста на подзаголовке "На Резани ..." ³, а также большой пробел после данных, относящихся к вотчине в Алаторском уезде, в результате чего от ярославской вотчины есть данные лишь по деревне Ветреной⁴. В научных трудах выявлен еще ряд владений самого Г.И.Морозова и тех, которые принадлежали ему совместно с братом: ярославское село Глебовское, подмосковные села Скрябино, Зюзино тож и Усово, сельцо Игнатовское⁵. К ним можно добавить поместье братьев на Вологде под посадом — большое промышленное село Фрязиново⁶.

Описание не датировано. Можно согласиться с предположением Ю.А.Тихонова о времени составления его между 1662 г. (кончина Б.И.Морозова) — около 1666 г. (кончина бездетного И.Г.Морозова). Причем более вероятна последняя дата, так как пометы на полях против каждого имениа "По скаске прикащиков, которые в том селе были" очень напоминают сдачу дел поголовно сменяемой внутривотчинной администрации при переходе земель в казну.

Повод для составления документа — то, что он происходит не из архива владельца, а из делопроизводственных материалов центрального учреждения, определил насыщенность содержащейся в нем информации. Отсылая читателя по вопросам о формах ренты и ее размерах к названной статье Ю.А.Тихонова, отмечу ряд моментов, представляющих интерес.

Группа помет на полях сообщает сведения о путях приобретения всех частей владения Г.И.Морозова. Из них явствует, что боярин увеличивал свои имения несколькими путями: царскими пожалованиями, покупкой у служилых людей, приобретением земель, ведавшихся Конюшеним приказом и Приказом Большого Дворца. Немалую долю владений составили земли, полученные от тестя — боярина Алексея Юрьевича Сицкого⁷. Часть сел и деревень находилась в совместном владении братьев Морозовых. Ряд других Б.И.Морозов передал брату. Важны сведения о формировании вотчины самого А.Ю.Сицкого ("купли" и "выслуги"). Данные эти свидетельствуют о том, что не только Г.И.Морозов значительно увеличил свои земли в результате породнения с Сицким, но и последний использовал для тех же целей влияние зятя и его брата при дворе. Зафиксированное в документе во много раз превышает то, что было за А.Ю.Сицким по писцовым книгам первой трети XVII в.⁸ Не менее существенно, что в передаче вотчин зятю — Г.И.Морозову — прослеживается тенденция выполнения указов 1562, 1572, подтвержденных и развитых в указе от 3 декабря 1627 г., о запрещении передавать по женской линии родовые земли⁹. Все дачи А.Ю.Сицкого зятю — это "выслуга" и "купля", наследование

которыми осуществлялось в соответствии с волей завещателя.

Обнаружение подобного документа в столбцах Поместного приказа еще раз показало необходимость систематического обследования делопроизводственных материалов центральных и местных учреждений XVI—XVII вв.¹⁰

¹ Документ был предоставлен мною Ю.А.Тихонову для написания статьи: Рентные отношения в боярском владении середины XVII в. // *Феодализм в России. Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В.Черепнина*. М., 1987. С.156-165.

² Российский государственный архив древних актов (далее: РГА-ДА. Ф.1209. Оп.1237. Стб.59-73. По существующей терминологии за имения приняты один или несколько населенных пунктов, жители которых несли одинаковые повинности.

³ Там же. Л.73.

⁴ Там же. Л.62-63.

⁵ *Тихонов Ю.А.* Указ. соч. С.157-158, 164-165; он же. Помещичьи крестьяне в России. Феодалная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974. С.173-174, 182-183, 189; *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б.И.Морозова. Л., 1967. С.19-20, 21, 29, 31, 42, 51, 90, 133, 187, 194.

⁶ *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т.П. С.125,131.

⁷ Не совсем понятна дата женитьбы Г.И.Морозова на дочери А.Ю.Сицкого, упомянутая Ю.А.Тихоновым — 1649 г. (Указ. соч. С.158). В писцовой книге Московского у. есть описание "преданей" вотчины Г.И.Морозова сельца Игнатовского, которым он владеет "по данной тестя своего боярина князя Алексея Юрьевича Сицкого 136-го году", то есть 1627/28 г. РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн. 9807. Л.586-614.

⁸ *Шватченко О.А.* Размещение и структура вотчинного землевладения в первой трети XVII в. // *Исторические записки*. М., 1987. Т.115. С.295.

⁹ Там же. С.286.

¹⁰ О ведущейся работе и обосновании ее см.: *Корецкий В.И.* Методика выявления уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства // *Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов IV всесоюзной конференции*. Днепропетровск. М., 1983. С.155-161.

Описание хозяйства крупного вотчинника
XVII в. боярина Г.И.Морозова

Боярин Глеб Иванович Морозов.
Вотчины за ним тестя ево боярина князя
Алексея Юрьевича Сицкого.

На Олаторе.
Село Порецкое 395 чети, 399 дворов¹.

В селе Порецком ныне 296 дворов, пашни боярские пашут² крестьяне 55 десятин, сенных покосов 500 копен, денег по 250 рублей, да за рыбные ловли по 130 рублей, за таможду да за две мельницы да за Сур ...³ перевоз по 165 рублей, вина сидеть в боярском хлебе по 250 ведр, рыбы лещей и щук по 350 пластей, рыбы ж свежие приваживали воза по 2 и по 3.

Да в селе ж Порецком дикого поля по конец порецких поль⁴, что ему продано ис поместья в вотчину 897 чети, а пашут тое земля села Порецкого крестьяне./Л.60/

Да пустошь Семеновское, а Михенино тоже, 300 чети⁵.

В селе Семеновском ныне 114 дворов, пашни боярские пашут⁶ крестьяне ржи 25 десятин, сена 500 копен, вина из боярского хлеба сиживали по 100 ведр, рыбы щук и лещей по 130 пластей, денег по 100 рублей, за мельницу откуп 20 рублей, круп овсяных и толокна из боярского хлеба дельвали по 10 чети, да боярского хлеба ржи малые же полчети; а выживали тот запас к Москве стругом. /Л.61/

Всего на Олаторе вотчин 1589 чети, 399 дворов.

А по скаске прикащиков ныне в тех вотчинах 410 дворов и прибыло против прежнего 11 дворов ...⁷ /Л.62/ ... масла коровья 5 пуд, 20 гусей, 40 уток, 80 поросенков, 40 боранов, 40 куриц, 1000 яиц, 10 пуд железа, да рыбные ловли в реке Волге, а что было лов рыбы, и то прислано к Москве, а луги и логи кашивали на боярский обиход.

Деревня Ветреная 33 чети, 49 дворов⁸.

В деревне Ветреной ныне 56 дворов, боярские пашни 2 десятины⁹, сенных покосов 500 копен, оброку 50 рублей да с пустошей

15 рублей — обоиво 65 рублей, да вя/Л.63/леной рыбы 18 пластей, 3 чети снятков, 1000 яиц, 30 кур.

Всего в Ярославле 463 чети, 173 двора.

А по скаскам прикащиков в тех вотчинах 182 двора, и прибыло против прежнего 9 дворов.

В Переславле Залеском вотчин.

В Оргуновской волости село Никольское з деревнями 378 чети, 202 двора¹⁰. /Л.64/.

В селе Никольском з деревнями ныне 216 дворов, оброку 64 рубли, 16 ведр вина, 32 пуда мяса свиного, 216 возов сена, 3000 драниц, 600 тесу, сена косят 2000 копен, с мельницы оброку 35 рублей, столового запасу — 300 куриц, 2000 яиц, 13 боранов; пашню боярскую пашут по 5 десятин, да они ж пашут в селе Овчинникове по 18 десятин, да с них же ягоды и грибы и грузди; да в Подмосковные вотчины имано деловцов по 20 человек.

В Борисоглебском стану деревня Боярская 30 чети, 21 двор¹¹.

В деревне Боярской 18 дворов, оброку 20 рублей, сена косят¹² 500 копен, столовых запасов и иных никаких оброков нет¹³ /Л.65/.

Всего в вотчинах в Переславле 408 чети, 223 двора.

А по скаске прикащиков 234 двора, и прибыло потив прежнего 11 дворов.

Да поместья.

Сельцо Григорьевское да сельцо Латиберово 34 чети, 22 двора¹⁴.

В сельце Григорьевском да в сельце Латиберове ныне 12 дворов¹⁵, оброку 20 рублей, сена косят 500 копен, с пустошей емлют по 15 рублей.

На Угличе.

Село Федотьево з деревнями 196 чети, 43 двора¹⁶.

В селе Федотьево з деревнями крестьянских и бобыльских 44 двора¹⁷, пашни боярские пашут ржи 8 десятин, оброку дают по 11 рублей, 700 яиц, по 6 ... ¹⁸ боранов, да из боярского хлеба запасов муки 50 чети, /Л.66/ толокна 10 чети, сена косят по 1000 копен.

Село Рождественное з деревнями 454 чети, 166 дворов¹⁹, да деловых людей ис крестьян 13 дворов, всего 179 дворов.

Да село Болакирево з деревнями 307 чети, 72 двора²⁰.

В селе Рождественном и в Болакиреве ныне 240 дворов²¹, оброку по 30 рублей, пашни боярские пашут по 100 десятин, сена 1000 копен, столовых запасов из боярского хлеба дельвали сколко прикажут.

Село Притыкино з деревнями и с пустошми 286 чети бес полу-осмины, 21 двор²². /Л.67/.

В селе Притыкине з деревнями крестьянских 22 двора, с крестьян оброку на год 40 рублев.

Всего на Угличе 1243 чети, крестьянских 315 дворов. А по скаске прикащиков, которые в тех вотчинах были, — 306 дворов, и против прежнего убыло 9 дворов.

В Звенигороде.

В Гороцком стане село Иславское с приселком Ориным 839 чети, 50 дворов²³.

В селе Иславском²⁴ ныне крестьянских 70 дворов, боярской пашни 31 десятина с полудесятиною, пашут крестьяне и деловые люди, сена 5527 копен, 35 сажень дров, 75 боранов, 70 куриц, да с мельницы денег 30 рублев.

Деревня Грязь Высокая да пустошь²⁵ Симоново 160 чети с осми /Л.68/ною, 4 двора²⁵.

В деревне Грязи²⁶ ныне 6 дворов крестьянских, пашни боярские и сенных покосов нет; столовых запасов: свиново мяса полтора пуда, 6 боранов, 6 куриц, 60 яиц, 3 сажени дров. Да в селе Иславском работают и²⁷ всяко зделье делают²⁷.

И всего в Звенигороде 999 чети, 54 двора.

А по скаске прикащиков ныне 76 дворов.

В Арзамасе.

Вотчин.

В Тешском стану село Новое Туманово да деревня Старое Туманово 450 чети²⁸.

Да в Тешском же стану в деревне Старой же Туманове 65 чети²⁹.

Всего 515 чети, 170 дворов. /Л.69/.

В селе Никольском³⁰ Туманове ныне³¹ 138 дворов, пашни крестьяне пашут 50 десятин, сена 1300 копен, мяса свиного 25 пуд, 41 гусь, 41 поросенок, 25 уток, 138 коров, полтретья пуда масла, 1000 яиц, 20 боранов, за рыбны ловли 15 рублев.

Деревня Посьякова да деревня Булгакова 315 чети, 66 дворов³².

В деревне Булгакове з деревнями³³ крестьянских и бобыльских 118 дворов, боярские пашни пашут 42 десятины, денег 63 рубли 30 алтын, 14 пуд 20 гривенок мяса свиного, 14 гусей, 14 уток, 14 поросят, 46 куриц, 2 пуда масла коровья /Л.70/, 700 яиц, 14 боранов, сена 300 копен, за рыбные ловли 4 рубли 8 алтын 2 ...³⁴.

Всего в Арзамасе 830 чети, 236 дворов. А по скаске прикащиков ныне в тех вотчинах 256 дворов.

И против прежнего прибыло 26 дворов. /Л.71/.

На Костроме.

Вотчин.

Село Сунгурово да село Минское з деревнями и с пустошми 1486 чети, 490 дворов³⁵.

В селе Сунгурове да в селе Минском з деревнями³⁶ 395 дворов, ржи сеют помещиковы³⁷ по 47 чети с осминою, оброку 807 рублей 27 алтын, с перевозу 70 рублей, 25 пуд свиных мяс, 25 гусей, 50 уток, 50 ососов, 50 куриц, 500 яиц, 25 боранов, 364 аршина холстов, 6 кербей лну, полтора пуда масла коровья, по косяку мыла.

В Селицкой волости жеребеи в селе Иванцове з деревнями и с пустошми 477 чети, 122 двора³⁸. /Л.72/.

В селе Иванцове з деревнями³⁹ 122 двора, оброку 10 рублей, да за сенные покосы и за пустоши 122 рубли 16 алтын 4 денги; да с рыбных ловель по 20 рублей, сена 500 копен, работников 5 человек в год.

Да что продано ис Конюшенного приказу сенные покосы 179 чети⁴⁰.

Да ис Приказу Большого Дворца в Селицких дву мельницах 29 чети⁴¹.

И те де сенные покосы косят про боярской обиход да тех же сенных покосов с мельниц оброку 64 рубли 16 алтын 4 денги.

Всего на Костроме 2171 чет, 612 дворов. А по скаске прикащиков ныне де в тех вотчинах 517 дворов, и против прежнево убыло 95 дворов.

Поместья.

Жеребей села Селища з деревнями 475 чети, 81 двор⁴². /Л.73/.

А что в том поместье ныне налицо крестьянских и бобыльских дворов и оброку, и того прикашики имянно не сказали, потому что де тем поместьем боярин Глеб Иванович владел с вотчиною вместе.

В Нижнем.

Вотчин.

Село Покровское, Нагавицыно тожь, з деревнями 620 чети, 295 дворов⁴³.

В селе Покровском з деревнями ныне крестьянских и бобыльских 301 двор⁴⁴, боярские пашни пашут крестьяне 352 десятины, сена 880 копен, денег 330 рублей, 44 пуда мяса свиново, 22 гуся,

22 поросенка, 3 пуда 30 гривенок с полугривенкою масла коровья, 900 яиц.

По скаске против прежнего прибыло 6 дворов.

На Резани ...⁴⁵

РГАДА, Ф.1209, Поместный приказ, Оп.1237,
Стлб.36175 по Мурому, № 31, Л.59-73.

- ¹ На левом поле почерком основного текста: "Выслуга Сицкого".
- ² На левом поле тем же почерком: "По скаске прикащиков, которые в том селе были".
- ³ Текст отсутствует из-за повреждения правого поля столбца.
- ⁴ На левом поле тем же почерком: "Купля Глеба Ивановича ис поместья".
- ⁵ На левом поле тем же почерком: "Купля Сицкого".
- ⁶ На левом поле тем же почерком: "По скаске прикащиков, которые в том селе были".
- ⁷ При подклейке столбца — пропуск. Последующий текст содержит окончание сведений о вотчинах в Ярославском уезде.
- ⁸ На левом поле тем же почерком: "Выслуга Ситцкого".
- ⁹ На левом поле тем же почерком: "о скаске прикащиков, которые в той деревне были".
- ¹⁰ На левом поле тем же почерком: "Выслуга Сицкого".
- ¹¹ На левом поле тем же почерком: "По скаске прикащиков, которые в селе были".
- ¹² На левом поле тем же почерком: "Купля Глеба Ивановича".
- ¹³ На левом поле тем же почерком: "По скаске прикащиков, которые в той деревне" (так!).
- ¹⁴ На левом поле тем же почерком: "... Глеба Ивановича". Текст утрачен из-за дефекта края столбца.
- ¹⁵ На левом поле тем же почерком: "По скаске прикащиков, которые в тех сельцах были".
- ¹⁶ На левом поле тем же почерком: "Выслуга Сицкого".
- ¹⁷ На левом поле тем же почерком: "По скаске прикащиков, которые в том селе были".
- ¹⁸ Текст расположен у правого края столбца, который в этом месте поврежден.
- ¹⁹ На левом поле тем же почерком: "/Вотч/ иная и купленная Сицкого". Текст отсутствует из-за повреждения края столбца.
- ²⁰ На левом поле тем же почерком: "Купленная Сицкого".
- ²¹ На левом поле тем же почерком: "По скаске прикащиков, которые в том селе были".
- ²² На левом поле тем же почерком: "Купля Глеба Ивановича".

- 23 На левом поле тем же почерком: "Купля Бориса Ивановича и Глеба Ивановича".
- 24 На левом поле тем же почерком: "По скаске прикашиков, которые в том селе были".
- 25 На левом поле тем же почерком: "Купля Сицкого".
- 26 На левом поле тем же почерком: "По скаске прикашиков, которые в той деревне были".
- 27 Так в рукописи.
- 28 На левом поле тем же почерком: "Выслуга Глеба Ивановича".
- 29 На левом поле тем же почерком: "Купля Глеба Ивановича".
- 30 Так в рукописи (см. выше).
- 31 На левом поле тем же почерком: "По скаске прикашиков, которые в том селе были".
- 32 На левом поле тем же почерком: "Купля Глеба Ивановича".
- 33 На левом поле тем же почерком: "По скаске прикашиков, которые в той деревне были".
- 34 Текст отсутствует из-за повреждения правого поля столбца.
- 35 На левом поле тем же почерком: "Выслуга Глеба Ивановича".
- 36 На левом поле тем же почерком: "По скаске прикашиков которые в тех селех были".
- 37 Так в рукописи, хотя в документе описываются вотчины.
- 38 На левом поле тем же почерком из-за повреждения столбца читается: "... га...а". Вероятно: "/Выслу/га/ Глеба Иванович/а".
- 39 На левом поле тем же почерком читается: "... при... кото... селе..." По аналогии с предыдущими пометами, вероятно: "По скаске прикашиков, которые в том селе были".
- 40 На левом поле тем же почерком читается: "... ба... ча". Так как в тексте есть указание на продажу покосов, вероятно: "Купля Глеба Ивановича".
- 41 На левом поле тем же почерком читается: "... ба... ча". Как и в предыдущем случае, вероятно: "Купля Глеба Ивановича".
- 42 На левом поле тем же почерком читается: "... а... ича". Ниже указана принадлежность поместья Г.И.Морозову. Поэтому, вероятно: "Глеба Ивановича".
- 43 На левом поле тем же почерком читается: "...га Бориса... новича". Очевидно, что речь идет о выслуге, но одного Б.И.Морозова или с братом не устанавливается.
- 44 На левом поле тем же почерком: "По скаске прикашиков, которые в том селе были".
- 45 На этом текст обрывается.

ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ИНОСТРАНЦЕВ

Политическая история XVII в. изучена недостаточно и неравномерно. По отдельным хронологическим отрезкам существуют значительные пробелы в литературе. В частности, в источниках слабо освещены события царствования Михаила и Алексея Романовых. Вне внимания историков остались такие вопросы, как история политической борьбы внутри господствующего класса в 40-60-х годах XVII в., соперничество различных придворных группировок в борьбе за власть. Восполнение этого пробела на уровне событийном, фактологическом — ближайшая и первоочередная задача исследователя. Попытки такого рода, предпринимавшиеся в отечественной историографии (П.П.Смирнов, С.В.Бахрушин, А.А.Бульчев, И.Л.Андреев, М.А.Алпатов, О.Е.Кошелева)¹, представляются недостаточными. Сложность изучения истории политической борьбы заключается в отсутствии комплекса отечественных источников по данной теме. Поэтому, обращение к иностранным свидетельствам представляется необходимым.

На иностранные сочинения как на источник по русской истории обратили внимание уже давно. Начиная с XVIII в., появляются сборники компилятивного², библиографического³, источниковедческого⁴ характера, где иностранные записки анализировались с разных сторон, в том числе, и как источник по внутриполитической борьбе в России⁵. Наиболее широко привлекались иностранные сочинения для изучения полных трагизма событий при дворе Ивана Грозного (А.А.Зимин, Р.Г.Скрынников, Л.Н.Годовикова и др.)⁶.

Свидетельства иностранцев XVII в. редко использовались для освещения политической борьбы в России. В поле зрения исследователей, как правило, попадали лишь два сочинения: "Подробное описание путешествия голштинского по-

сольства..." А.Олеария⁷ и "Путешествие в Московию барона Мейерберга..."⁸

Следует отметить, что записки иностранцев привлекались как иллюстративный материал, их серьезный источниковедческий анализ отсутствовал⁹.

В связи с этим, целесообразно дать подробную источниковедческую характеристику сочинениям иноземцев.

Иностранные свидетельства содержат материал, отсутствующий в отечественных источниках. Иностранцы подмечали факты, которые для русского человека XVII в. были обычными, "нормой", не фиксировавшейся в отечественных источниках. Кроме того политическая борьба, отношения при дворе не были предметом обсуждения широких слоев населения, поскольку тщательно скрывались. Секретность рождала слухи и домыслы, отражавшиеся преимущественно в материалах по государственным преступлениям¹⁰. Только из донесения иностранных агентов и резидентов мы узнаем о закулисных интригах русского двора, о разговорах в боярских кругах, о насроениях "улицы".

Уникальность информации, содержащейся в иностранных сочинениях, проявляется, например, в передаче сведений о пребывании в Москве датского принца Вольдемара, жениха царевны Ирины Михайловны. Сочинение датского дворянина из свиты принца подробно описывает жизнь Вольдемара в столице, попытки русского правительства заставить королевича переменить веру, действия оппозиции, направленные на расторжение брачного договора¹¹. Автор приводит ряд интересных подробностей, отсутствующих в русских источниках¹².

Для того, чтобы максимально использовать иностранные записки для изучения политической борьбы, нужно убедиться в достоверности свидетельств, содержащихся в них. Один из путей этого — сопоставление сочинений иностранцев, описывающих одни и те же события, и их сравнение с русскими источниками.

Так, многочисленные иностранные свидетельства о московском восстании 1648 г. сопоставимы с отечественными официальными документами, челобитными, грамотами. Но

очень часто такая перепроверка бывает невозможна, т.к. каждый автор сообщает что-нибудь новое. В этом случае проверка достоверности его рассказа связана с изучением его происхождения, уровня образования, профессии, цели пребывания в России, отношений с московскими властями, с другими иностранцами.

Так, не вызывает особых сомнений фактическая сторона донесений шведских резидентов К.Поммеренинга и И.де Родеса. По характеру своей деятельности они должны были информировать шведское правительство обо всем происходящем в России. Причем от точности, важности и быстроты сообщения зависел размер вознаграждения за службу. В конкурентной борьбе они использовали любые методы достижения цели, вплоть до клеветы друг на друга. К примеру, Иоганн де Родес сообщает королеве Христине, что "теперешний господин Поммеренинг ничего не делает, кроме того, что пишет кучу неправды"¹³. Современный же исследователь извлекает из подобных доносов дополнительную информацию. Очень ценный материал о противоборствующих группировках в московском правительстве находим в донесениях Карла Поммеренинга. Он, в частности, сообщает о конфликте, происшедшем между Я.К.Черкасским и Б.И.Морозовым 31 октября 1648 г. на обеде в присутствии царя¹⁴; замечает, что Н.И.Романов несколько раз отказывался подписывать Соборное Уложение¹⁵, анализирует действия оппозиции, которая в своем стремлении завоевать расположение царя и посада, готова была даже поддержать государев указ о закладчиках, ущемлявший ее права¹⁶.

Высокой степенью точности отличаются сочинения, написанные членами различных посольств: А.Олеарием, А.Мейербергом, А.де Роде. Ученый А.Олеарий сам изъявил желание участвовать в посольстве в Московию и смотрел на свое путешествие не только как на государственную службу, но и как на возможность научных изысканий. Его описание составлено на основе личных наблюдений, расспросов русских и иностранцев об интересующих его сюжетах; он использовал также русские летописи, записки иностранцев о России. Благодаря пристрастию Олеария к деталям и обстоя-

тельности описания мы имеем подробный рассказ о жизни Московского государства XVII столетия.

Барон Августин Мейерберг возглавлял посольство императора Леопольда в Москву. Сообщаемые Мейербергом сведения о русских отличаются большой точностью. Из сочинения видно, что автор обладал широкими знаниями, даром слова и оригинальностью мышления. Его "Путешествие..." составлено на основе собственных дневниковых записей и служебного отчета о дипломатической миссии в Россию императору Леопольду.

Секретарь датского посольства (1659) Андрей де Роде вел дневник пребывания в Москве¹⁷. Ценность его свидетельства в непосредственности наблюдений происходящего.

Вопрос об авторстве записок тесно связан с вопросом об источниках информации. Правда, сведения о них тщательно скрывались, но в этом случае могут помочь как анализ самих текстов записок, так и случайные сообщения в других документах.

С уверенностью можем говорить о том, что Поммеренинг и Коллинс получали сведения из самых высокопоставленных кругов. Шведский резидент обладал информацией "из первых рук": он сообщал о планах русского правительства в отношении Швеции, Польши, Турции и других государств; подробно описывал соперничество Н.И.Романова и Черкасских с Б.И.Морозовым и И.Д.Милославским. Его отчеты были "сверхсекретны", порой ему приходилось передавать их зашифрованными, как, например, информацию о борьбе московских придворных партий¹⁸.

Самуил Коллинс был личным врачом царя Алексея Михайловича. По свидетельству английского издателя, он сумел приобрести расположение царя и патриарха и был достаточно осведомлен о всех придворных тайнах и интригах.

Мы можем предположить, что первоисточником ряда сообщений Олеария был Н.И.Романов. А.Олеарий в своем сочинении неоднократно упоминает этого боярина, называя его по имени. Ему импонировало расположение Романова к иностранцам (Олеарий рассказывает о конфликте Никиты Ивановича с патриархом Никоном из-за пристрастия бояри-

на к иноземному платью, музыкальным инструментам и т.д.)¹⁹. Олеарий восхищается Никитой Ивановичем, называя его "великим", "украшением всех русских" за его разум, честь и доброе обращение²⁰. Олеарий прямо указывает на Романова как на рассказчика о мятеже лета 1648 г.: "...Боярин Морозов, как показывает НИКИТА (выделено мной — Е.Ф.), хотел найти свое спасение в бегстве"²¹. Но Олеарий лично с Романовым не общался. Он был в Москве в последний раз в 1643 г. В то время Никита Иванович был стольником царя Михаила Федоровича²², и ситуация при дворе была совсем иной. Возможно, он вел переписку с Романовым, но таких известий нет. В "Вестях-курантах" мы нашли любопытные переводы грамот из Европы, из которых стало известно, что А.Олеарий, живя в г.Готторпе, обменивался письмами с иностранцами, находившимися на русской службе, приближенными ко двору: с лечащим врачом царя Алексея доктором Артманом Граманом²³, Петром Марселисом²⁴, Давидом Рутцем²⁵. Не исключено, что эти иностранцы были связаны с Н.И.Романовым, и получая от него информацию, передавали ее Олеарию. Не сомневаясь в надежности источника, последний полностью доверял ей и не боялся выдавать за свою.

Установление времени написания иностранцами своих записок — еще одна важная задача, от решения которой зависит степень достоверности источника. Очень часто мемуары составлялись уже после возвращения из России (А.Олеарий, С.Коллинс, А.Мейерберг и т.д.). Иногда в них смешивались личные наблюдения и впечатления о России других путешественников. Нередко рассказ о русской действительности был окрашен чувством автора, вызванными его личными удачами или неудачами в России. Наиболее ценными являются неотредактированные позже дневники и записки, отражающие непосредственное восприятие событий.

Обладая отличным от русских менталитетом, иностранцы иногда были субъективны в своих оценках. Так, нет оснований сомневаться в истинности сведений, сообщаемых Олеарием. Но его религиозная нетерпимость накладывает на них свой отпечаток. Незнание многими авторами русского языка

приводит к невольному искажению фамилий и имен людей, географических названий и т.д.

При анализе иностранных сочинений нужно учитывать еще один важный момент — соотношение оригинала и перевода²⁶. Об искажении текста при переводе предупреждал еще в XVII в. Мейерберг²⁷.

Анализ записок иностранцев с точки зрения изучения политической ситуации в России помогает определить состав противоборствующих группировок, политические разногласия, механизмы и способы устранения противников, степень остроты борьбы во внутриполитической жизни XVII в. Многие детали этого противоборства можно установить только по иностранным источникам.

Принимая во внимание вышеуказанные аспекты, можно сделать вывод о важности иностранных сочинений как источника по внутриполитической борьбе середины XVII в. К сожалению, сочинения эти недостаточно изучены. Нам представляются два пути постижения записок иностранцев: развитие традиционных источниковедческих методов и приемов и поиск новых подходов к их анализу (изучение проблемы диалога культур, соотношения менталитетов и т.д.). В задачу комплексного подхода к изучению иностранных свидетельств входит также поиск новых источников. Но и известные источники могут открыться с неожиданной стороны. Например, в "Вестях-курантах" встречаются сведения о политической борьбе в Московском государстве 40-х гг. XVII в.

Широкое поле деятельности открывается на поприще переводов иностранных записок. Так, из 57 писем шведского агента И.де Родеса своему правительству (написанных на немецком) на русский язык переведена лишь часть²⁸.

Без внимания историков осталось важное сочинение польского каменецкого кастеляна Павла Потоцкого о Московии. Павел Потоцкий (?— 1674) был средним сыном брацлавского воеводы Стефана Потоцкого. Он получил образование у себя на родине и за границей. После возвращения в Польшу посвятил себя военному делу. Во время русско-польской войны 1654—1667 гг. Потоцкий на Украине попал в плен (1655) и провел около 13-ти лет в Москве. Там он обра-

тил на себя внимание царя Алексея Михайловича и приобрел дружбу некоторых бояр. Расположение государя к нему было так велико, что сам Алексей Михайлович посватал Потоцкого к дочери боярина Петра Михайловича Салтыкова Елеоноре. После Андрусовского перемирия семья переезжает в Польшу. Один из сыновей Потоцкого от Салтыковой, Федор (Feodor), стал примасом, и потому вся ветвь Потоцких от Стефана называлась примасовской. После возвращения из плена Павел Потоцкий стал каменецким кастеляном и был послан в Рим, где, благодаря своим знаниям, обратил на себя внимание папы²⁹.

Его описание "*Moscovia sive Narratio brevis de moribus monarchial Russorum*" (Данциг, 1670) написано на латыни³⁰. Отрывок из него был переведен, правда очень приблизительно, и напечатан под названием "Характеры вельмож и знатных людей в царствование Алексея Михайловича"³¹. Он содержит характеристики 25 бояр и 16 окольничих. Они написаны в язвительном тоне и больше говорят о недостатках, чем о достоинствах этих людей. Среди едких замечаний встречаются меткие наблюдения относительно положения той или иной фигуры при дворе, а также отношения к ней царя и придворных. Так, не пришлось ко двору царя Алексея доблестный полководец боярин Василий Борисович Шереметев. Потоцкий предполагает, что Шереметев мог сделать замечательную военную карьеру, "если бы не встретились препятствия со стороны самого московского двора. Подвигам и деятельности сего великого мужа положены были многие преграды". Его специально послали на невыгодное воеводство в Киев и он тщетно пытался добиться там успеха, не имея моральной возможности отказаться от своей миссии³². По-иному Потоцкий характеризует окольничего Ивана Михайловича Милославского: "...Я, кажется, помню его в числе советников Сената (Боярской Думы — Е.Ф.). Человек он неутомимый и во всяком поручаемом ему деле являет яркий талант; собирается приобрести почести благодаря расположению царя и счастливой судьбе..."³³.

Потоцкий откровенен в своих описаниях. В рассказе о боярине кн. Никите Ивановиче Одоевском можно уловить

негативное отношение Потоцкого к царю, которого он считает "тираном": "Старость (Одоевского – Е.Ф.), приумноженная болезнями, часто не позволяет ему дать царю личный и благоговейный совет; и если бы он пребывал в прежней бодрости и состоянии здоровья, то я бы по крайней мере не считал его одним из орудий жестокого тирана, но как то или иное родимое пятно не может лишить тело красоты, так и выдающийся одной добродетелью никогда не покроем такого нагромождения всех преступлений, которыми изобилует сей царский двор"³⁴.

Если судить по отношению к Потоцкому, то московский двор можно разделить на две противоположные группировки, а, следовательно, выявить пропольски настроенных бояр, которые могли определенным образом влиять на политику московского правительства (Б.М.Хитрово, Милославские и др.)³⁵.

Несомненно, этот источник дополнит новыми сведениями уже известные иностранные свидетельства о политической борьбе в Московском государстве середины XVII в.

- ¹ *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т.2; Московское восстание 1648 г. Он же. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С.87-118; *Бульчев А.А.* О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом "Требниках" (М., 1639) //Герменевтика древнерусской литературы XVI–XVIII вв. М., 1989. Вып.2; Доклад *Кошелевой О.Е.* "О переходе престола от Михаила Федоровича к Алексею Михайловичу", сделанный на конференции "Династия Романовых и русская культура" (май 1993).
- ² Мейнерс опубликовал в Лейпциге (1798) двухтомный труд, основываясь на свидетельствах иностранцев о России; *Бочкарев В.Н.* Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников – иностранцев. СПб., 1914; *Фалькович П.* Картины жизни в Московском государстве в извлечениях из записок иностранцев. М., 1914 и др.
- ³ *Аделунг Ф.П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России. М., 1864. В 2-х ч.
- ⁴ *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991; Середонин С.М. Сочинение Дж. Флетчера как исторический источник. СПб., 1891; он же. Известия англичан о России

- XVI в. М., 1884; *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль XVII — первой трети XVIII вв. М., 1976.
- ⁵ *Середонин С.М.* Указ сочинения; Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. //Под ред. Годовиковой Л.Н. М., 1983.
- ⁶ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени (очерки политической истории). М., 1972; *Скрынников Р.Г.* Россия после опричнины. Л., 1975; он же. Иван Грозный и его время. М., 1991; Поссевино А. Указ соч. и др.
- ⁷ *Олеарий А.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию 1633, 1636, 1639 гг. М., 1870.
- ⁸ Путешествие в Московию барона Мейерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов императора Леопольда 1661 г. Под ред. Бодянского О.М. //ЧОИДР. 1873. № 4.
- ⁹ Попытку источниковедческого анализа сделала: *Бычкова М.Е.* См.: "Русский феодал в глазах иностранцев XVI—XVII вв. //Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв. Тезисы докладов и сообщения Первых чтений посвященных памяти А.А.Зимины. М., 1990. С.31-32.
- ¹⁰ *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы. М., 1911. Т.1.
- ¹¹ Известие о поездке в Россию Вольдемара Христиана Гильденлеве, графа Шлезвиг-Голштинского, сына датского короля Христиана IV от Христины Мунк, для супружества с дочерью царя Михаила Федоровича, Ириною. /Ред.Бишинг. Б.М., б.г.
- ¹² Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны //ЧОИДР. 1892. Кн.2.
- ¹³ Лист И.де Родеса королеве Христине от 9 февраля 1650 г. //Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1912. Вып.6. С.44.
- ¹⁴ *Поммеренинг К.* Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеренинга 1647—1650 гг. //Якубов К.И. Россия и Швеция в пол.XVII в. М., 1897. С.430.
- ¹⁵ Поммеренинг К. Указ. соч. С.442.
- ¹⁶ Там же. С.433.
- ¹⁷ *Роде А.* Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году //Голос минувшего. 1916. № 7-8.
- ¹⁸ Шифр, к сожалению, до сих пор не разгадан. Поммеренинг К. Указ. соч. С.448, 459.
- ¹⁹ *Олеарий А.* Подробное описание ... С.344, 347.
- ²⁰ Там же. С.174.
- ²¹ Там же. С.275.
- ²² Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т.3. С.15.
- ²³ Артман Граман являлся лечащим врачом царя Михаила Федоровича вместе с В.Сибелистой и И.Белоу.

- ²⁴ Петр Марселлис, датский купец, приказчик датского короля, посол в Данию 1643 и 1665 гг., активный участник подготовки женитьбы королевича Вольдемара.
- ²⁵ Давид Рутц, голландец, в России занимался крупными торговыми делами, агент датского короля.
- ²⁶ Встречая в тексте тот или иной термин, бывает трудно точно определить, имел ли он хождение в русском обществе XVII в., или это понятие, употребляемое иностранцем, либо наиболее подходящий вариант переводчика.
- ²⁷ Путешествие в Московию барона Мейерберга... /Ред. О.Бодянский //ЧОИДР. 1873. № 3-4. С.117.
- ²⁸ Донесение И.де Родеса, посланное из Москвы шведскому генералу-губернатору в Риге графу Густаву Карлссону Горну 20 ноября 1652 г. //Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при университете св.Владимира. Киев, 1914; Донесения И.д.Родеса королеве Христине 1650 г. //Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1912. Вып.6; Курц Б.Г. Исследование Родеса о русской торговле XVII вв. //Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при университете св. Владимира. Киев, 1915. Вып.6.
- ²⁹ Encyklopedyja Powszechna. — Warszawa, 1865. — Т.21.-С.428-429. Chrzaszczewski A.Pamiętnik oticialisty. Potockichz Fylczyna. Ossolin-skich, 1970. С.35.
- ³⁰ Potocki P. Opera omnia Pauli comitis in aureo Potocki castellani in aureo Potok, Pilavitae Potocki castellani camenecensis in Podolia. Varsavia, 1748.
- ³¹ Характеры вельмож и знатных людей в царствование Алексея Михайловича //Северный архив. 1825. Ч.17. № 20; Ч.18. № 22.
- ³² Там же. С.305.
- ³³ Potocki P. Mjscovia sive Narratio brevis de moribus monarchiai Russorum. //Opera omnia Pauli comitis in aureo...
- ³⁴ Там же. С.192.
- ³⁵ Там же. С.197-198.

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПЕРЕВОДЧИКА XVII в. С.Ф.ЧИЖИНСКОГО

Видная роль Посольского приказа в развитии отечественной культуры XVII в. неоднократно отмечалась в историографии. Одним из важнейших направлений его деятельности являлась организация работ по переводу иностранной литературы различного содержания: художественной, исторической, богословской, научно-технической. Особой интенсивности она достигла в 70-90-е гг. XVII в.¹ В стенах дипломатического ведомства трудилась группа переводчиков, отличавшихся основательным образованием и, порой, незаурядными литературными способностями. Наиболее выдающемуся из них — Николаю Спафарию посвящено немало исследований. Собран значительный материал об Андрее Белобочком² и Леонтии Гроссе³. Меньше известно о Степане Федоровиче Чижинском. Вместе с тем его творчество представляет несомненный интерес. Принято считать, что литературное наследие Чижинского невелико. Однако в фондах Посольского и Разрядного приказов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) обнаруживаются материалы, позволяющие расширить наши представления о масштабах его творчества и уточнить важные детали биографии.

Впервые сводка данных о С.Ф.Чижинском представлена в публикации Е.В.Барсукова о зарождении русского театра. Без конкретных ссылок на документ и место его хранения (отмечено лишь — рукопись 1677 г.) он дал пересказ его распросных речей о причинах и обстоятельствах появления в Москве.⁴ Но сохранилось дело по челобитной переводчика о прибавке к жалованию (ноябрь 1682 г.), где излагается текст того же распроса, произведенного в Посольском приказе в августе 1677 г. Из него узнаем следующее. Будучи шляхтичем Львовского повета и "благочестивой веры греческого закона", он служил ротмистром в полку гетмана С.Р.Потоцкого шесть лет назад (т.е. около 1667 г.). После неудачного нападения на

город Хвостов и разгрома отряда, Чижинский нашел пристанище в Киево-Могилянской Академии и два года преподавал студентам латинский язык. Далее последовал переезд в Смоленск, где он также "учил шляхетских детей по латыне". Наконец, в 1675 г. Чижинский отправляется в Москву и по заведенному порядку предстает перед главой Посольского приказа А.С.Матвеевым.⁵

На этом выписка из распросных речей в деле 1682 г. заканчивается. Однако из варианта, опубликованного Е.В.Барсуковым, известно, что Чижинский участвовал в 1676 г. в постановке придворным театром пьес "О Давиде с Галиадом" и "О Бахусе с Венусом".⁶ Видимо, во времена царевны Софьи упоминать об этих затеях казненного Матвеева было, по меньшей мере, неуместно.

После смерти царя Алексея Михайловича и закрытия дворцового театра Чижинский вынужден был менять характер своей деятельности. 1 февраля (по другим данным — 26 января) 1678 г. его зачисляют в штат Посольского приказа в качестве переводчика с польского и латинского языков⁷. Сразу отметим, что в списке служащих приказа 1692 г. он значится еще и переводчиком с белорусского языка.⁸ Наиболее полные сведения об этом периоде жизни Чижинского приведены в работах С.И.Николаева.⁹ Как уже отмечалось, они могут быть пополнены и уточнены.

При поступлении в Посольский приказ Чижинский получил неплохое жалование в 20 руб. годовых и по 2 алтына кормовых на день. Кроме того, ему устанавливался поместный оклад в 250 четвертей.¹⁰ Однако сведениями о его реальных земельных владениях мы не располагаем. Возможно, поместная дача вообще не состоялась. Правда, имеется решение Чижинского 1678/79 гг. о передаче ему взамен поденного корма поместья умершего толмача Дмитрия Михайлова, на которое одновременно претендовал Михаил Лошаков. Само дело с решением утрачено.¹¹ Но можно предположить, что оно было не в пользу челобитчика, т.к. кормовые он продолжал получать и много лет спустя.

Буквально через день после принятия на службу — 3 февраля 1678 г. — Чижинский получил задание перевести с

латинского языка "Книгу о Луне" ("Селенографию" Я.Гевелиуса). Эта дата указана в выписке по его собственноручной челобитной (апрель 1681 г.) о прибавке к окладу за проделанную работу.¹² По заведенной практике первый перевод рассматривался как своего рода испытательный. Делался он, как видим, более трех лет. Безусловно, одновременно Чижинский выполнял текущую приказную работу. Именно за нее в январе 1679 г. ему прибавляют 8 денег кормовых, а в мае 1680 г. к окладу — 5 руб. и к кормовым — 6 денег.¹³ Отметим также, что по свидетельству самого Чижинского (собственноручная челобитная) к январю 1679 г. он "тое книги перевел половину на дому". Объем этой части составил 24 тетради.¹⁴ Б.Н.Морозов высказал предположение о наличии у переводчика в этой работе помощников.¹⁵ Однако в деле по прошению Чижинского за июль 1682 г. об очередной прибавке к окладу, т.к. ему "дворишка своего купить и женитца нечем", сказано, "что он перевел тою книгу латинскую о Луне один".¹⁶ Перевод оказался успешным, и его автор получил прибавку к годовому окладу в размере 10 руб. и к поденным кормовым — 4 денги.¹⁷ Известно, что "Книга о Луне и о всех планетах небесных" находилась в личной библиотеке царя Федора Алексеевича и после его смерти поступила в библиотеку царевича Петра.¹⁸

В этот же период Чижинский переводил и другие сочинения. О некоторых из них есть сведения в литературе, о других мы узнаем из вновь обнаруженных архивных документов. Особый интерес представляет дело об увеличении ему жалования, начатое по его челобитной (автограф) в ноябре 1681 г. В нем приводится полный перечень трудов, переведенных к этому времени. Челобитчик утверждал: работаю "денно и ночью и на дому твои, великого государя, книги непрестанно перевожу". В приказе подтвердили: "переводил книгу о Луне с латинского языка на русской, да книги ж Стриковского, да Борониуша, а ныне дана ему книга о всяких зверех перевесть с латинского языка".¹⁹

Под книгой Борониуша имеются ввиду "Церковные летописи" Цезаря Барония. Отрывок этого перевода был обнаружен Б.Н.Морозовым, но определить точное время его по-

явления не представлялось возможным²⁰. Теперь его можно датировать в пределах 1678–1681 гг. Кстати, в архиве Посольского приказа по описи 1673 г. хранился "Барония Летописей действ костельных на латинском языке".²¹

Новым является известие о переводе Чижинским Польской хроники Матвея Стрыйковского. Сочинение это было весьма популярным в России в XVII в. А.И.Роговым выявлено четыре его перевода, возникших в период с 1668 по 1688 гг. По мнению исследователя, официальным по ряду признаков можно считать анонимный перевод, выполненный между 1673 и 1679 гг.²² Во всяком случае, он отличается от других большей точностью, что характерно для переводческой школы Посольского приказа. Но ведь приблизительно в это время (1678–1681) трудился над переводом хроники Стрыйковского С.Ф.Чижинский. Возможно, рукопись с этим вариантом перевода находилась в библиотеке царя Федора Алексеевича, откуда в 1683 г. перешла в книжное собрание царевича Петра.²³

Не было известно и о работе Чижинского над переводом книги "О всяких зверех". отождествить ее с каким-либо конкретным сочинением весьма затруднительно. В Посольском приказе переводилось несколько работ, имеющих схожие названия.²⁴

Как видим, для начального периода службы Чижинского характерна достаточно интенсивная переводческая деятельность. Если прибавить к названным выше работам указанный С.И.Николаевым перевод "Двора цесаря турецкого" Ш.Старовольского в 1679 г.²⁵, то получается, что за неполных четыре года (февраль 1678 г. – ноябрь 1681 г.) им были подготовлены переводы пяти сочинений. Но и в дальнейшем, будучи больше занятым дипломатическими поручениями, он не оставлял этой деятельности. С.И.Николаев приводит перечень следующих его переводов за 80-90-е гг. XVII в.: отрывок из книги Я.Окольского "Orbis Polonus" о предках И.Раевского (1688), "Выдание о добронравии" Яна Жабчица (1691), возможно "Четвертак" того же автора.²⁶ Б.Н.Морозов указывает еще на перевод (совместно с С. Лаврецким)

1690-х гг. сочинения Андрияна Меция по географии и навигации.²⁷ И вновь мы можем пополнить этот список.

В челобитной сентября 1683 г. Чижинский, перечисляя свои служебные заслуги, заявил: "а ныне, государь, перевел я с латинского Эзопа книгу, да книгу полскую Алкоран, да часть книги полской Коньституции".²⁸ Ни об одной из этих его работ ранее известно не было. Особенно следует остановиться на переводе басен Эзопа.

Впервые в России он был осуществлен с древнегреческого текста в 1607 г. Федором Гозвинским. В 1674 г. с немецкого языка басни переводил Андрей Виниус, а в 1675 г. с немецкого — Петр Кашинский.²⁹ Поэтому более поздний перевод Чижинского, датируемый 1681—1683 гг., мог опираться на богатую традицию. В рукописном собрании библиотеки МГАМИД, хранящемся в РГАДА, имеется сборник сочинений 90-х гг. XVII в., в котором помещены переводы басен Эзопа и книги Я.Жабчица "Выдание о добронравии".³⁰ Требуется специальный текстологический анализ для выяснения вопроса: имеет ли отношение Чижинский к этому переводу басен?

Что же касается перевода Корана, то он был сделан, видимо, по заданию главы дипломатического ведомства кн. В.В.Голицына. В его библиотечном собрании значилась "книга в полдсть, писаная, перевод с полского писма с печатные книги, глаголемой: Алкоран Махметов".³¹ Видимо, в Посольский приказ был доставлен список с польского печатного издания Корана, с которым и работал Чижинский.

Активная переводческая деятельность сочеталась у него с успешной служебной карьерой (в определенной степени даже ей способствовала). Можно предположить, что положение Чижинского укрепилось в результате его ориентации во время смуты 1682 г. на партию царевны Софьи. Весь период кризиса он находился при дворе. Как свидетельствуют документы, "в нынешнем их великих государей походе с июля месяца до ноября был".³² Не случайно уже в декабре 1682 г. в Разряд была направлена указная память о записи его в чин московского дворянина с продолжением службы и выплаты

оклада в Посольском приказе.³³ (С.И.Николаев без ссылок на источники указывает другую дату — 1692 г.).³⁴

Вскоре последовало и первое дипломатическое назначение в Стамбул в составе посольства окольничего К.О.Хлопова (вместе с переводчиком греческого языка Иваном Юрьевым). Указ об этом посольстве состоялся 14 января 1683 г. В задачу дипломатов входило "проведывать всякими мерами накрепко: польской король, на каковых статях с турским салтаном помирились". Однако из-за перемен во внешнеполитической ситуации, не доехав до места назначения, посольство в апреле было возвращено из Севска.³⁵

В дальнейшем Чижинский неоднократно упоминается в дипломатических документах: в 1684 г. он участвует в переговорах в Дорогобуже, в 1686 г. — с боярином Б.П.Шереметевым отправляется в Варшаву и Вену, в 1695 г. — вновь в Вену с дьяком К.Нефимоновым.³⁶ Упомянем еще об одном ранее не отмеченном в литературе назначении. В апреле 1695 г. получает вместе с другими переводчиками, толмачами и подьячими Посольского приказа денежное жалование для "низовые службы".³⁷ Речь безусловно, идет об участии в военном походе против турок в составе армии Б.П.Шереметева, действовавшей в качестве отвлекательного маневра в низовьях Днепра (в это время основное войско двинулось к Азову).³⁸

По сведениям, собранным С.И.Николаевым из опубликованных источников, последнее упоминание о Чижинском относится к 1699 г. Главным образом, на этом основании исследователь отверг предположение И.А.Шляпкина о принадлежности переводчику стихов 1701—1705 гг., посвященных генерал-фельдмаршалу и мальтийскому кавалеру Б.П.Шереметеву,³⁹ под началом которого, как мы видели выше, он участвовал в дипломатических миссиях и военных действиях. Вместе с тем можно с определенностью сказать, что Чижинский был еще жив в это время. Его имя аккуратно вносилось в ежегодно составлявшиеся и фиксировавшие личный состав Государева двора по чинам боярские списки до 1709 г. включительно. Оно фигурирует в специальном перечне московских дворян, служивших переводчиками Посольского прика-

за. В списке же 1709 г., в котором Чижинский значится первым среди этой категории дворян, рядом с его фамилией сделана помета: "умре".⁴⁰ Теперь мы знаем точную дату смерти С.Ф.Чижинского. Поэтому не исключена возможность обнаружения новых принадлежащих ему переводов или оригинальных произведений начала XVIII.

¹ См. подробнее об этом: *Кудрявцев М.П.* "Издательская" деятельность Посольского приказа: К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века //Книга: Исследование и материалы. М., 1963. Т.8. С.179-244; *Морозов Б.Н.* Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII — начале XVIII в. (Архив переводчиков Посольского приказа) //Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Межведомственный сборник научных трудов. М., 1983. Вып.2. С.107-124.

² *Горфункель А.Х.* Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. // ТОДРЛ. М., Л., 1962. Т.18. С.188-213.

³ *Лаврентьев А.В.* Переводчик Посольского приказа Леонтий Гросс и его потомки в России //Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. Т.25. С.94-102.

⁴ *Барсуков Е.В.* Новые разыскания о первом периоде русского театра. // ЧОИДР. 1883. Кн.3. Отд.2. С.4.

⁵ РГАДА. Ф.138. Оп.1. 1682. Д.20. Л.179-177. Листы в деле перебиты, их следует читать в указанном порядке.

⁶ *Барсуков Е.В.* Новые розыскания ... С.4.

⁷ РГАДА. Ф.138. Оп.1. 1682. Д.20. Л.177, 384.

⁸ Там же. Ф.141. Оп.1. 1691. Д.261. Ч.1. Л.307.

⁹ *Николаев С.И.* Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. //ТОДРЛ. Л., 1981. Т.36. С.172-174, он же Чижинский Степан Федорович: Исследовательские материалы для "Словаря книжников и книжности Древней Руси" //ТОДРЛ. Л.1985. Т.40. С.181.

¹⁰ РГАДА. Ф.138. Оп.1. 1682. Д.20. Л.177.

¹¹ Там же. Ф.159. Оп.2. Д.1868. Л.1.

¹² Там же. Д.2097. Л.247-248; Морозов Б.Н. Из истории русской переводной научной и технической книги... С.112-113.

¹³ РГАДА. Ф.138. Оп.1. 1682. Д.20. Л.176.

¹⁴ Там же. 1678. Д.3. Л.41-42.

¹⁵ *Морозов Б.Н.* Из истории русской переводной и технической книги С.113.

¹⁶ РГАДА. Ф.138. Д.20. Л.384, 386. Кстати, на дворовое строение Чижинский еще в сентябре 1680 г. получил 10 руб. Место ему было выделено "у Явуских ворот в приходе церкви Николая Чудотворца что в Мыльниках". (Там же. Ф.159. Оп.2. Д.2097.

- Л.30-35). Женильба же, несмотря на все житейские невзгоды и жалобы на бедность, состоялась в ноябре 1682 г. По этому случаю новобрачному выдали 5 руб. "на завод домашней посуды". (Там же. Ф.138. Оп.1. Д.20. Л.292).
- 17 Там же. Л.176.
- 18 Кудрявцев М.П. "Издательская" деятельность Посольского приказа... С.214.
- 19 РГАДА. Ф.138. Оп.1. Д.20. Л.418-416. Листы перебиты.
- 20 Морозов Б.Н. Из истории русской переводной научной и технической книги... С.122.
- 21 Описание архива Посольского приказа 1673 года. Подгот. к печати В.И.Гальцов. М., 1990. Ч.1. С.520.
- 22 Рогов А.И. Древнерусский перевод "Хроники" Стрыйковского // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1965. С.206-214.
- 23 Луппов С.П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С.115-116.
- 24 Кудрявцев М.П. "Издательская" деятельность Посольского приказа... С.212.
- 25 Николаев С.И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. С.173-174.
- 26 Николаев С.И. Чижинский Степан Федорович... С.181. Кроме того, Чижинский писал силлабические стихи.
- 27 Морозов Б.Н. Из истории русской переводной научной и технической книги... С.113.
- 28 РГАДА. Ф.159. Оп.2. Д.2651. Л.1-3. В январе 1684 г. Чижинский получил по этой челобитной 5 руб.
- 29 Тарковский Р.Б. К истории повествовательных форм русской басни XVII века //ТОДРЛ. Л., 1972. Т.27. С.247.
- 30 Симоны П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899. Выпуск первый. С.65, 21-47, 54-63.
- 31 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1893. Т.4. Стб.32.
- 32 РГАДА. Ф.138. Оп.1. 1682. Д.20. Л.174.
- 33 Там же. Ф.210. Столбцы Московского стола. Д.636. Л.1.
- 34 Николаев С.И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. С.173.
- 35 РГАДА. Ф.89. Оп.1. Д.23. Л.168 об.-170, 264, 335 об.
- 36 Николаев С.И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. С.173.
- 37 РГАДА. Ф.141. 1691. Д.261. Ч.2. Л.548 об.
- 38 Соловьев С.М. Сочинения. М., 1991. Книга VII. Т.13-14. С.510-511.
- 39 Николаев С.И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. С.174.
- 40 РГАДА. Ф.210. Боярские списки. Д.56. Л.191.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ МОСКВЫ XVII В.

В Российском государственном архиве древних актов сохранилось интересное судное дело о поверстании служб и тягла между Барашской и Казенной московскими дворцовыми слободами от 1682–1683 гг.¹, в котором ярко отразилось положение части московского посадского населения в конце XVII в.

Суть этого судного дела в следующем. В связи с изданием царского указа от 11 декабря 1681 г.² об уравнивании в службах и податях посадского населения тяглецы Барашской слободы, посчитав, что их службы слишком тяжелы, в марте 1682 г. били челом на царское имя, чтобы их соединили в несении служб и тягла с соседней богатой Казенной слободой, службы которой они оценивали как легкие. Тяжесть своей службы при дворце — это "шатерная служба", они связывали с перевозкой "шатерной казны" в "походах" царского двора. Непосредственно слободу разорило участие в Смоленском 1654 г., Виленском 1655 г. и Рижском 1656 г. походах, а моровое поветрие (эпидемия чумы) в Москве в 1654 г. привело к резкому сокращению числа барашей. Причем, если в XVI в. барашаи по желованной грамоте царя Ивана Васильевича, подтвержденной затем Михаилом Федоровичем, возили "шатерную казну" на государевых ямских подводах, что при Алексее Михайловиче они в эти "походы" возили "шатерную казну" на своих лошадях (л.1-1 об.).

Дело рассматривалось комиссией, учрежденной по царскому указу 1681 г. под началом князя Василия Васильевича Голицына в Посольском приказе. Однако в связи со смертью царя Федора Алексеевича делу не был дан ход, и 6 июля 1682 г. барашаи подали вторую челобитную уже на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей. По этому челобитью 9 июля 1682 г. последовал царский указ: "Казенной слободы тяглицом Барашские слободы с тяглецами ж шатерную и дворцовую и Казенного приказу службы и тягло платить сопча" (л.19).

Однако этот царский указ оказался невыгодным тяглицам Казенной слободы. В очередной царский "поход" в Троицкую лавру 13 июля они "шатерную казну" вместе с баращами не повезли (что явствует из новой челобитной барашей, до 21 июля 1682 г., л.27). Затем последовали запросы из Посольского приказа в приказ Большого дворца, где ведались обе слободы, о наличии слободских окладных книг и присылке, если они имеются "для счету в службах и тягле" (л.30). В ходе разбирательства дела тяглицы Казенной слободы в челобитной от 13 июля жаловались, что их отдали "в Борашскую слободу в поддачу без очной ставки и без розыску" (л.58). На что последовали 18 августа очная ставка (л.59-83) и запросы в другие приказы, где несли службы тяглицы Казенной слободы (Казанский дворец, Аптекарская палата, Казенный приказ, л.83-93). И, наконец, разбор дела в Посольском приказе (Ответная палата), а затем царский указ от 17 января 1683 г. уже царей Ивана и Петра Алексеевичей и их сестры "великой государыни благородной царевны и великой княжны" Софьи Алексеевны: "Казенной слободе быти особо и служить прежние свои службы, а Барашской слободы с тяглицы вопче никаких служб не служить. А тягла Казенной слободы с тяглицев иметь по их росписи по штидесят по четыре рубли вчетверо, итого по двести по пятидесят по шти рублей на год. И с того числа четвертую долю платить им в Казенной приказ по штидесят по четыре рубли. И в Казенном приказе те деньги держать на росходы, которые именованы в росписи их..., какова подана на очной ставке. А три доли по сту по девяносту по два рубли на год иметь с них, Казенной слободы тяглицев, в приказ Большого дворца... А ис приказу Большого дворца те деньги отдавать по вся годы сполна... Барашской слободы старостам и всем той слободы тяглицем, потому что в Казенной слободе больши тяглицев Барашской слободы жителей, а тягла с них сходит мало. И держать те деньги Барашской слободы старостам и тяглицем на наем подвод под шатры и под отводы, когда бывают великие государи в своих государских ближних и дальних походах. И служат одна шатерная служба, а иных никаких служб не служить" (л.114-115).

Решение не в пользу Казенной слободы объясняется тем обстоятельством, что тяглецы Казенной слободы не смогли представить документальных подтверждений своих расходов по службам, но указанную ими сумму тягла по окладу им увеличили в четыре раза и указали платить.

На решении в пользу Барашской слободы сказалось безусловно и то обстоятельство, что Барашская слобода имела жалованную грамоту царя Ивана Васильевича, подтвержденную Михаилом Федоровичем, по которой слобода освобождалась от несения, кроме "шатерной службы", всех других дворцовых служб и податей. Указ 1683 г. также подтверждал эту жалованную грамоту. Пересказ содержания этой грамоты неоднократно приводится в деле.

26 января 1683 г. память об этом царском указе была послана в приказ Большого дворца и в Казенный приказ (л.116-120).

Неясны два последних документа, связанные с указом уже Петра от 11 мая 1697 г. (№ 29 и 30, л.121-127) — Память из Преображенского приказа в Посольский приказ о выписке по делу о разборе служб и податей Барашской и Казенной слобод 1682—1683 гг. и Выписка Посольского приказа по этому делу. Последний документ (№ 30) не имеет конца, он содержит краткий пересказ дела и обрывается на начале очной ставки.

* * *

Дело содержит 127 листов, расклеенных и сшитых в книгу столбцов. Книга имеет бумажную обертку, на которой дано архивное название дела: "7190/1682. Апр.7. Дело по челобитью Барашской слободы старосты Андрея Софронова со всеми тяглецами о поверстании с ними во всяких службах Казенной слободы тяглецов". Ниже другим почерком XVIII или XIX в. приписано: "Посольского приказа"; внизу вдоль корешка тем же почерком: "Въписано".

Дело хорошей сохранности, только у л.117, 118, 119, 120, 126 и 127 слегка оборвано внешнее поле, а у л.120 и 127 — и нижние углы, с небольшой утратой текста.

Дело содержит подлинные челобитные обеих слобод; приказные выписки и росписи о службах слободы из приказа Большой казны и Казенного приказа, где слободы ведались; запросы из Посольского приказа о службах тяглецов Казенной слободы в Казенный приказ, приказ Казанского дворца, в Аптекарскую палату; документы судебного слушания в Посольском приказе – очной ставки и разбора показаний; царские указы. Все документы имеют скрепы дьяков и справщиков. От приказных деятелей высокого ранга имеются подписи руководителя Посольского приказа думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева: им подписаны царские указы о службах и тягле Барашской и Казенной слобод от 9 июля 1682 г. и 17 января 1683 г. (№ 8, л.19, № 27, л.115) и выписки по судебному делу этих слобод в Посольском приказе (№ 7, л.16-19, № 26, л.94-113).

На челобитных слобод имеются рукоприкладства старост и тяглецов. По очной ставке сохранились и черновик (с большой правкой, л.39-57, не публикуется) и беловик (л.57-82). Л.20 подшит к делу, по-видимому, случайно. На нем запрос из приказа Малой России от 10 июля 1682 г.: "В Казенном приказе кто имяны начальные люди и как к ним пишут. Казначею к Семену Федоровичю Толочанову с товарищи".

* * *

Полностью дело не публиковалось. Ссылки на него имеются в работах известного историка Москвы С.К.Богоявленского. В разделе "Состав московского населения" в 1-м томе "Истории Москвы" (1952) это дело им упоминается в связи с царским указом 1681 г. об уравнивании служб, однако вывод исследователя о том, что комиссии В.В.Голицына не удалось провести в жизнь этот указ по делу, видимо этих слобод, вызывает недоумение. В этом же разделе Богоявленский приводит сведения о службах тяглецов Барашской слободы, явно взятые из дела 1682 г., хотя ссылки на источник автор не дает³. Использовал Богоявленский выдержки из дела и в другой своей работе: "Московская Мещанская слобода в XVII в.", опубликованной посмертно в 1980 г.⁴, для сравне-

ния повинностей Мещанской слободы с повинностями и тяглом Барашской и Казенной слобод.

Содержащиеся в деле сведения о повинностях и тягле двух дворцовых московских слобод конкретно показывают, как возрастали к концу XVII в. повинности и тягло этого привилегированного посадского населения, что выражалось и в увеличении тягла и в прибавлении государственных служб. В то же время положение тяглецов дворцовых слобод, занятых в основном обслуживанием Дворца, все-таки было легче, чем населения черных слобод и сотен.

Особо следует отметить существование жалованной грамоты Барашской слободе царя Ивана IV, подтвержденной Михаилом Федоровичем. В деле имеется пересказ этой грамоты в нескольких вариантах. Об этой грамоте упоминал Богоявленский без ссылки на источник в упомянутом разделе о составе московского населения в I томе "Истории Москвы". Сведения об этой грамоте указаны нами С.М.Каштанову при публикации "Хронологического перечня иммунитетных грамот XVI в."⁵

Обращает на себя внимание употребление термина "двойники" по отношению к слобожанам, являющимся представителями слобод в судебном споре.

Следует отметить также некоторые интересные сведения по разным вопросам, содержащиеся в нашем деле. Это, видимо, старинные меры исчисления тягла, вышедшие впоследствии из употребления. "А в окладном их списке всей слободе написан оклад 6 алтын 4 деньги, а з дву денег сходит по 3 рубли по 6 алтын по 4 деньги. А в тех выше писанных дву деньгах 80 пуд, а в пироге 10 пуд. И в тот оклад в 6 алтын в 4 деньги збирается у них 64 рубли" (№ 26, л.108,109). Эта система мер не нашла объяснения и у С.К.Богоявленского в его статье "Московская мещанская слобода в XVII в."⁶

Небольшая картинка из слободского быта Казенной слободы. В августе 1682 г., как раз в ходе очной ставки по разбору тягла и повинностей Казенной и Барашской слобод, староста Казенной слободы Данила Балакшин был арестован и заключен в тюрьму при Посольском приказе. Этот арест

вызвал перерыв в проведении очной ставки, что повлекло жалобы и самого Балакшина и лутших людей Казенной слободы об освобождении слободского старосты для продолжения судного дела. (см. их челобитные — № 16 и 17 настоящего дела, л.35-36). Причина ареста в деле не указывается, но она выясняется из другого дела — челобитной слобожан Казенной слободы (не позднее 28 августа 1682 г.) в Казенный приказ с жалобой на попытку Балакшина назначить без решения слободского схода нового старосту на 1683 г.⁷ Балакшин был освобожден из-под ареста 31 августа и продолжал представлять Казенную слободу на очной ставке.

Интересны также способы определения в Посольском приказе подлогов, выявленных в виде приписок в окладных книгах Казенной слободы, по которым проверялось ее тягло и службы, составленных в приказе Большой казны, где слобода ведалась. Приписки определены были по несходству почерков, какими были написаны основной текст, и почерков приписок, по несовпадению строк и разнице чернил. "А в книгах, каковы поданы в Полате, написано: В Казенной приказ работников дают ко всяким государевым делам человек по 10 и по 20 и больши. И то знатно приписано после иным очиню пера, потому что то письмо вышеписанного письма потоне и писано иными чернилами. И то письмо с вышеписанным письмом не сходно" (№ 26, л.103-104). "В походы подводы наймут. И то знатно приписано после, потому что письмо поуоставнее и с письмом, которое выше того, то письмо не сходно" (там же, л.105). "И та речь, что написано уголье, знатно приписано после, потому что та речь написана в строке меж речей, и та речь стала неслоговита и письмо той речи с письмом той строки несходно" (там же, л.107). "Да под тою статьею подписано не по керакшенным строкам иным письмом: против сего окладу збирают вчетверо, кроме мостовых денег" (там же, л.109, 117). По поводу приписок были допрошены дьяк и подъячий приказа Большой казны, которые показали, что приписки были сделаны "не их письмом" (№ 21, л.80-82, № 26, л.110-111, № 27, л.118). Верно, кем были сделаны приписки, осталось невыясненным, но доверие к показаниям тяглецов Казенной слободы было поколеблено.

Текст публикуется согласно правилам издания исторических документов XVI–XVIII вв. Вышедшие из употребления буквы заменяются современными, обозначающими тот же звук: Ъ -е, і -и, њ -кс, ѳ -ф, ѿ -о, ѿ -пс, ѿ -у, ѿ -я.

Сокращенно написанные слова (под титлом) раскрываются, восстановленные буквы не выделяются. Выносные буквы вносятся в строку без выделения; мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию.

В одном документе от 26 января 1683 г. (№ 28, л.116-120) в тексте употреблены сокращения (буквы, взятые в кружок): а – алтын; к – книги; л – люди; п – приказ; с – слобода; ч – человек. Эти сокращения раскрыты при публикации без оговорок.

Сохраняются некоторые особенности орфографии источника: окончания падежей, написание "ю" после "ч".

Разделение на слова проводится по современной орфографии.

Все имена собственные – личные имена, отчества, фамилии, а также географические названия пишутся с прописной буквы.

Буквенная цифирь, обозначающая числа, передается арабскими цифрами. При обозначении года падежные окончания порядковых числительных передаются через дефис. Написание порядковых числительных в архаической форме сохраняется ("по шти по десяти рублей" и т.п.).

Царские титулы даются в сокращенной форме: ["т."], т.е.: "государь, царь и великий князь ... всея Великие и Малые и Белые России самодержец".

¹ РГАДА. Ф.141. Приказные дела старых лет. 1682 г. Д.64.

² 1-ое полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.II. С.366. № 899.

³ История Москвы. М., 1952. Т.1. С.470-471, 473.

⁴ Боявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С.123-124, 129.

⁵ Каштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. //Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С.214. № I-158.

⁶ Боявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С.129.

⁷ РГАДА. Ф.396. Архив Оружейной палаты Ч.20781; опубликована: Восстание в Москве 1682 г. М., 1976. 108. № 65.

Приложение

№ 1. 1682 г. март. Челобитная тяглецов Барашской слободы о поверстании их в службы с тяглецами Казенной слободы.

/л.1/ Царю, государю и великому князю Феодору Алексевичу всеа Великия и Малые и Белыя России самордежцу бьют челом холопи твои Барашские слободы староста Андрюшка Софронов и все тяглецы. Служили мы, холопи твои, отцу твоему государеву блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] и тебе великому государю Барашскою слободою по жалованной грамоте блаженный памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии одну шатерную службу, а в дворцовых службех з дворцовыми слободами не служили. А твою, великого государя, шатерную казну возили в походы на твоих, великого государя, ямских подводах. А в прошлых, государь, годех, как учинилась служба Смоленская, Вилинская и Ригская, и по указу отца твоего государева блаженные памяти великого государя велено нам, холопям твоим, быть на ево великого государя службе Барашские слободы тяглецом с твоею великого государя шатерною казною девяносту человеком и твою великого государя шатерную казну вести на своих наемных подводах. И мы, холопи твои, были на той службе по три года и тое шатерную казну и церкви отласную и полотняную со всякими церковными утварями и шатры возили на своих подводах, и та служба стала нам, холопям твоим, больши шти тысячь рублей. И от той службы мы, холопи твои, оскудали великими долгами. А в моровое, государь, поветрие и после, как были мы, холопи твои, на вашей государевой службе, отцы наши и братья и сродники на Москве в Барашской слободе померли, и домишка наши разорились вконец, и домовные пожитченки рознесены. А как шли к Москве после морового поветрия розных городов жители ярославцы, вологжане, костромичи, туляне, колужане и селились жить в Кадашево и Казенную слободы, а к нам в Барашскую слободу не шли, видя нашу многую службу и великую тягость. И с того, государь, времени тое твою великого государя шатерную службу служим мы, холопи твои, и возим в походы шатерную казну на своих наемных подводах с того времени и ныне тебе, великому государю, служим своим малолюдством. Да мы же, холопи твои, служим твои, великого государя, всякие дворцовые службы в купчинах и в целовальниках и по счету з дворцовыми слободами вся-

кие изделия делаем. И те нам службы и с наемными лошадьми под шатерную казну и с подмножною дачею ставится в год и доныне сот по пять и по шти рублей. А нас, государь, ныне в Барашской слободе человек со сто не с большим. А люди все маломочные. А в службе бывает нас в год человек по 20 и больши безпрестанно. А до Смоленской службы и до морового поветрия было Барашские слободы тяглецов с триста человек, люди пожиточные. А смежна, государь, с нашею Барашскою слободою Казенная слобода и многолюдна, а служба их самая малая, а к нарядом твоим, великого государя, скорых дел прилична. И наша шатерная служба им служить с нами тебе, великому государю, таким многолюдством мочно. Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич [т.], пожалуй нас, холопей своих, за наше малолюдство и великую скудость и за многие службы, вели, государь, Казенные слободы тяглецом служить шатерные и всякие твои великого государя дворцовые службы с нами, холопями твоими, вряд и нам их казенная служба, которую они служат по наряду, всем вместе, чтоб нам, холопям твоим, от великой нашей скудости и малолюдства и от многих служб в походах шатерных ставок не остановить и от тебя, великого государя, в опале не быть. Царь, государь, смилуйся.

/л.1 об./ Ивашка Бадеев (?) вместо старосты Андрея Софронова по ево веленью руку приложил.

К сей челобитной бораш Власко Иванов вместо Луки Фролова, Василья Денисова да Пимена Минина по их велению руку приложил.

К сей челобитной Петрушка Максимов руку приложил.

К сей челобитной Борашские слободы тяглец Павлушка Тимофеев вместо отца своего Тимофея Степанова, тое же слободы Игнатъя Иванова по их веленью руку приложил.

К сей челобитной бараш Алешка Ники[тин?] вместо бараша Антипы Матвеева, да Осипа Мат[так!], да Осипа Гаврилова по их веленью руку приложил.

Бараш Якушко(?)... и вместо брата своего Мартьяна по иво веленью руку приложил.

Бараш Гришка Васильев и вместо отца своего Василья Алексева по ево веленью руку приложил.

Бараш Левка Иванов руку приложил.

Бараш Фетка Кузьмин вместо Семена Иванова по ево веленью руку приложил.

К сей челобитной бараш Савка Яковлев руку приложил.

Бараш Назарка Сергеев руку приложил.
Ивашка Кудрявцев руку приложил.
Ипатка Дмитриев руку приложил.

На л.1 об. сверху приказная помета: "190. Апреля в 7-й день. Выписать в доклад", чернила более темные, коричневые. Дата челобитной определяется из других документов: № 3, л.9; № 5, л.14. Подлинник.

№ 2. 1682 г., после 7 апреля и до 6 июля. Выписка из Приказа Большого двorca о службах и тягле Барашской и Казенной слобод.

/л.2/ Доклад.

В нынешнем во 190-м году декабря в 11 день великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич [т.] указал боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи к своим великого государя делам в службе розобрать и расписать и изрешить, чтоб служить гостям в 6 год, а гостиной и суконной сотен, и дворцовым и кадашевцом, и конюшенным слобод, и черных сотен, и всех городов посацким людем, и дворцовых больших сел и слобод в 8, или в 9, или в 10 годы, чтоб всем служить и всякие подати платить в ровенстве и не в тягость.

Великого государя указ о том за пометою думного дьяка Василья Семенова.

И великому государю и великому князю Феодору Алексеичу [т.] бьют челом Барашские слободы староста Андрушка Софронов и все той слободы тяглецы. /л.3/ Служили они отцу ево государеву блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу[т.] и ему великому государю Барашскою слободою по жалованной грамоте блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии одну шатерную службу, а в дворцовых службах з дворцовыми слободами не служили. А ево великого государя шатерную казну возили в поход на ево великого государя ямских подводях. А в прошлых де годех, как учинилась Смоленская служба и Виленская и Рискакая, и по указу отца ево государева блаженные памяти великого государя велено им быть с шатерною казною 90 человек и ево великого государя казну везти на своих наемных подводях. И были они на той службе по 3 года и тое шатерную казну и церкви отласную и полотняную со всякими церковными утварями и шат-

ры возили на своих подводах. И та служба стала им больши б тысяч рублей. И от той службы они оскудали великими долгами. А в моровое де поветрие и после, как они были на службе, отцы их и братья и сродники на Москве в Барашской слободе померли и дома их разорились вконец, а пожитки их разнесены. А как шли к Москве розных городов жители ярославцы, вологжане, костромичи, туляне, колужане и селились жить в Кадашеве и в Казенную слободы, а к ним в Барашскую слободу не шли, видя их многую службу и великую тягость.

/л.4/ И с того де времени тое шатерную службу служат они и возят шатерную казну на своих наемных подводах, с того времени и ныне малолюдством своим. Да они ж служат ево великого государя всякие дворцовые службы в купчинах и в целовальниках и по счету з дворцовыми слободами¹ всякие изделия делают. И те их службы и с наемными лошадьми под шатерную казну и с подмножною дачею ставитца им в год и доньше по 500 и по 600 рублей. А их де ныне в Барашской слободе человек со 100 не з большим, а люди все маломочные. А по службе бывает их в год человек по 20 и больши беспрестанно. А до смоленские службы и до морового поветрия было Барашские слободы тяглецов человек с 300 пожиточных. А смежна де с их Барашскою слободою Казенная слобода и многолюдна, а служба их самая малая. А к нарядом ево, великого государя, скорых дел прилична. И их шатерная служба им служить с ними таким многолюдством мочно. И великий государь пожаловал бы их за их малолюдство и великую скудность и за многие службы, велел Казенные слободы тяглецом служить шатерную и всякие дворцовые службы с ними в ряд, и им их казенную /л.5/ службу, которую они служат по наряду, всем вместе, чтоб им от великие их скудности и малолюдства и от многих служб в походе шатерных ставок не остановить и от великого государя в опале не быти.

А по книгам, каковы подали в Полоте Барашские слободы тяглецы, написано:

В Барашской слободе 157 человек.

В том числе лутчих 3 человека.

Середних 19 человек.

Меншие статьи 70 человек.

---

¹ Слово "слободами" написано тем же почерком по стертому.

Скудных и которые без дворов и живут в розных дворцовых слободах и в черных сотнях по чужим дворам 65 человек.

А в службах бывают в году в Барашской слободе по 20 человек. Имется им служить в 7 лет.

А по 8 год в остатке будет 8 человек. /л.6/ И неостанет в указанное число в Барашской слободе в службу в 8 и в 9 и в 10 годы 52 человек.

А тягла Барашские слободы с тяглецов сходит 374 рубли 26 алтын 4 деньги.

Итого имется на человека по 2 рубли и по 12 алтын по 5 денег на год.

Да они ж на всякие росходы збирают з беломестцов 155 рублей 6 алтын 4 деньги.

Обоево Барашские слободы с тяглецов и з беломестцов тягла в год по окладу и в росходе бывает 530 рублей.

А в Казенной слободе по книгам же 363 человека. /л.7/ Скудных и бедных 116 человек. Обоево 479 человек.

А в службах в году бывает 9 человек.

И имется служить 53 лет.

А за тем будет в остатке 2 человека.

А тягла с них сходит по 64 рубли на год.

На л.7 об. скрепа: "Правил Федка Кишмутин".

/л.8/ Итого имется на человека по 4 алтына по полтри деньги на год.¹

Да в списке з жалованные грамоты блаженные памяти великого государя и великого князя Михаила Федоровича всеа России самодержца, какова дана с списка ж жалованные грамоты блаженные памяти великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Росии Барашской слободы старосте Куземке Юрьеву и всем тяглецом, написано:

Денежных доходов и тягла и никаких поборов с них, Барашской слободы тяглецов, имать не велено. Также им и никаких изделей не делать, опричь того, где великих государей поход будет. А знают они, бараши, великих государей службу, где их государской поход будет. И они ездят на их государевых лошедях.

---

¹ Далее весь текст на л.8 написан другим почерком, более темными коричневыми чернилами.

№ 3. 1682 г. июля 6. Память в приказ Большой казны из Посольского приказа о присылке выписки о службах и тягле тяглецов Барашской и Казенной слобод.

/л.9/ Лета 7190-го июля в 6 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи.¹ Били челом великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеичю [т.] Барашские слободы² староста Андриушка Софронов и все тяглецы,³ в Посольском приказе боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи подали челобитную. А в челобитной их написано. В нынешнем де во 190-м году в марте месяце били челом они брату их⁴ блаженные памяти великому государю царю и великому князю Федору Алексеичю [т.] и им, великим государем, о поверьстке Казенные слободы, чтоб им, Казенной слободы, и им, борахам, для их малолюдства и великой скудости служить их, великих государей, шатерную /л.10/ и дворцовые службы вместе и им, борахам, их Казенной слободы службы всем по наряду в равенстве, потому что они, Казенные слободы жители, своим многолюдством живут во льготе. А с ними та слобода смежна. А они де своим малолюдством служат всякие их государские шатерные и дворцовые службы в великой скудости. И против их челобитья о том учинена⁵ выписка. И о том де⁵ великих государей велено указ учинить и слободами дать счет боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи. И по той де выписке их, великих государей, указу не учинено и по се число. И волочатца де они за тем делом многое время. И великие государи⁶ пожаловали б их для своих государских многолетних

---

¹ Далее зачеркнуто: "великие государи и цари и великие князи Иоанн Алексеич. Петр Алексеич [т.]. В нынешнем во 190-м году июля в 6 день".

² Следующее далее слово "тяглецы" зачеркнуто.

³ Слова: "и все тяглецы" написано под строкой.

⁴ Слово "их" написано над зачеркнутым: "вашему".

⁵ Слово "учинена" написано под строкой; слова "и о том де" написаны над зачеркнутым словом "указ", а слово "указ" написано после слов: "великих государей", а после этих слов зачеркнуты слова: "о том".

⁶ Далее зачеркнуто: "и великие князи Иоанн Алексеич, Петр Алексеич [т.]"

здравиех и скорых своих¹ государских походов, велели по той выписке свой государский² милостивой указ учинить, чтоб им от великой тягости вконец не разоритцы и их великих государей служеб не отбыть. А на челобитной их помета думного дьяка Парфения Пятого. 190-го июля в 6 день великие³ государи пожаловали, велели о том указ учинить боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи. И великие государи и великие князи Иоанн Алексеевич, /л.11/ Петр Алексеевич [т.] указали тое выписку за дьячьею приписью из приказу Большие казны прислать в Посольской приказ к боярину ко князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи. И по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи учинити о сем по указу великих государей.

Подписал дьяк Василей Бобинин.⁴

№ 4. 1682 г. июля 7. Отписка из приказа Большой казны в Посольский приказ о посылке выписки о службах и тягле обеих слобод.

/л.12/ Лета 7190-го июля в 7 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи. В нынешнем во 190-м году июля в 6 день в указе великих государей ис Посольского приказу в приказ Большие казны к боярину ко князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи написано. Великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] указали по челобитью Барашские слободы тяглецов выписку ис приказу Большие казны прислать в Посольской приказ. И по тому их, великих государей, указу выписка, какова была зделана в приказе Большие казны против челобитья Барашские слободы тяглецов Казенные слободы на тяглецов же о повер-

---

1 Слово "своих" написано над строкой.

2 Слово "государский" написано над зачеркнутыми словами "великих государей".

3 Слово "великие" написано над строкой.

4 Строка написана другим почерком, более темными коричневыми чернилами. Черновик с небольшой стилистической правкой.

стке¹ /л.13/ служеб и податей, ис приказу Большие казны в Посольской приказ к тебе, ко князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи, послана приказу Болшие казны с подьячим с Ываном Венюковым. А та выписка не помечена и подьячего рукою не закреплена.

На л.12 об. помета, плохо читаемая, черными чернилами: "Взять к отпуску и выписку осмотра се отчистив и перебеля места, отписав, прислать"; слова: "се отчистив" и до конца пометы читаются предположительно.

На л.12 об. и 13 об. по склейке листов скрепа: "дьяк Никита Полунин" (фамилия "Полунин" написана в конце отписки на л.13).

На л.13 об.: "Правил Федка Кишмутин".

№ 5. 1682 г., после 7 апреля и до 6 июля. Челобитная повторная тяглецов Барашской слободы о поверстании в службах с тяглецами Казенной слободы.

/л.14/ Царем, государем и великим² Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] бьют челом холопи ваши Барашские слободы староста Андрюшка Софронов и все тяглецы. В нынешнем, государи, во 190-м году в марте месяце били челом мы, холопи ваши, брату вашему блаженные памяти великому государю и царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] и вам, великим государям, о поверстке Казенные слободы, чтоб им, Казенной слободе, и нам, барашам, для нашего малолюдства и великой скудости служить ваши, великих государей, шатерную и дворцовые службы вместе, и нам барашам их Казенные слободы службы всем по наряду в ровенстве, потому что они, Казенные слободы жители, своим многолюдством живут во льготе. А с нами та слобода смежна. А мы, холопи ваши, своим малолюдством служим всякие ваши государские шатерные и дворцовые службы в великой скудости. И против нашего, холопей ваших, челобитья о том выписка выписана. А указ ваш, великих государей, о том велено учинить и слободами дать счет боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи. И по той выписке нам, холопом вашим, вашего вели-

---

¹ Слова "о поверстке" написаны по подчищенному.

² Слово "князем" в подлиннике пропущено.

ких государей указу не учинено /л.15/ и по се число. И волочимся мы за тем делом многое время. Милосердые государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.], пожалуйте нас, холопей своих, для своих государских многолетних здравиев и для нашей скудности и малолюдства и скорых ваших государских походов, велите, государи, по той выписке свой великих государей милостивой рассмотрительной указ учинить, чтоб нам, холопом вашим, от великой тягости вконец не разоритца и ваших великих государей служеб не отбыть. Цари, государи, смилюйтеся.

На л.14 об. приказная резолюция: "190-го июля в 6 день государи пожаловали, велели о том указ учинить боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи". Другим почерком, темнокоричневыми или черными чернилами: "Учинить по сему великих государей указу, о присылке той их выписки послать с сего челобитья память и [тот час?] ведать то дело подьячему Семену Никитину".

Ниже подлинные подписи тяглецов Барашской слободы:

"К сей челобитной бараш Ивашка Павлов руку приложил.

К сей челобитной бараш Петрушка Максимов и вместо старосты Андрея Софронова руку приложил.

К сей челобитной бараш Савка Яковлев руку приложил.

Ивашко Украинцов руку приложил.

К сей челобитной Власко Иванов и вместо Луки Фролова да Василья Денисова да Пимина Минина по их веленью руку приложил.

К сей челобитной бараш Васка Иванов и вместо отца своего Ивана Исаева да Семена Григорьева по их веленью руку приложил.

К сей челобитной бараш Левка Иванов и вместо барашей же Григорья Акинфиева да Мартьяна Никифорова по их веленью руку приложил.

/л.15 об./ Бараш С... Андреев руку приложил."

По нижнему полю листа скрепа, написанная другим почерком и черными чернилами. Скрепа частично срезана при переплетении столбцов.

№ 6. 1682 г. июля 9. Выписка в Посольском приказе о хode дела и о службах и тягле Барашской и Казенной слобод.
/л.16/ Выписано на перечень.

В нынешнем во 190-м году декабря в 11 день блаженные памяти великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич [т.] указал к своим государевым делам в службы разобрать и росписать и изровнять гостей в 6 год, гостиную и суконную сотни, и дворцовых, и кашашевцов, и конюшенных слобод, и черных сотен по 8 или 9 или 10 годы, чтоб всем служить и всякие подати платить в равенстве и не в тягость.

А в Барашевской слободе тяглецов 157 человек.

А в службах бывает в году по 20 человек.

И иметца им служить в 7 лет.

А во 8-й год в остатке будет 8 человек.

И неостанет в указанное число в службу по 8 и в 9 и в 10-й годы 52 человек.

А тягла Барашские слободы с тяглецов сходит 374 рубли 26 алтын 4 деньги.

Итого иметца на человека по 2 рубли, по 12 алтын, по 5 денег на год.

Да с них на всякие расходы збирают з беломесцов 155 рублей 6 алтын 4 деньги.

Обоево тягла в год по окладу и в росходе бывает 530 рублей.

/л.17/ А в списке з жалованные грамоты блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича [т.], какова дана с списка ж жалованные грамоты блаженные памяти великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Росии Барашской слободы тяглецом, написано:

Денежных доходов и тягла и никаких поборов с них, Барашской слободы тяглецов, имать не велено. Также им и никаких изделей не делать, oprичь того, где великих государей поход будет. А где их государской поход будет, и они ездят на их государевых лошадях.

А в Казенной слободе тяглецов 479 человек.

А в службах в году бывает 9 человек.

Иметца служить в 53 лета.

А затем в остатке будет 2 человека.

А тягла с них сходит по 64 рубли на год.

Итого иметца на человека по 4 алтына по полтри деньги на год.

И великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу [т.] бьют челом Барашской слободы староста Андришка Софронов и все тяглецы. Служили де они одну шатерную службу, а дворцовых служб з дворцовыми слободами не служили. И шатерную казну возили в походы на ямских подводах. А в Смоленскую и в Виленскую и в Рижскую службу было их с шатерною казною 90 человек. И шатерную казну возили на своих наемных подводах. И те де службы стали им больши б тысяч рублей.

/л.18/ И от той службы они оскудали великими долгами. А без них де в моровое поветрие сродичи их на Москве померли и дома их разорились вконец, а пожитки их рознесены. А как шли к Москве розных городов жители и селились жить в Кадашеве и в Казенную слободы, а к ним в Барашскую слободу не шли, видя их многую службу и великую тягость. И с того де времени тое шатерную службу служат они и возят на своих наемных подводах малолюдством своим. Да они ж служат всякие дворцовые службы в купчинах и в целовальниках и по счету з дворцовыми слободами всякие изделия делают. И те им службы и с наемными лошадми и под шатерную казну и с подмножною дачею ставитца в год и донныне по 500 и по 600 рублей. А их де ныне в Барашской слободе человек со 100 не з большим, а люди все маломошные. А до морового поветрия было Барашские слободы тяглецов человек с 300 пожиточных. А смежно де с ых Барашскою слободою Казенная слобода и многолюдна, а служба их самая малая. А к нарядам великих государей скорых дел прилична, и их шатерная служба им служить с ними таким многолюдством мочно.

И великие государи пожаловали бы их за их малолюдство и великую скудность и за многие службы, велели Казенные слободы тяглемом служить шатерные и всякие дворцовые службы с ними вряд. И им их казенную службу, которую они служат по наряду всем вместе, чтоб им от великой скудности и малолюдства и многих служб в походах шатерных ставок не остановить и от великих государей в опале не быть.

И буде великие государи Барашской слободы тяглецов пожалуют, велят Казенные слободы с тяглецами шатерную и дворцовую и Казенного приказа службы служить и тягло платить сопча.

/л.19/ И Барашские и Казенные слободы тяглецов 636 человек.

А в службы в году будет 29 человек.

Иметца служить 21 год.

А затем в остатке будет 27 человек.

А тягла с них сойдет 438 рублей 26 алтын 4 деньги.

Итого иметца на человека по 23 алтына на год.

№ 7. 1682 г. июля 9. Царский указ о несении тягла и служб тяглецами Барашской и Казенной слободы вместе.¹

190-го июля в 9 день великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.], слушав сей выписки, указали и бояря приговорили в Передней: Казенной слободы тяглецом Барашские слободы с тяглецами ж шатерную и дворцовую и Казенного приказу службы служить и тягло платить сопча. И о том указали великие государи послать свой, великих государей, указ в приказ Большого дворца к боярину и дворецкому ко князю Василью Фдоров ю Одоевскому со товарищи. Докладывал великих государей по сей выписке боярин князь Василей Васильевич Голицын по подписной челобитной.

На л.19 об. скрепа: "Правил Сенка Никитин" (почерк и чернила Выписи).

По всей Выписи по л.16-19 внизу скрепа думного дьяка Емельяна Украинцева, такими же чернилами, какими написан текст царского указа.

№ 8. 1682 г. июля 10. Память из Посольского приказа в приказ Большого дворца и в Казенный приказ о царском указе от 9 июля об объединении служб и тягла Барашской и Казенной слобод.

/л.21/ Лета 7190-го июля в 10 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину и дворецкому князю Василью Федоровичу Одоевскому с товарищи. В нынешнем во 190-м году декабря в 11 день блаженные памяти великий государь, царь и великий князь Фео-

---

¹ Царский указ писан прямо с середины строки после текста Выписки, но другим почерком, черными чернилами.

дор Алексеевич [т.] указал¹ к своим государевым делам в службы розобрать и росписать¹ и обрвнять гостей в 6-й год, а гостиную и суконную сотни, и с дворцовых и кашашевцов, и конюшенных слобод, и черных сотен восьмой или в девятой или в десятой годы, чтоб всем служить и всякие подати платить в равенстве и не в тягость. А по книгам, каковы подали в Полате Барашские слободы тяглецы написано: в Барашской слободе тяглецов 157 человек. А в службах бывает в год по 20 человек. И иметца им служить в 7 лет, а в осмой год в остатке будет 8 человек и не достанет в указанное число в службу в осмой и в девятой и в десятой годы пятьдесят дву человек. А тягла Барашские слободы тяглецов сходит 374 рубли 26 алтын 4 деньги. Итого иметца на человека по 2 рубли по 12 алтын по 5 денег на год. /л.22/ Да они ж на всякие расходы збирают з беломесцов 155 рублей 6 алтын 4 деньги. Обоево тягла в год по окладу и в расход бывает 530 рублей. А в списке з жалованные грамоты блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича [т.], какова дана с списка з жалованные грамоты блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Росии самодержца Барашской слободы тяглецом написано: денежных доходов и тягла и никаких поборов с них, Барашской слободы тяглецов, имать не велено. Также им никаких изделий не делать опричь того, где великих государей поход будет. А где их государской поход будет, и они ездят на их государевых лошадях. А в Казенной слободе тяглецов 479 человек. А в службах в году бывает 9 человек. И иметца служить в пятьдесят в три лета, а затем в остатке будет 2 человека. А тягла с них сходит по штидесят по четыре рубли на год. Итого иметца на человека по 4 алтына по полтрети деньги на год. И апреля в 7 день били челом² блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] Барашские слободы³ староста Андриюшка Софронов и все той слободы тяглецы. Служили де они отцу ево⁴ государеву блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу

---

¹ К словам "указал" и "росписать" над строками написано: "боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи".

² Далее зачеркнуты слова "великим государем".

³ Далее зачеркнуто слово "тяглецы".

⁴ Слово "ево" написано над зачеркнутым "их".

[т.], ему¹, великому государю, Барашкою слободою по жалованной грамоте блаженные памяти великого государя, царя и великого князя /л.23/ Иоанна Васильевича всеа Росии самодержца² одну шатерную службу. А дворцовых служб з дворцовыми слободами не служили. А их де великих государей шатерную казну³ возили в походы на ямских⁴ подводах. А в прошлых де годах, как учинилась Смоленская служба и Виленская и Рижская, и по указу ево⁵ блаженные памяти великого государя велено им быть с шатерною казною девяносту⁶ человеком и шатерную казну вести на своих наемных подводах. И были они на той службе по 3 года и тое шатерную казну и церкви отгласную и полотняную со всякими церковными утварями и шатры возили на своих подводах. И та служба стала им больши шти тысячь рублей. И от той службы они оскудали великими долгами. А в моровое поветрие и после, как они были на службе, отцы их и братья и сродники на Москве в Барашской слободе померли, и дома их разорились вконец, а пожитки их разнесены. А как шли к Москве розных городов жители ярославцы, вологжане, костромичи, туляне, колужане и селились жить в Кадашеве и в Казенную слободу, а к ним в Барашскую слободу не шли, видя их многую службу и великую тягость. И с того де времени тое шатерную службу служат они и возят шатерную казну на своих наемных подводах с того времени и ныне малолюдством своим. Да они ж служат⁷ всякие дворцовые службы в купчинах и в целовальниках и по счету з дворцовыми слободами всякие изделия делают. И те им службы и с наемными /л.24/ лошадми под шатерную казну и с подмножною дачею ставитца в год и донныне по пяти сот⁸ и по шти сот рублей. А их де ныне в Барашской слободе человек со 100 не з больши. А люди все маломочные. А в службе бывает их в год человек по 20 и больши безпрестанно. А до Смоленской службы и до морового поветрия было Барашские слободы тяглецов человек с 300 пожиточных. А смежна де с их Барашкою слободою Казенная слобода и много-

---

1 Слово "ему" написано над зачеркнутым "их".

2 Слово "самодержца" написано над строкой.

3 Слово "казну" написано вместо зачеркнутого слова "службу".

4 Слово "ямских" написано вместо зачеркнутых слов "их государевых".

5 Слово "ево" написано вместо зачеркнутых слов "отца их".

6 "Слово "девяносту" написано вместо зачеркнутого шти".

7 Далее зачеркнуто "их великих государей".

8 Далее зачеркнуто "рублев".

людна, а служба их самая малая, а к нарядом¹ государских скорых дел прилична. И их шатерная служба им служить с ними таким многолюдством мочно. И великие государи пожаловали бы их за их малолюдство и великую скудость и за многие службы, велели Казенные слободы тяглецом служить шатерную и всякие дворцовые службы с ними в ряд. И им их казенную службу, которую они служат по наряду, всем вместе, чтоб им от великой их скудности и малолюдства и от многих служб в походах шатерных ставок не остановить². Да июля в 6 числе били челом великим государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] он же староста Андриюшка Софронов и все тяглецы. В нынешнем де в 190-м году в марте месяце били челом они брату их³ блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] о поверстке Казенные слободы /л.25/ с тяглецами⁴, чтоб им Казенной и Барашской слободы тяглецом⁵ для их Барашской слободы малолюдства и великой скудности служить государскую ж шатерную и дворцовые службы вместе, и им, барашам, их Казенные слободы службы всем по наряду в равенстве ж. Потому что Казенные слободы жители своим многолюдством живут во льготе. А с ними та слобода смежна. А они де малолюдством всякие государские шатерные и дворцовые службы служат в великой скудности. И против де их челобитья о том выписка в приказе Большие казны⁷. И по той выписке велено их, великих государей, указ учинить и слободами дать счет боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи. И по той де выписке⁸ указу им не учинено и по се число и волочатца они⁹ за тем делом многое время. И чтоб великие государи пожаловали их для своих государских многолетних здравиев и для их скудности и малолюдства и скорых их государских походов, велели по той выписке свой государской милостивой разсмотрительной указ учинить, чтоб им от великой тягости вконец не разоритца и их государских служб не отбыть. А на челобитной их помета думного дьяка

---

¹ Далее зачеркнуто "их великих государей".

² Далее зачеркнуто "и от великих государей в опале не быть".

³ Слова "брату их" написаны над строкой.

⁴ Слова "с тяглецами" написано над строкой

⁵ Далее зачеркнуто "их Барашской слободы".

⁷ Слова "в приказе Болшие казны" написаны над строкой.

⁸ Далее зачеркнуто "великих государей".

⁹ Слово "они" надписано над строкой.

Афонася Зыкова. 190-го июля в 6 день великие государи пожаловали, велели о том указ учинить боярину князю Василию Васильевичу Голицыну с товарищи. И июля в 9 числе великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.], слушав выписки, указали и бояре приговорили в Передней: Казенной слободытяглецом Барашские слободы с тяглецами их шатерную и дворцовую и Казенного приказу /л.26/ службы и тягло платить сопча. И о том¹ отписать для ведома в приказ Болшого дворца² к боярину ко внязю Василью Федоровичю Одоевскому с товарищи.

Таковы памяти посланы во Дворец и в Казенной приказ июля в 10 числе за приписью дьяка Василья Бобинина.³

На л. 26 об.: "вел." и "Помета о том на выписке думного дьяка Емельяна Украинцева", почерк тот же, что и в самой памяти.

№ 9. 1682 г., между 13 и 21 июля. Челобитная Барашской слободы с жалобой об уклонении тяглецов Казенной слободы от "шатерной службы" в царском "походе" 13 июля и с просьбой обязать приказ Большой казны прислать в Посольский приказ окладные книги слобод.

/л.27/ Царем, государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] бьют челом холопи ваши Барашския слободы староста Андрюшка Софронов и все тяглецы. По вашему, великих государей, указу за наше малолюдство и великую скудость указали вы, великие государи, и бояря приговорили Казенныя слободы тяглецом шатерныя и дворцовыя службы с нами служить сопча. И по тому из Посольского приказу в приказ Большого дворца и в Казенной приказ посланы памяти. И в ны-

---

¹ Далее зачеркнуто слово "указали" и сделана вставка, отмеченная знаком +, написанная на л.25 об., начало зачеркнуто ["и по тому их челобитью"], далее: "и по тому их государскому указу о том Барашские слободы тяглецов челобитье и выписка ис Приказу Большие казны взято [далее зачеркнуто "в Приказ"] в Посольский приказ к боярину ко князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи".

² Слова "приказ Большого дворца" написаны другим почерком.

³ Приписка "Таковы памяти..." и до конца сделана другим почерком, более светлыми коричневыми чернилами.

нешнем, государи, во 190-м году июля в 13 день в поход за вами, великими государи, к Троицы в Сергиев монастырь по вашему, великих государей, указу и по наряду из приказа Большого дворца и из Казенного приказу велено от Казенных слободы тяглецом вашу государскую шатерную казну вести и для шатерных ставок людям итить с нами, холопи вашими, по счету сопча. И они, Казенные слободы тяглецы, вашему государскому указу учинились непослушны, шатерная казны с нами по счету не повезли и людей в поход не дали, и хотя ваш государской поход с шатерною казною остановить и нас, холопей ваших, до конца разорить. Били челом вам, великим государем, об очной ставке против своих книг к счету, каковы подали боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи о поверстке слободам. А ныне, государи, те книги в приказе Большие казны. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.], пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, ис Посольского приказу в приказ Большие казны послать память, чтоб те их книги Казенные слободы и Барашския слободы книги взять к счету в Посольской приказ. Цари, государи, смилуйтесь, пожалуйте.

На д.27 об. приказная помета, сделанная другим почерком, черными чернилами: "190-го июля в 21 день по указу великих государей послать память, велеть книги для счету прислать в Посольской приказ".

№ 10. 1682 г. июля 21. Память из Посольского приказа в приказ Большой казны о присылке окладных книг Барашской и Казенной слобод для счета.

/л.28/ Лета 7190-го июля в 21 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи. Великие государи указали: в Посольской приказ к боярину к князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи ис приказу Большие казны Казенные, Барашские¹ слободы окладные книги, каковы в нынешнем во 190-м году поданы в Полате боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи за руками Казен-

---

¹ Слово "Барашские" написано над строкой.

ные, Барашские¹ слободы тяглецов для шоту в службах и тягле², по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи учинить о том.

Такову память подписал диак Семен Протопопов.³

№ 11. 1682 г. июля 25. Память повторная из Посольского приказа в Приказ Большой казны о присылке окладных книг Барашской и Казенной слобод.

/л.29/ Лета 7190-го июля в 25 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи. Великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] указали в Посольской приказ к боярину ко князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи ис приказу Большие казны Барашские да Казенные слобод окладные книги, каковы в нынешнем во 190-м году поданы в Полате боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи за руками Барашские и Казенные слобод тяглецов для шоту в службах и в тягле⁴. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи учинить о сем.

Такова память послана за приписью дьяка Василья Бобина.⁴

На л.29 об. сделана вставка, отмеченная на л.29 знаком⁺: "и о присылке ж с тех окладных книг в Посольской приказ их государский указ в приказ Большие казны к тебе боярину ко князю Никите Ивановичю с товарищи послан июля в 21 числе, и июля ж по 25 число тех книг не присылаша", вставка сделана другим почерком, более светлыми коричневыми чернилами.

---

¹ Слово "Барашские" написано над строкой.

² Далее зачеркнуто "Барашские слободы с тяглецами".

³ Приписка сделана другим почерком, более темными коричневыми чернилами.

⁴ Приписка сделана другим почерком, более светлыми коричневыми чернилами, почерк похож на почерк вставки на л.29 об.

№ 12. 1682 г. июля 27. Отписка из приказа Большой казны в Посольский приказ о посылке окладных книг Барашской и Казенной слобод.

/л.30/ Лета 7190-го июля в 27 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи. В нынешнем во 190-м году июля в 21 день в указе великих государей ис Посольского приказу в приказ Большие казны к боярину ко князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи за приписью дьяка Семена Протопопова написано. Великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] указали в Посольской приказ прислать ис приказу Болшие казны Барашские да Казенные слободы окладные книги, каковы в нынешнем во 190-м году поданы в Полате тебе, боярину князю Василью Васильевичю с товарищи за руками Барашские и Казенные слободы тяглецов для счету в службах и в тягле. И по указу великих государей окладные книги Барашские и Казенные и всех дворцовых слобод, каковы снесены сверху ис Полаты и ис приказу Болшие казны, посланы в Посольской приказ к тебе, боярину ко князю Василью Васильевичу с товарищи, приказу Болшие казны с подьячим с Воином Дурасовым.

Дьяк Дмитрий Стефанов.¹

На л.30 об. внизу: "Правил Гришка Облезов". Вверху приказная помета: "Принять осмотра", черными чернилами.

№ 13. 1682 г., до 29 июля. Челобитная тяглецов Барашской слободы с жалобой, что окладные книги их слободы из приказа Большой казны в Посольский приказ не присланы.

/л.31/ Царем, государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] бьют челом холопи ваши Барашские слободы староста Андрюшка Софронов. По вашему великих государей указу к сщету с Казенною слободою посланы памяти ис Посольского приказу в приказ Болшие казны о книгах, которые поданы в Полате к сщету в тягле и в службах Казенные и Барашские слобод. И те книги велено прислать в Посольской приказ. И из приказу Болшие казны Казенные слободы книги за дьячею приписью прислали, а Барашские слободы окладных имянных книг, которые подали боярину князю Василью Васильевичю Го-

¹ Подпись написана другим почерком, более темными коричневыми чернилами.

лицыну с товарищи за руками двойников, не прислали, а прислали книги всех дворцовых слобод. Милосердые государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.], пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, о том ис Посольского приказу в приказ Большие казны послать память, чтоб те именные окладные книги Барашские слободы тяглецов к счету взяты для подлинныя ведомости в Посольской приказ, которые книги поданы за руками выборных людей Барашские слободы тяглецов, и перечневые выписки, которые писаны в тетратех и чтены при всех двойниках о службах и людех и о всякой тягости. Цари государи, смилуйтея, пожалуйте.

На л.31 об. приказная помета, черными чернилами другим почерком: "190-го июля в 29 день послать память другую с прежнего отпуску, велеть те книги прислать, о которых бьют челом".

№ 14. 1682 г. июля 29. Память из Посольского приказа в приказ Большой казны о присылке окладных книг Барашской и Казенной слобод.

/л.32/ Лета 7190-го июля в 29¹ день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи. Великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] указали прислать в Посольской приказ к боярину ко князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи Казенной да Барашской слобод окладные книги, каковы поданы в Полате боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи за двойниковыми руками, и ис тех книг² перечневую выписку, какова за закрепою думного дьяка Аверкия Кирилова. И по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи учинить о сем. Дьяк Василий Посников.³

Такову память подписал диак Василий Бобинин.⁴

На л.32 об.: "Справил Сенка Никитин".

---

¹ В рукописи дата — число 29 — написана другими, черными чернилами.

² Слова: "и ис тех книг... Аверкия Кирилова" написаны над строкой над словами: "И по указу великих государей..."

³ Подпись: "Дьяк Василий Посников" написана другим почерком, черными чернилами.

⁴ Подпись дьяка Василия Бобинина — другим почерком, более темными коричневыми чернилами

№ 15. 1682 г. августа 3. Отписка из приказа Большой казны в Посольский приказ о посылке окладных книг и выписки о службах тяглецов Барашской и Казенной слобод.

/л.33/ Лета 7190-го августа в 3 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи. В нынешнем в 190-м году июля в 29 день в указе великих государей ис Посольского приказу в приказ Большие казны к боярину ко князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи написано. Великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] указали прислать в Посольской приказ Казенной да Барашской слобод окладные книги, каковы подали в Полате тебе, боярину князю Василью Васильевичу Голицыну, с товарищи за двойниковыми руками, и ис тех книг перечневую выписку, какова за закрепою думного дьяка Аверкия Кирилова. И по указу великих государей книги Борашские слободы, которые поданы в Полате за двойниковыми /л.34/ руками ис приказу Большие казны, посланы в Посольской приказу приказу Большие казны с подьячим с Иваном Вонюковым. А Казенные слободы книг за двойниковыми руками и перечневые выписки за закрепою думного дьяка Аверкия Кирилова в приказе Большие казны нет¹. А которые книги были Казенные слободы, и те книги ис приказу Большие казны отосланы в Посольской приказ наперед сего.

На д.33 об. сверху помета: "Взять к отпуску и книги осмотра принять". Внизу на склейке л.33 и 34 скрепа: "Дьяк Никита" (фамилия его "Полунин" написана в конце Отписки, после слов: "наперед сего").

На л.34 об.: "Справил Федка Кишмутин".

№ 16. 1682 г. августа 31. Челобитная лучших людей Казенной слободы Петра Стоянова, Григория Анофреева и Андрея Алексеева с просьбой отложить продолжение очной ставки с тяглецами Барашской слободы в связи с тем, что в ней не может принять участие староста Казенной слободы Данила Балакшин.

/л.35/ 190-го августа в 31 день в Посольском приказе Казенные слободы лутчие люди тяглецы Петр Стоянов, Григорей Анофреев, Андрей Алексеев Барашской слободы з двойником со Власом Ивановым к очной ставке ставлены. И Петр Стоянов с

---

¹ Слова "нет" и далее приписаны другим почерком, более темными коричневыми чернилами.

товарыщи били челом словесно, что де в очной ставке Барашской слободы з двойником со Власом Ивановым был их слободы староста Данило Балакшин. А им де в очную ставку итти нельзя, и чтоо великие государи пожаловали их, велели им дать сроку сентября до 2 числа 191-го году. А они де к тому числу поставят к очной ставке старосту Данила Балакшина.

На д.35 об.: "Петр Стоянов и вместо Григория Онофреива и Андрея Алексева руку прило", конец слова: "жил" в конце чебитной после слов: "старосту Данила Балакшина".

№ 17. 1682 г. до 31 августа. Челобитная старосты Казенной слободы Данилы Балакшина об освобождении его из под ареста.

/л.36/ Царем, государем и великим князем Иоанну Алексевичу, Петру Алексевичу [т.] бьют челом холопи ваши Казенные слободы старостишка Данилка Балакшин и все слобожаня. В нынешнем, государи, в 190-м году была очная ставка в Посольском приказе перед боярином перед князем Васильем Васильевичем Голицыным Барашские слободы с тяглецами, и та, государи, очная ставка не вершена. А ныне, государи, меня, Данилка, в Посольском приказе держат в железах и велят ту очную ставку вершить без боярина князя Василья Васильевича Голицына. Милосердые государи, цари и великие князи Иоанн Алексевиц, Петр Алексевиц [т.], пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, нам тое очную ставку довершивать при боярине князе василье Васильевиче Голицыне для роди¹ подлинного розыску и велите, государи, меня ис Посольского приказу из желез свободить. Цари, государи, смилуйтея, пожалуйте.

На д.36 об.помета: "190-го августа в 31 день государи пожаловали, велели иво ис приказу свободить. А очные ставки до боярина князя Василья Васильевича Голицына не вершить", другим почерком, более светлыми чернилами.

---

¹ В рукописи "роди".

№ 18. 1682 г., до 5 сентября. Челобитная тяглецов Баращской слободы с просьбой продолжить очную ставку, от которой тяглецы Казенной слободы уклоняются.

/л.37/ Царем, государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу [т.] бьют челом холопи ваши Баращския слободы староста Андришка Софронов и все тяглецы. По вашему, великих государей, указу за наше малолюдство и многие шатерные службы в нынешнем во 190-м году июля в 9 день указали вы, великие государи, и бояре приговорили в Передней: Казенной слободы жители с нами, холопи вашими, шатерные, дворцовые и Казенного приказу службы и тягло велено платить сопча. И о том в приказ Большаго дворца и Казенной приказ из Посольского приказу послан ваш, великих государей, указ, велено им Казенной слободы жителем ваши, великих государей, шатерныя и дворцовые службы служить вместе, и за вами, великими государи, к Троицы в Сергиев монастырь им, Казенной слободы жителем, шатерную казну вести по счету вместе ж. И против того вашего, великих государей, указу Казенные слободы староста Данило Кондратьев в Шатерной Полате сказал скаску, что в поход по зчету под шатерную казну лошади готовы 40 подвод да 40 человек людей для шатерных ставок готовы. И во всем против вашего, великих государей, указу и по наряду из приказу Большаго дворца учинилися непослушны, шатерной казны в поход не возили и шатерных и дворцовых служеб не служат, хотя своим многолюдством вперед во льготе жить. Били челом вам, великим государем, они Казенная слободы староста Данило Кондратьев и все тяглецы с нами, холопами вашими, об очной ставке и против того их челобитья велено им Казенной слободы с нами в службах дать счет и ваш, великих государей, указ велено учинить в Посольском приказе боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи. И против того своего челобитья они Казенной слободы староста к очной ставке не становились многое время. И августа в 18 день в очной ставке он, староста Данило, в Посольском приказе был с нами, холопи вашими, и к той записке руку приложил. А ныне они, не хотя против челобитья своего очной ставки довершивать, ведая свою неправду и не хотя ваших государевых дворцовых и шатерных служеб с нами, холопи вашими, в равенстве служить, от очной ставки отбиваются, и нас, холопей ваших, волочат многое время. А в прежней поход к Троицы в Сергиев монастырь вашу, великих государей, шатерную казну возили обдолжаясь великими долгами, займаю деньги в кабалы и закладывая животишка свои не против своей мочи на своих наемных подводах, обнадежась на

вашу, великих государей, премногую милость. А вперед где будет ваше, великих государей, шествие в походы, нам, холопам вашим, от своей скудости и от малолюдства поднятца никоими дела не возможно от многово тягла и от служб. И достальные тяглецы отъедут врознь. А они Казенной слободы своим многолюдством живут во льготе. Милосердые государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич р[т.], пожалуйте нас, холопей своих, за наше малолюдство и великую тягость, велите, государи, /л.38/ против прежняго своего, великих государей, имянного указа и боярского приговору им, Казенной слободы тяглецом, свои, великих государей, шатерные и дворцовые службы с нами служить сопча в равенстве. И о том против сего нашего челобитья свой, великих государей, милостивой розсмотрительной указ учинить, чтоб нам, холопам вашим, от своей скудости ваших государских шатерных ставок не остановить и от многово тягла и достальным врознь не разбрестись. Цари, государи, смилуйтесь.

На л.37 об.: "К сей челобитной бараш Ивашка Васильев и вместо барашково старосты Андрея Софронова по ево велению руку приложил".

Здесь же приказные пометы: "191-го сентября в 5 день государи пожаловали, велели о том указ учинить боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи", более темными коричневыми чернилами. Ниже черными чернилами: "191-го сентября в 12 день взять к прежнему челобитью".

№ 19. 1682 г. июля 13. Челобитная тяглецов Казенной слободы об очной ставке с тяглецами Баращской слободы.

/л.57/ В нышнем во 190-м году июля в 13 день били челом великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] Казенной слободы староста Данилко Балакшин и все тое слободы тяглецы, а в Посольском приказе боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи подали челобитную. А в ней пишет.

/л.58/ Царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] бьют челом холопи ваши Казенные слободы староста Данилко Балакшин и все слобожаня. В нынешнем, государи, во 190-м году били челом вам, великим государем, Баращские слободы староста Андрей Софронов с товарищи на нас, холопей ваших, затейным своим ложным челобитьем, будто де Казенная

слобода живет в тягле малом и в легости. И против их ложного челобитья по вашему, великих государей, указу велено розыскать и указ о том учинить в Посольском приказе боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи и розверстать, а не слобода к слободе в поддачу отдавать. И мы, холопи ваши, били челом вам, великим государем, против их челобитья. И вы, великие государи, пожаловали, велели нам с ними дать очную ставку и розыскать в приказе Большие казны перед боярином князем Никитою Ивановичем Одоевским с товарищи. А Казенная, государи, итак разорена до конца, взято в гостиную и суконную сотни 45 человек лутчих людей. А из Борашской слободы не взято ни один человек. И ис Посольского приказу боярин князь Василий Васильевич Голицын с товарищи отдал нас, холопей ваших в Борашскую слободу в поддачу без очные ставки и без розыску без вины напрасно. И во всем вам, великим государем нас они, бораши, обогали. А Казенная слобода издревле ни х которой слободе в поддаче не бывала. Служим вам, великим государем, особно в Казенном приказе. Милосердые государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.], пожалуйте нас, холопей своих, не велите, государи, нас против своего, великих государи, указу и подписной челобитной без очные ставки и без розыску ис Казенного приказу отдавать. Государи, цари, смилуйтесь, пожалуйте.

/л.59/ И на сей челобитной помета думного дьяка Емельяна Игнатевича Украинцева.

190-го июля в 13 день государи пожаловали, велели им в службах дать счет, указ о том учинить боярину князю Василью Васильевичю Голицыну.

Да на той же челобитной помета дьяка Максима Бурцова.

На д.58 об.: "К сей челобитной Казенной слободы старостишко Данилко Балакшин руку приложил."

Здесь же выше и ниже этого рукоприкладства приказные пометы: "190-го июля в 13 день государи пожаловали, велели им в службах дать счет, указ о том учинить боярину князю Василью Васильевичю Голицыну". "190-го августа в 18 день по указу великих государей Казенные слободы у тяглецов Барашския слободы с тяглецами ставка была". Пометы черными чернилами, но разными почерками.

№ 20. 1882 г. августа 18. Очная ставка тяглецов Барашской и Казенной слобод о поверстании служб и тягла.

/л.59/ 190-го августа в 18 день по указу великих государей Казенные слободы у тяглецов Барашскою слободою с тяглецы очная ставка была.

И против вышеписанного челобитья в Посольском приказе перед боярином перед князем Васильем Васильевичем Голицыным с товарищи на очной ставке вместо Барашские да Казенные слобод тяглецов были Барашской слободы выборной двойник Власко Иванов, а Казенной слободы староста Данилко Балакшин.

А на очной ставке Власко Иванов, выслушав вышеписанную челобитную, бил челом, чтоб Данилка Балакшина допросить: в нынешнем во 190-м году для поверстки служеб и тягла были ль у них двойники и буде выбраны были, кто имяны, и подали ль они своей Казенной слободы тяглом и службам и тяглу книги.

И Данилко Балакшин сказал, что де у них для поверстки служеб и тягла в двойники выбраны были Петрушка /л.60/ Стоянов, Ивашко Зиновьев и их Казенной слободы тяглом и службам и тяглу книгу они подали. Да Данилко ж Балакшин подал челобитную да под тою челобитною роспись за руками. И бил челом, чтоб по той челобитной и росписи великих государей указ учинить. А он де Данилко тое челобитную и роспись против ево Власковых слов вместо ответа. А в челобитной и в росписи пишет.

/л.61/ Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу [т.] бьют челом холопи ваши Казенные слободы старостишко Данилко Балакшин и все сложаня. В нынешнем государи, во 190-м году по челобитью Барашские слободы и по помете на выписке велено нашу Казенную слободу отдать безвинно в поддачу в Барашскую слободу. И велено служить нам ваши государские службы шатерные и всякие дворцовые в ровенстве и наши с ними вместе. А наша, государи, Казенная слобода изстари ни х которой слободе в поддаче не бывала. Потому что в указе блаженные памяти отца вашего государева великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и в Соборном уложении та Казенная слобода после гостиные и суконные сотни первая слобода. И по нашему, холопей ваших, челобитью велено нам с ними дать щет и очную ставку, и у нас с ними, барашами, во всяких службах и в расходах вместо очные ставки всяким нашим службам и расходам роспись под сею челобитною за руками. А велено о том указ учинить боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи. А в прежнем их челобитье было

написано о кодашевцах и об наших бездворных утаенных людей, а не обо всей нашей Казенной слободы жителей о поддаче. А то, государи, они в другой своей челобитной своим вымыслом написали о поддаче к себе всех Казенной слободы жителей, а не о бездворных. И та, государи, явная их затейка, что они то вымыслом своим написали вновь. Милосердые государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.], пожалуйте нас, холопей своих, не велите, государи, их ложному затейному челобитью верить и велите, государи, той нашей Казенной слободе быть по-прежнему, всякие ваши государские службы служить и подати платить своею слободою особо и не велите, государи, Казенной слободе у барашей быть в поддаче. И нами вновь образца учинить перед всеми слободами. И по сей нашей челобитной и заручной росписи велите указ учинить. А про наши службы и подати свидетельствовать Казенным приказом и где наши службы и подати бывают против росписи, чтоб нам, холопом вашим, от их нападения в вечном разорении и посмехе же не быть. Цари, государи, смилуйтесь, пожалуйте.

/л.62/ Роспись Казенные слободы тяглом, службам и расходам и денежному збору.

В Астрахани на деловом дворе служит человек по 3 годы без съезду, а подмоги даем ему по 50 рублей на год.

В Новой Оптикорской полате служим в год по 2 человека.

В Казенном приказе стоят по шти человек во весь год понедельно, а найму им дается на неделю по 10 алтын человеку. И тех людей в год бывает 312 человек. Да у нас же служат в Казенном приказе староста, приемщик, десяткой. Да в Казенном же приказе служим мы у государевых дел человек по 10 и по 20 и больши у казны у высушки и в переносах, и у сукон в постилках, и место государево обиваем, и на иорданех и в Вербное Воскресенье у обивки сукон и у береженья бывает человек по тридцети и по сроку. И на посольских дворех в приезд послов полаты чистим и сукала ставим и обиваем, и после съезду их обираем и в Казенной приказ свозим Казенною ж слободою.

И в государевы походы ис Казенного приказу какие утвари спросят наскоре, и мы те утвари ставим на своих подводах, /л 63/ и в походы, как спросят, за великими государи персидскую полатку и кресла, и мы подымаем на своих подводах Казенною слободою.

Да с нас же в прибавку после книг, что поданы в Ответную полату, служба положена — служить вместо гостиной и суконной сотен в Казне 2 человеком.

Да мы ж бываем в Казенном приказе у государевых товаров у продажи у шолков и у софьянов человека по 2 и по 4.

Да в Казенном же приказе печи топим в Казне и у портных мастеров своими дровами. Да мы ж покупаем в Казенной приказ для их государских дел портным мастером уголь и всякую деревянную посуду и на учреженье портищ всякую рухлядь. Да для чищенья Казенного двора покупаем железную и деревянную рухлядь. И работаем Казенною слободою.

Да в прошлых годех на государеве службе под Смоленским и под Ригою люди с лошадьми и с телегами с Казенной слободы были. А наймовали их дорогою ценою.

А окладной у нас в Казенной слободе список, что мы збираем в те вышеписанные росходы 64 рубли. А збираем мы против сего окладу вчетверо, кроме мостовых денег. А мостовых денег платим мы в Земской приказ в 5 лет по тридцети по осми рублей по двотцети алтын.

/л.64/ А в слободе у нас дворовых жителей против книг, что поданы в Ответную полату, малое число, вполы и в меньши. А многие живут за скудостью и за утеснением малые земли скитаются на дворничестве и на боярских и на монастырских дворах и у надворные пехоты в наемных подклетах и в разных слободах и сотнях, потому что у нас перед Барашской слободой земли малая доля. А которые у нас были в Казенной слободе лутчие люди и прожиточные, и те все выбором взяты в гостиную и суконную сотни 45 человек. А после тех людей остались в Казенной слободе людишка скудные и маломочные. А которые у нас в книгах написаны по поручным записям, и тех многих людей к дачам и к службам не сыскиваем.

А из Борашские слободы в гостиную и суконную сотни не взят ни един человек. И в той у них Борашской слободе люди прожиточные и полные.

А беломезцов у нас живет в Казенной слободе стольники, и подьячие, и истопники, и закройщики, и портные мастера, и скорняки, и лисишники. И тех беломезцов и кои взяты в гостиную и суконную сотни, и тех дворов будет с тридцеть. А тягла с нами с тех дворов своих не платят.

/л.65/ Да они ж Борашские слободы староста и тяглецы написали в челобитье своем, будто они служат годовых служб на вся-

кой год по дватцети человек с лишком. И великие государи указали б про те их службы свидетельствовать и где они годовые дворцовые службы служат по дватцети человек с лишком.

/л.66/ А будет великие государи укажут на нашу Казенную слободу в прибавку наложить людей в службы по скольку человек на год, и в том они, великие государи, вольны. А чтоб нам Казенною слободою служить всякие ваши государские службы особо и подати платить, каковы на нас положены, одним против прежних их государских указов. А Борашские слободы чтоб нам у них в поддаче и соединении с ними не быть.

На л.61 об.-66 об. подпись старосты Казенной слободы Данилы Балакшина: "К сей челобитной Казенной слободы старостишко Данилко Балакшин руку приложил".

На оборотах л.62-63 рукоприкладства тяглецов Казенной слободы:

л.62 об. — "К сей росписи садовник Ивашка Никитин вместо Григорья Анофреева по ево веленью руку приложил.

К сей росписи Евтюшка Михайлов руку приложил.

К сей росписи Алешка Яковлев и вместо Казенной слободы тяглецов Петра Семенова саешника, да Никона Парфеньева, да Прокопья Аристова, да Ивана Ефремова, да Исаю Осипова по их веленью руку приложил.

К сей росписи Петрушка Лукьянов и вместо Прохора Ермолина, Алексея Моисеева, Пимена Гарасимова по их веленью руку приложил.

К сей росписи Петрушка Кузьмин и вместо Фомы Елуфимьева, да Семена Кузьмина, да... [на месте разреза л.62 и 63 одна строка срезана и не читается].

л.63 об. — ...да Пимина Степанова, да Ивана Онтропова, да Галахтина Осипова, Овдея Яковлева, Тимофея Тарасова по их веленью руку приложил.

К сей росписи Самсонка Якимов и вместо Кузьмы Онтропова, Ивана Иванова по их веленью руку приложил.

К сей росписи Степашка Константинов руку приложил.

К сей росписи Ивашко Васильев и вместо Артемья Павлова да Петра Семенова по их веленью руку приложил.

К сей росписи Бориско Семенов и вместо Федора Кандратьева, Логина Иванова по их веленью руку приложил.

К сей росписи Алешка Семенов и вместо Ивана Алексеева по их веленью руку приложил.

К сей росписи Казенной слободы Тимошка Игнатъев вместо отца своего Игнатъя Михайлова, Василья Михайлова по их веле- нью руку приложил".

/л.67/ И вышеписанная челобитная и роспись Власку Иванову чтена, и Власко Иванов, выслушав, сказал. В государеве де ука- зе и в Уложенье как о той Казенной слободе напечатано, и того де он не ведает. А в прежнем де их Барашские слободы тяглецов че- лобитье о кадашевцах и Казенные слободы о бездворных людех, которые у них в книгах, каковы поданы в Ответной полате, про- писаны, написано было, и те де люди, которые у них в книгах прописаны, все розбежались. И они де о том и бить челом не ста- ли. А в другой де челобитной написали они обо всех Казенной слободы тяглецах, чтоб служить им с ними в равенстве, а не в поддачу к ним для скудости своей и малолюдства и всякие тягос- ти. И та де их челобитная писана не вымыслом их.

Да он же Власко сказал, что де написано у них в росписи, будто в Астрахани служат Казенные слободы по человеку по 3 го- да, а подмоги им дают по 50 рублей на год. И он де о той службе и подмоге их, дают ли им тое подмогу, того он не ведает. И бил челом, чтоб Данилка допросить, в которых годах их слободы люди посыланы в ту службу и в которых годах были, и ныне в той службе в Астрахани человек их есть ли. И есть ли у них тех людей во взятые подмоги отписи.

И Данилко Балакшин сказал: как де их слободы тяглецы в Астрахани почели служить, тому лет з 10 и больши. А которого году, того он подлино не упомнит. А были де в той службе сначала по имянному блаженные памяти великого государя, царя и ве- ликого князя Алексея Михайловича [т.] указу Демидко Борадулин, а подмоги /л.68/ указано ему дать по имянному ж указу на 3 годы 40 рублей. И те де деньги доправлены ему на них. А о последних деньгах он Демидко, приехав из Астрахани, бил челом на них в Казенном приказе, как они прислали к нему перемену. А после ево ково послали, и тем де давали они по 50 рублей на год челове- ку. А жили де они в той службе по 3 ж года человек. А он де Де- мидко бил челом о подмоге, указывая на ту подмогу, которые по- сланы ему на перемену. И по тому ево Демидкову челобитью ве- лено ему подмогу доправить против тех людей. И после де ево Демидка в той службе были их же слободы тяглецы Ивашко Зи- новьев да Максимко Гребенщиков. И Максимко де Гребенщиков живет в Астрахани и ныне за отчетом тому седьмой год. А подмо- ги де ему они приговорили дать на 3 года по 50 рублей. А которые

де он лишние годы живет, и за те де годы о подмоге что великие государи укажут. А отпуск де тем людем ис приказу Казанского дворца.

И Власко Иванов говорил, что де он Данилко плугает. Написал де он в росписи своей, будто платят по вся годы астраханскому служителю подмоги по 50 рублей на год. А словесно он же сказал, что живет человек их в Астрахани седьмой год. А они де выбрали того человека на 3 годы, а не на 7 лет. И то де они пишут в росписи своей, укрываючи свою неправду.

А Данилко Балакшин сказал: тот де человек их слободы живет в Астрахани за их выбором за отчетом государевы казны, а не за своим промыслом. И по их де выбору мочно ему /л.69/ и приехал ис Астрахани в подмоге на них бить челом. А они де в подможных деньгах в своем выборе опасни. И будет де великие государи по тому их выбору на те годы, которые годы жил он в Астрахани сверх 3 годов, подможные деньги на них буде велят и доправить, и в том их государская воля. А он де Власко плутом назвал ево не делом.

Да Власко Иванов сказал: в Новой де Аптекарской полате их Казенные слободы тяглецов по 2 человека служат, и та де им служба зачтена. А что де в описи написано, что стоят в Казенном приказе по шти человек, а платят им найму на неделю по 10 алтын человеку, и в книгах, каковы их Казенные слободы выборные двойники подали в Ответной полате к счету, написано шти человеком по 10 алтын человеку, а на месяц ли, или на год, или на неделю, того имянно в книгах их не написано. И то де они написали в росписи, будто они дают найму по 10 алтын человеку на неделю, исправляя неправду свою.

А Данилко Балакшин сказал: наем де тем шти человеком и служба написано в заручной их росписи имяно. И чтоб великие государи пожаловали их, велели про ту службу и про наем и есть ли против книг, каковы выборные люди подали в Полате в росписи их, что лишнее написано не делом, и про то бы свидетельствовать Казенным приказом. А для подлинного де ведома написано в росписи их имянно.

А Власко Иванов¹ шлетца в том на книги, каковы подали в Полате двойники их, а на Казенной приказ слатца му не для чего.

---

¹ В слове "Иванов" буквы "ов" написаны по подчищеному, другим почерком, более темными чернилами.

/л.70/ А Данилко Блакшин говорил: то де ево Власова явная неправда, что он свидетельство на Казенной приказ, где их службы бывают, не слался. А он де хочет прав быть Казенным приказом во всех службах против росписи.

А Власко Иванов сказал, что он в тех подможных деньгах шти человека хочет быть прав книгами, каковы подали в Полате их к подлинному счету.

Да Власко ж Иванов говорил, что де написано в росписи их, будто служит их слободы в Казенном приказе староста, да примщик, да десятцкой. И то де написано в той их росписи не делом. А к счету де в книгах их, каковы поданы в Полате, про те люди не написано. И в том он на те книги шлетца.

А Данилко Балакшин говорил, что де он в тех службах шлетца на Казенной приказ против росписи своей и на книги, каковы подали двойники их к счету. А те де старосты и примщики и целовальники в тех книгах не написаны для того, что та служба явная: во всех слободах без старосты и без целовальника и бес примщика не бывает. И для того они в тех книгах не написали, а писали де они то ныне в росписи своей для счету и подлинной ведомости.

Да Власко Иванов говорил, что де в росписи ж их написано, будто у высушки казны и у переноски, и у обивки государских мест на ердани и в Вербное воскресенье, и на посольских дворах у обивки ж сукон, и у чишенья полат бывают их /л.71/ Казенной слободы тяглецы, то де написано в росписи их не делом. Да и в книгах их, каковы подали двойники их в Ответной полате, написано, что дают они для тех служб на Казенной двор человек по 10 и по 20 и больши. И то в книгах их своровано: написано после докладные выписки. И чтоб великие государи пожаловали их, велели про то розыскать. А что де у береженья сукон и мест человек по 30 и по 40-у и на посольских дворах полаты чистят и сукны ставят и обивают и после съезду обирают да в Казенной приказ свозят, и то де в книгах их, каковы поданы в Ответной полате, не написано. И в том на те их книги он шлетца oprичь воровской приписки, которая приписка написана в тех книгах после докладной выписки.

А Данилко Балакшин говорил, что де в книгах их, каковы поданы в Полате после докладной выписки, ложно ничего не прописано. А в тех де службах против росписи своей шлетца он на Казенной приказ. А что де о службе у обивки у государских мест сукон и на посольских дворах человек по 30 и по 40-у в двойнич-

ных их книгах написано ль, того он не упомнит. А написано де о том имянно в росписи их для подлинного счету.

Да Власко ж Иванов говорил, что де в росписи их написано, что в государевы походы ис Казенного приказу всякие утвари ставят наскоро Казенные слободы тяглецы на своих подводах. И то де в двойничных их книгах написано воровски после докладной выписки. И о том бы великие государи указали розыскать.

А Данилко Балакшин говорил, что де в книгах их после докладной выписки воровски ложно ничего не написано. А на те приписные статьи, которые написаны, шлетца он Данилко в росходех и в службах, что он Власко называет воровскими написаными, и те службы их в Казен/л.72/ном приказе ведомы. А в двойничных их книгах, каковы он подал в Казенной приказ за своею рукой, те службы имянно написаны. А с тех ево заручных книг посланы книги ж за дьячьёю приписью в Ответную полату. И те книги с их книг даны списывать подьячему Александру Савинову. И сам ли он списывал или молодой подьячий, того он не ведает. И про тое де вышеписанную службу в книгах, каковы поданы в Полате, после докладной ли выписки приписано, того он не ведает. И как та служба с их книг росписана в книгах же, каковы поданы в Полате, и того он не ведает.

Да Власко ж Иванов говорил, что в росписи ж их написано, будто в походы, как спросят за великими государи персицкую полатку и кресла, и будто де то поднимают на подводах Казеную слободою. И то де написано в росписи их не делом, потому что в двойничных их книгах, каковы поданы в Полате, того имянно не написано. Да и в росходе у них денег за те подводы имянно не написано ж.

А Данилко Балакшин говорил, что де та службы в их заручных книгах написана в перечню с ыными службами. А как де с их книг в отсылку в книгах же, каковы поданы в Полате, те их службы росписаны, того он не ведает. А в заручной де их росписи службы их росписаны имянно для подлинного счету.

Да Власко ж Иванов сказал, что де в росписи ж их написано, будто после двойничных их книг в прибавку положено на них служба: велено быть в службе вместо гостиной и суконной сотен в Казне 2 человеком. И он де про ту службу не ведает. И бил челом, чтоб Данила Балакшина допросить: вместо гостиной и суконной сотни дву человек с которого году и месяца и числа у них в службу спрашивают, и в ту службу 2 человека у них дано ли и хто имяны даны и выбор на них подан ли?

/л.73/ А Данилко Балакшин говорил, что де у них в тое вышписанную службу вместо гостиной и суконной сотен дву человек спрашивают по 2 ж человека на год со 190-го году при сиденье казначея Михаила Тимофеевича Лихачева. А те де люди 2 человека в тое службу по се число не отданы. А вперед де у них те люди в тое службу, как у них спросят, готовы.

Да Власко ж Иванов говорил, что в росписи ж их написано, будто в Казенном приказе бывают у продажи товаров шолков и сафьянов по 2 и по 4 человека. И то де написано в росписи их не делом, потому что де та их служба к счету в двойничных их книгах не написана. Да и в заручной де их росписи написано глухо, по году ль де люди служат или помесечно и зачитают ли им то в службу, того имянно не написано ж.

А Данилко Балакшин говорил: та де их служба в Казенном приказе ведома имянно, и в том де он шлетца на Казенной приказ.

Да Власко ж Иванов говорил, что де в росписи ж их написано, что в Казенном приказе в Казне и у портных мастеров печи они топят своими дровами, и та де их покупка дровам в двойничных их книгах написана. А на сколько рублей исходит у них дров на год, и того де в тех их книгах имянно не написано. А что де будто они покупают в Казенной приказ для государевых дел портным мастером уголье, и то де написано в двойничных их книгах после докладной выписки. А что де будто они покупают всякую деревянную посуду, и на учреждение портищ и всякую ружлеть, да для чищения Казенного двора покупают железную и деревянную посуду и ружлеть, и на Казенном дворе они Казенною слободою будто работают, и того де в двойничных их книгах не написано.

/л.74/ А Данилко Балакшин говорил, что те их службы против росписи их в Казенном приказе ведомы. И в том де он шлетца на Казенной приказ. А которые де службы и росходы в заручных их книгах порознь и не росписаны, а те де их службы и росходы в росписи написаны для подлинныя ведомости и счету порознь.

Да Власко ж Иванов говорил, что де шлетца в тех службах, которые написаны в двойничные их книги, которые поданы в Полате к счету. А которые де их службы к счету не написаны были, и он де в тех службах на Казенной приказ не шлетца, потому что те службы в Казенном приказе бывают ли, того он не ведает.

Да Власко ж Иванов говорил, что де в росписи ж их написано, будто в прошлых годах на государеве службе под Смоленским и под Ригию их Казенные слободы люди с лошадьми и с телеги

были и наймовали будто дорогою ценою. И то де написано в росписи их не делом, укрываючи свою несправду, потому что в прошлом во 190-м году посланы блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указы во все слободы, велено принести к счету и к поверстке книги службам и людям и податям 187 и 188 и 189 годов, а не дальних прошлых лет.

А Данилко Балакшин говорил, что де и у них, Барашские слободы у тяглецов, в челобитье те службы, как ходили они под Смоленск и под Ригу, на них написано, и они де к счету те свои службы написали такожде.

/л.75/ Да Власко ж Иванов говорил, что де в росписи ж их написано, будто у них в Казенной слободе окладной список и будто они по тому списку збирают в вышеписанные росходы 64 рубли. И против де того окладу будто збирают они вчетверо, кроме мостовых денег, что платят в Земской приказ в 5 лет по тридцати по осми рублев по двадцати алтын. И то де написано у них не делом и не потив книг, каковы присланы ис Казенного приказа за дьячьёю приписью в Ответную полату к счету служеб и податей. А в докладном де их списку всей Казенной слободе написан оклад 6 алтын 4 денги. А с дву денег сходит по три рубли по шти алтын по 4 денги. А в тех вышеписанных дву денгах 80 пуд, а в пироге 10 пуд. И в тот оклад в 6 алтын в 4 денги збираетца у них 64 рубли. А в книгах де, каковы присланы в Ответную полату ис Казенного приказа за дьячьёю приписью, написано после докладной выписки, будто збирают против того окладу вчетверо. А мостовых де денег платежу в тех книгах ничего не написано. И то де их стало явное плутовство. И о том указали б великие государи розыскать.

А Данилко Балакшин говорил, что де во их заручных книгах, каковы поданы в Казенной приказ за их руками, и в тех книгах тот оклад написан вчетверо имянно. И мостовым деньгам платеж потив их росписи в тех книгах написан имянно ж. И в платеже мостовых денег к сей очной ставке Данилко Балакшин подал Земского приказу отпись. И с той отписи взят список за рукою. А подлинная отпись отдана ему Данилку. А в списке пишет.

/л.76/ Список с отписи слово в слово. Лета 7188-го августа в 31 день по государеву цареву великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу взято в ево великого государя казну в Земской приказ мостовых денег по наказу в Земляном городе от Покровки по Язу реку с Казенной слободы с тяглых дворов и с дворовых мест со

сто с девяносто с трех дворов со ста восемьдесят седьмого по ста девяносто второй год на 5 лет з двора по шти алтын по 4 деньги. Итого тридцать восемь рублей дватцать алтын. Те деньги платил Казенные слободы староста Бориско Семенов. А подлинная отпись за приписью дьяка Андрея Покрышкина. Справа подьячева Федора Кишмутина.

На л.76 об.: "К сему списку Казенной слободы Данилко Балакшин руку приложил. А подлинную отпись к себе взял".

/л.77/ Да Данилко Балакшин бил челом, чтоб великие государи пожаловали их, велели заручные их книги, каковы в Казенном приказе для подлинного счету взяты в Посольской приказ, и сличили бы с теми книгами, каковы поданы за дьячьёю приписью в Ответной полате. А что он, Влас, спорит не делом, будто они по окладу вчетверо не збирают, и те бы денги по окладу против их заручных книг велеть имать погодно в Казенной приказ вчетверо и держать бы те денги в росход против их заручной росписи и книг.

А Власко Иванов бил челом великим государем, чтоб Данилка Блакшина допросить: на книги, которые ис Казенного приказу за дьячьёю приписью присланы в Ответную полату и с тех книг что зделана докладная выписка, и на те книги и на выписку во всем он том Данилко шлетца ль.

И Данилко Балакшин сказал, что де он на те книги и на докладную выписку слатца не смеет, потому что те книги, как с их заручных книг списаны, он де про то не ведает. А шлетца он на заручные свои книги, каковы поданы в Казенной приказ.

Да Власко ж Иванов говорил, что де в росписи ж их написано, будто у них в слободе дворовых жителей против книг, что поданы в Ответную полату, малое число, вплоы и менши, а многие будто живут за скудостью и за утеснением малые земли и скитаются на дворничестве на монастырских и на боярских дворех и у надворные пехоты в наемных подклетах и в розных слободах и сотнях, потому что де у них перед Барашскою слободою /л.78/ земли малая доля. А которые де у них были в слободе лугчие и пожиточные люди, и те все выбором взяты в гостиную и суконную сотни 45 человек. А после де тех людей осталось в слободе людишка скудные и маломочные. А которые де у них в книгах написаны по поручным записям, и тех многих людей к дачам и службам не сыскивают. И то де у них написано в росписи не делом, потому что де у них и то в той росписи не написано, сколько

у них в Казенной слободе человек живут дворами лутчих и середних и молотчих людей, также и бездворных людей. А в гостиную и в суконную сотни сколько человек взято, того он не ведает. Да хотя бы де и взяты, и им де до того и дела нет. А в Казенной де слободе под дворами земли перед Барашскою слободою менши ль, того он не ведает же. А из их де Барашской слободы в гостиную и в суконную сотни ниhto не взят, потому что из дворцовых слобод за великою тягостью податей и служб из нево(?)¹ не имано. А в Барашской де слободе пожиточных людей 3 человека, а средние статьи 21 человек, а молотчих 65 человек. И всех в Барашской слободе тяглецов со дворами и сиротами 157 человек. А что де у них беломесцы всяких чинов люди живут на триццати дворех, и с тех дворов будто им в Казенную слободу тягла не платят, и им де до того и дела нет. И емлют ли они с них тягло, и они де того не ведают. А по скольку де человек их слободы тяглецов годовую службу служат и где служат, и то де написано в книгах их, каковы поданы к счету в Ответную полату.

И Данилко Балакшин бил челом, чтоб ево Власа допросить: в годовых службах они, Барашские слободы тяглецы, со всеми дворцовыми слободами считаютьца ль и по счету ль с ними служат?

/л.79/ А Власко Иванов сказал, что де они годовые дворцовые службы з дворцовыми слободами служат по счету и в тех службах считаютьца.

А Данилко Балакшин говорил, что де в годовых дворцовых службах по 20 человек у них не бывает. А те де службы написали они на себя не делом. И про те бы службы розыскать. А что он Влас в сей очной ставке о счете своим вымыслом многие их службы и росходы спорил многие не делом и лживил, будто они написали ложно. И бил челом, чтоб великие государи пожаловали их, велели про то все розыскать против их заручной росписи и по книгам, каковы за их руками в Казенном приказе, каковы поданы з двойниками Казенным приказом.

Да Власко ж Иванов говорил, что де он на Казенной приказ не шлетца, а шлетца он на книги, каковы поданы в Ответную полату, oprичь того, что в тех книгах приписано после докладной выписки. И та Казенная слобода службами и податями тяжела ль или легка ль и чтоб великие государи пожаловали их, велели с Ка-

---

¹ Так в тексте.

зенною слободою с тяглецы по-прежнему своему великих государей указу службы и тягло и подати платить сопча.

А Данилко сказал: хотят де они правы быть государским последним указом и сею очною ставкою, потому что де прежней указ покрыт нынешним государским указом.

№ 21. 1682 г., ноябрь. "Сказка" дьяка Казенного приказа Федора Максимова о приписках в окладных книгах Казенной слободы, присланных из Казенного приказа в Посольский к счету служб.

/л.80/ И 191-го года ноября в¹ день Казенного приказу дьяк Федор Максимов сказал: в прошлом де во 190-м году декабря в 22 день по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] и по памяти за приписью дьяка Любима Домнина велено ис Казенного приказу прислать к боярину ко князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи для розбору и изравнения служб и податей Казенные слободы тяглецов дву человек лутчих людей и их службам и окладам и всяким податям и с окладных и платежных книг списки за дьячьми приписми. И по тому де блаженные памяти великого государя указу ис Казенного приказу Казенные слободы тяглемом окладные книги их службам и всяким податям в тетратех отпущены с памятью. А тое де память справил и книги отпускул подьячей Александр Гневышев, а писаны де /л.81/ те книги, которые ныне в Посольском приказе, с окладных книг Казенные слободы. И те де окладные подлинные книги за рукою Казенной слободы старосты Данилка Балакшина и ныне в Казенном приказе. А закрепил те книги он Федор. А что де в тех книгах ево Федоровою рукою в закрепе написано "Фе/р/", и то де он Федор описался, потому что в то числе был болен. А что в тех книгах было написано, какие их службы, и того он Федор сказал не упомнит, потому что которые отпуски бывают ис приказов в ыные приказы, и те де всякие отпуски закрепляют дьяки, веря старым подьячим. И приписка какая в тех книгах после отсылки есть ли, того он Федор не ведает. А он де Федор после отсылки тех книг, как те книги ис Казенного приказу отпущены, приписывать никому ничего не веливал. А что

---

¹ Число в документе не проставлено, оставлено пустое место.

де в тех книгах в трех местах называют припискою, и то де письмо одного подьячего рука или дву, того он Федор не ведает.

/л.82/ А подьячей Лука Максимов сказал; что де Казенной слободы тяглецом и их тяглу и службам книги за приписью дьяка Федора Максимова в Полате боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи подал он Лука, и в тех де книгах сначала первая тетрадь да на другой тетради два листа ево, Лукина, письма руки, а достальные тетради в тех книгах письма руки Макара Лайкова. А под тремя перечни в тех же книгах под Макаровым письмом написано иным письмом. А хто то подписал, того он не ведает. Только то письмо не Макаровой руки Лайкова.

На л.80 об. подпись: "К сей сказке Федор Максимов руку приложил".

На л.82 об. подпись: "К сей скаске Приказу Больше казны подьячей Лучка Максимов руку [конец подписи — в конце Сказки на л.82] приложил" (слово "приложил" на л.82 после текста Сказки).

№ 22. 1682 г. ноября 12. Память из Посольского приказа в приказ Казанского дворца с запросом о службах в Астрахани тяглецов Казенной слободы.

/л.83/ Лета 7191-го ноября в 12 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Якову Никитичю Одоевскому с товарищи. Великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] указали в приказе Казанского дворца выписать: в Астрахани на Деловой двор Казенные слободы тяглецов¹ посылают ли и буде посылают, с которого году и по сколко лет живут, и подмоги им с Казенной слободы что дают ли, и по какому великих государей указу их² посылают и подмогу дают, и у какова они дела в Астрахани на Деловом дворе живут. И ныне Казенной слободы тяглец в Астрахани на Деловом дворе есть ли³, и буде есть, за каким делом живет ли. Да тое выписку за дьячьєю приписью прислать в Посольской приказ ко боярину ко князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи. И по указу великих

---

¹ Далее зачеркнуто "которого году".

² Далее зачеркнуто "в Астрахань".

³ Далее зачеркнуто "и у какого дела".

государей боярину князю Якову Никитичю Одоевскому с товарищи учинити о сем по указу великих государей.

Внизу приписка другим почерком: "Послана за приписью дьяка Василья Бобинина", более светлыми чернилами.

На д.83 об. вверх ногами: "По милости".

№ 23. 1682 г. ноября 16. Память из Посольского приказа в Казенный приказ с запросом о службах тяглецов Казенной слободы в Аптекарской палате и в Казенном приказе.

/л.84/ Лета 7191-го ноября в 16 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] казначею Семену Федоровичю Толочанову с товарищи. Великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] указали в Казенном приказе выписать: Казенные слободы тяглецов в Аптекарской полате в год по два человека служат ли¹, у какова они дела бывают, и с которого году в Аптекарской полате почели служить, и ныне служат ли? Да в Казенном приказе по шти человек во весь год стоят ли и найму им с Казенной слободы на неделю по 10 алтын человеку дают ли? И тех людей в год 312 человек бывает ли? И буде те люди в Казенном приказе стоят, для какова дела велено им стоять и по какому великих государей указу те вышеписанные люди в Аптекарской полате служат. И в Казенном приказе стоят и с Казенной слободы наем дают? Да в Казенном же приказе староста, примщик, десятцкий бывают ли и у каких дел бывают? И вместо гостиной и суконной сотни в Казенном приказе в Казне по 2 человека Казенной слободы тяглецов² также у продажи товаров шолков и сافьянов по 2 ж и по 4 человека на год бывают ли? И по вся годы в тех вышеписанных службах те люди бывают ли? Да в Казенном же приказе у дел человек по 10 и по 20 и больши у казны³ у высушки и у переносок, и у постилок, и у обивок сукон к государским мес-

¹ Далее зачеркнуто "и будет служат".

² Слова "Казенной слободы тяглецов" написаны над строкой тем же почерком.

³ Слова "у казны", "и то все", "в росходе бывает" написаны над строкой; почерк другой, чернила более светлые; почерк похож на почерк дьяка Василья Посникова

там, также и на иорданех и в Вербное воскресенье у обивки ж сукон, и у береженья по 30 и по 40 человек бывают ли? И на посольских дворах для приезде послов полаты Казенной слободы тяглецы чистят ли и по какому указу они чистят, и что им от чищения тех полат ставитца? Также на Посольском дворе Казенной же ли слободы тяглецы в полатах сукна ставят и обивают /л.85/ и после съезду послов те сукна на Посольском дворе в полатах хто обирает и в Казенной приказ на чьих подводах свозят? И в походы великих государей чево ис Казенного приказу наскоро спросят, и персицкую полатку и кресла и то все³ Казенной слободы тяглецы на своих подводах возят, и часто ли в походы великих государей что спросят, также и персицкую полатку и кресла Казенной слободы тяглецы на своих подводах возили. И по чему на те подводы на год давано? Да в Казенном приказе и в Казне, и у портных мастеров печи своими ль дровами Казенной слободы тяглецы топят, и на сколько рублей дров в год исходит? Да в Казенном же приказе для государских дел портным мастером уголь и всякую деревянную посуду и на учрежденье портищ всякую рухльдь, да для чишенья Казенного двора железную и деревянную рухльдь покупают Казенной же ли слободы тяглецы? И сколько в год на уголь и на всякую железную и деревянную рухльдь денег в расходе³ бывает, и что какой деревяной и железной рухледи в покупке порознь в год бывает? И на Казенном дворе Казенною ль слободою работают и что работают?

Скрепа: "Подписал дьяк Василией Посников".

№ 24. 1682 г. декабря 5. Справка из приказа Казанского дворца о службе тяглецов Казенной слободы в Астрахани.

/л.86/ Лета 7191-го декабря в 5 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи. В указе великих государей ис Посольского приказу за приписью дьяка Василья Бобинина в приказ Казанского дворца к боярину ко князю Якову Никитичю Одоевскому с товарищи написано: великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] указали в приказе Казанского дворца выписать, в Астрахань на Деловой двор Казенные слободы тяглецов посылают ли, и буде посылают, с которого году и подмоги им с Казенные слободы что дают ли. И по какому великих государей

указу их посылают. И у какова они дела в Астрахани на Деловом дворе живут. И ныне в Астрахани на Деловом дворе Казенные слободы тяглець за каким делом живет ли. Да тое выписку за дьячьею приписью /л.87/ прислать в Посольской приказ к тебе боярину ко князю Василью Васильевичю с товарищи. И в прошлых годах со 180-го году по 186-ой год по указу блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] московские Казенные слободы тяглець в Астрахань на Деловой двор в головы посыланы были. А подмоги им с Казенные слободы давано ль, того в приказе Казанского дворца не ведомо. А со 186-го году по нынешней по 191-ой год Казенные слободы тяглецов в Астрахань не посыловано. А вместо их посыланы из низовых городов посацкие люди.

На л.86 об.верху приказная помета: "Взять к отпуску"; внизу подпись: "дьяк Семен Струков" [имя дьяка – Семен Струков написано в конце справки на л.87].

На л.87 об.: "Справил Макарко Поляников".

№ 25. 1682 г. декабря 26. Справка из Казенного приказа в Посольский приказ о службах тяглецов Казенной слободы.

/л.88/ Лета 7191-го декабря в 26 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи. В нынешнем в 191-м году декабря в 21 день в указе великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] ис Посольского приказу в Казенной приказ х казначею к Семену Федоровичю Толочанову с товарищи за приписью дьяка Василья Бобинина написано. Великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] указали в Казенном приказе выписать Казенные слободы тяглецов во Оптекарской полате в году по 2 человека служат ли, и у какова дела в Оптекарской полате бывають, и с которого году почали служить, и ныне служат ли? Да в Казенном приказе по шти человек во весь год стоят ли, /л.89/ и найму им ис Казенные слободы на неделю по 10 алтын человеку дают ли, и тех людей в год 312 человек бывает ли? И буде те люди в Казенном приказе стоят, для какова дела влено им стоять? И по какому великих государей указу те вышеписанные люди в Оптекарской полате служат и в Казенном приказе стоят и с Казенной слободы наем дают? Да в Казен-

ном же приказе староста, приемщик, десятцкой бывают ли, и у каких дел бывают? И вместо гостиной и суконной сотен великих государей в Казне в Казенном приказе Казенной слободы тяглецов по 2 человека, также у продажи товаров шолков и сафьянов по 2 ж и по 4 человека на год бывают ли? И по вся ль годы в тех вышеписанных службах те люди бывают ли? Да в Казенном же приказе у дел человек по 10 и по 20 и болши у Казны и у высушки, и у переносок, и у постилок, и у обивок сукон к государским местам, также и на иерданех и в Вербное воскресенье у обивки ж сукон и у береженья по 30 и по 40 человек бывают ли? И на посольских дворах для приезде послов полаты Казенной слободы тяглецы чистят ли и по какому указу они чистят, и что им от чищения тех полат ставитца? Также на Посольском дворе Казенной же ли слободы тяглецы в полатах сукна ставят /л.90/ и обивают, и после съезду послов те сукна на Посольском дворе в полатах кто обирает и в Казенный приказ на чьих подводах возят? И в походы великих государей чего ис Казенного приказу наскоро спросят, и персицкую полатку и кресла, и то все Казенные ль слободы тяглецы на своих подводах возят, и часто ли в походы великих государей что спросят, также и персицкую полатку и кресла Казенной слободы тяглецы на своих подводах возят ли и по чему на те подводы на год давано? Да в Казенном приказе в Казне и у портных мастеров печи своими ль дровами Казенные слободы тяглецы топят и на сколько рублей дров в год исходит. Да в Казенном же приказе для государских дел портным мастером уголье и всякую деревянную посуду и на учрежденье портищ всякую рухледь, да для чишенья Казенного /л.91/ двора железную и деревянную рухледь же покупают Казенной же ль слободы тяглецы, и сколко в год на уголье и на всякую железную и деревянную рухледь денег в росходе бывает, и что какой деревянной и железной рухледи в покупке порознь в году бывает? И на Казенном дворе Казенною ль слободою работают и что работают? Да тое выписку за дьячьею приписью прислать в Посольской приказ к тебе, боярину ко князю Василью Васильевичю, с товарищи.

И в Казенном приказе службы Казенные слободы тяглецов выписаны. В Опекарской полате /л.92/ по памятем из Опекарского приказу по 2 человека в год со 184-го году. И у денежного збору и у покупки товаров в Казенном приказе по шти человек во весь год переменяясь понеделньо для береженья великих государей казны, и для посылок приказных всяких дел стоят, великих государей у казны на иорданех и в Цветоносную неделю, и к их

государским местам, и на посольских дворах, у обивки, и у постилок и для береженья и для высушки сукон, и для иных дел бывают человек по 20 и по 30 и болши у работы. И за великими государи в походы персицкую полатку и кресла и всякие товары для скорости возят Казенные ж слободы тяглецы на своих подводах. Для топленья Казенного приказа дрова и портным мастером для верховых дел уголье покупают Казенные ж слободы тяглецы на свои денги. И Казенной приказ и двор чистят. А что денег от наймов и от провозу за дрова и за уголье и за иные покупки у них в росходе в год бывает, того в Казенном приказе не ведомо, потому что дрова и уголье и всякую рухледь покупают и подводы нанимуют /л.93/ Казенные слободы ж тяглецы староста и приемщик. С Казенной же слободы староста, приемщик, десяцкой бывают, переменяясь погодно, для всяких государевых и слободских дел против иных слобод также из давних лет. Да в прошлом де 190-м году апреля в 1 день по указу блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] и по докладной выписке за пометою думного дьяка, что ныне думной дворянин, Парфенья Яковлевича Пятово велено в Казенной приказ для покупки и для меры товаров выбирать в целовальники ис Казенные слободы тяглецов лутчих людей по 2 человека в год. И ныне по тому великого государя указу к продаже 2 человека выбраны. Да со 180-го году с Казенные ж слободы служит в Астрахани человек на Деловом дворе и донныне.

На нижнем поле л.93 приписка другим почерком и другими, черными чернилами: "Декабря в 29 день подал подьячей Ромашко Смирнов в 1-м часу ночи".

По всем раскладкам дл.86-93 срезанная скрепа: "дьяк Федор Максимов [имя Максимова написано в конце Спавки на л.93].

На л.93 об.: "Справил Алешко Чюлков (?)".

На л.88 об. приказная помета: "Вять к отпуску", черными чернилами.

№ 26. 1682 г., после 26 декабря – до 1683 г. 17 января.
Разбор дела о поверстании служб тяглецов Барашской и Казенной слобод в Посольском приказе.

/л.94/ Выписано на перечень.

В прошлом во 190-м году июля в 6 день били челом великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру

Алексеевичю [т.] Барашские слободы староста Андрюшка Софрон и все той слободы тяглецы. В нынешнем де во 190-м году били челом они брату их блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] о поверстке служеб и тягла Казенные слободы с тяглецы, потому что Казенной слободы тяглецы многолюдством живут во лбоге. А с ними де та Казенная слобода смежна. А они де малолюдством служат шатерные и дворцовые службы в великой скудости. И против де их челобитья написана выписка. А по той де выписке велено их, великих государей, указ учинить боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи. И по той де выписке им их, великих государей, указу не учинено и по се число. И волочатца де они за тем делом многое время. И чтоб великие государи пожаловали их для их скудости и малолюдства и скорых своих государских походов, велели им по той выписке свой государской милостивой разсмотрительной указ учинить, чтоб им от великой тягости вконец не разоритца.

И по тому их челобитью и по помете на той челобитной думного дьяка Афонася Зыкова велено тое выписку взять в Посольской приказ и по той выписке великих государей указ учинить велено боярину князю Василью Васильевичю Голицыну.

А в выписке, какова прислана ис приказу Большие казны за справую подьячего Федора Кишмутина, написано.

В прошлом во 190-м году декабря в 11 день блаженные памяти великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич [т.] указал боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи к своим государевым делам в службы разобрать и росписать и изровнять гостей в 6 год, а гостиную и суконную сотни, и дворцовых, и кадашевцев и конюшенных и черных сотен во 8 или в 9 или в 10 годы, чтоб всем служить и всякие подати платить в равенстве и не в тягость.

/л.95/ А в Барашской слободе тяглецов 157 человек.

А в службах бывает в году по 20 человек.

И иметца им служить в 7 лет.

А во 8-й год в остатке будет 8 человек.

И не достанет в указанное число в службу в 8 и в 9 и в 10й годы 52 человека.

А тягла Барашские слободы с тяглецов сходит 374 рубли 26 алтын 4 деньги.

Итого иметца на человека по 2 рубли по 12 алтын по 5 денег на год.

Да они ж на всякие расходы збирают з беломесцов 155 рублей 6 алтын 4 деньги.

Обоево тягла в год по окладу и в расходы бывает 530 рублей.

А в списке з жалованные грамоты блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича [т.], какова дана с списка ж з жалованные грамоты блаженные памяти великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Росии Барашской слободы тяглецом написано:

Денежных доходов и тягла и никаких поборов с них, Барашской слободы тяглецов, имать не велено. Также им никаких изделий не делать оприч того, где великих государей поход будет. А как поход бывает, и они ездят на их государевых лошадях.

А в Казенной слободе тяглецов 479 человек.

А в службах в году бывает 9 человек.

И имется служить в 53 лета.

А за тем в остатке будет 2 человека.

/л.96/ А тягла с них сходит по 64 рубли на год.

Итого иметца на человека по 4 алтына по 3 деньги на год.

И в прошлом во 190-м году апреля в 7 день били челом блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] Барашской слободы староста Андрюшка Софронов и все тяглецы. Служили де они одну шатерную службу, а дворцовых служб з дворцовыми слободами не служили, и шатерную казну возили в походы на ямских подводах. А в Смоленскую и в Виленскую и в Рижскую службу было их с шатерною казною 90 человек, и шатерную казну возили на своих наемных подводах. И те де службы стали им больши 6 тысяч рублей. И от той службы они оскудали великими долгами. А без них де в моровое поветрие сродичи их на Москве померли, и дома их разорились вконец. А пожитки их рознесены. А как шли к Москве розных городов жители и селились жить в Кадашеве и в Казенную слободу, а к ним в Барашскую слободу не шли, видя их многую службу и великую тягость. И с того де времени тое шатерную службу служат и возят на своих наемных подводах малолюдством своим. Да они ж служат всякие дворцовые службы в купчинах и в целовальниках и по счету з дворцовыми слободами всякие изделия делают. И те их службы и с наемными лошедми под шатерную казну и с подможною дачею ставитца в год и доньне по 500 и по 600 рублей. А их де ныне в Барашской слободе человек со 100 не з большим. А люди все маломочные. А до морового де поветрия было Барашские слободы тяглецов человек с 300 пожиточных. А смеж-

но де с их Барашскою слободою Казенная слобода и многолюдна, а служба их самая малая, а к нарядом великих государей скорых дел прилична, и их шатерная служба служить с ними таким многолюдством мочно.

/л.97/ И великие государи пожаловали бы их за их малолюдство и великую скудость и за многие службы, велели Казенные слободы тяглецом служить шатерные и всякие дворцовые службы с ними в ряд. И им их казенную службу, которую они служат по наряду, всем вместе, чтоб им от великой скудости и малолюдства и многих служб в походах шатерных ставок не остановить и от великих государей в опале не быть.

И буде великие государи Барашской слободы тяглецов жалуют, велят им Каазенные слободы с тяглецами шатерную и дворцовую и Казенного приказу службы служить и тягло платить сопча.

И Барашские, и Казенные слобод тяглецов 636 человек.

А в службы в год будет 29 человек.

И иметца служить в 21 год.

А за тем в остатке будет 27 человек.

А тягла с них сойдет 438 рублей 26 алтын 4 деньги.

Итого иметца на человека по 23 алтына на год.

И в пошлом же во 190-м году июля в 9 день великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.], слушав перечневой выписки, указали и бояря приговорили в Передней: Казенной слободы тяглецом Барашские слободы с тяглецами ж шатерную и дворцовую и с Казенного приказу службы служить и тягло платить сопча. И о том указали великие государи послать свой, вликих государей, указ в приказ Большого дворца к боярину и дворцкому ко князю Василью Федоровичю Одоевскому с товарищи. По выписке докладывал великих государей боярин князь Василей Васильевич Голицын по подписной челобитной.

И против того их, великих государей, указу в приказ Большого дворца и в Казенной приказ указы посланы.

/л.98/ Да в прошлом же во 190-м году июля в 13 день били челом великим государем Казенные слободы староста Данилко Балакшин и все той слободы тяглецы. В нынешнем во 190-м году били челом великим государем Барашские слободы староста Андрюшко Софронов с товарищи на них ложно, затеев, будто они Казенные слободы тяглецы живут в малом тягле легко. И против де того их челобитья велено розыскать и розверстать и указ учи-

нить боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи, а не слободу к слободе в поддачу отдавать. И против де их челобитья велено им с ними дать очную ставку и розыскать в приказе Большие казны боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому с товарищи. И ис Посольского де приказу боярин князь Василей Васильевич Голицын с товарищи отдал их в Барашскую слободу в поддачу без очные ставки и без розыску без вины напрасно. И во всем они, барашки, оболгали их. А Казенная де слобода изстари ни х которой слободе в поддаче не бывала. Служат особно в Казенном приказе. И великие государи пожаловали бы их, не велели потив указу великих осударей и подписной челобитной без очные ставки и без розыску их ис Казенного приказу отдавать.

И по тому их челобитью Казенные слободы тяглецом Брашские слободы с тяглецы велено дать очная ставка боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи.

А на очной ставке вместо Барашские да Казенные слободы тяглецов были Барашской слободы выборной двойник Власко Иванов, а Казенной слободы староста Данилко Балакшин.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, что Казенной слободы тяглецы живут многолюдством в легком тягле. И бил челом, чтоб Данилка Балакшина допросить, для поверстки служеб и тягла были ль у них Казенной слободы двойники выбраны хто имяны, и подали ль они в Ответную полату своей Казенной слободы тяглецом и службам и тяглу книги.

/л.99/ И Данилко Балакшин сказал: для поверстки де служеб и тягла двойники у них выбраны были Петрушко Стоянов, Ивашко Зиновьев. И их Казенной слободы тяглецом и службам и тяглу книги они подали. Да он же Данилко подал челобитную, да под тою челобитною роспись за руками. И бил челом, чтоб им по той их челобитной и росписи великих государей указ учинить. А он де Данилко подал тое челобитную и роспись против ево Власковых слов вместо ответа.

А в челобитной написано.

В нынешнем де во 190-м году велено их, Казенной слободы тяглецов, отдать безвинно в поддачу Барашкой слободы тяглецом и велено им с ними служить шатерные и всякие дворцовые службы в равенстве. А их де Казенные слободы тяглецы изстари ни х которой слободе в поддаче не бывали, потому что в указе блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и в Соборном уложении та Казенная

слобода написана после гостиные и суконные сотни первая. И по их де челобитью велено им с ними дать счет и очную ставку. И у них де с ними во всяких службах и в расходах вместо очные ставки роспись под сею челобитною за руками. А в прежнем де их челобитье было написано о кашашевцах и о бездворных утаеных людех, а не о всей Казенной слободе тяглецов о поддаче. И то де в другой своей челобитной написали они вымыслом. И чтоб великие государи пожаловали их, не велели их ложному затейному челобитью верить. И велеть бы той их Казенной слободе быть по-прежнему и всякие службы служить и подати платить особою слободою. И не велети б Казенной слободе у барашей быть в поддаче. И ими вновь обрасца учинить пред всеми слободами. И по той бы челобитной и по заручной росписи указ им учинить. А про их бы службы и про подати свидетельствовать Казенным приказом, где их службы и платежи бывают, чтоб им от их нападения в вечном разорении и в посмехе не быть.

И вышеписанную челобитную Власко Иванов выслушав, сказал. Как де о Казенной их слободе в Уложение напечатано, и того он не ведает. А в прежнем де их Барашские слободы тяглецов в челобитье о кашашевцах и Казенные слободы о бездворных людех, которые у них в книгах, каковы поданы в Ответной полате, прописаны, написано было, и те де люди, которые у них в книгах прописаны, все разбежались. И они де о том и бить челом не стали. А в другой де челобитной написали они обо всей Казенной слободе тяглецах, чтоб служить им с ними в равенстве, а не о поддаче к ним для малолюдства и великие тягости от податей. И та де их челобитная писана не вымыслом их.

/л.100/ Да в росписи написано.

А в Астрахани на Деловом дворе служит человек по 3 годы, а подмоги дают по 50 рублей на год.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, что де он про тое службу и подмогу не ведает. И бил челом, чтоб Данилка Балакшина допросить, в которых годех их слободы тяглецы посылаемы в Астрахань для той службы, и в которых годех были, и ныне в той службе в Астрахани их слободы тяглец есть ли.

И Данилко Балакшин говорил, что слободы их тяглецы в Астрахани служат лет с 10 и больши, а которого году, того он не упомнит. А подмоги де дано по имянному указу Демидку Бородулину на 3 годы 40 рублей. И те де денги взяты ему на них. А после его ково они посылали, и тем де давали по 50 рублей человеку на год. А жили де они в той службе по 3 года человек. А он де Де-

мидко, приехав из Астрахани, бил челом на них о подмоге, указывая на ту подмогу, которые посланы ему на перемену, и ему де Демидку велено ту подмогу доправить. Да той же де слободы тяглец Максимко Гребенщиков живет в Астрахани и ныне за счетом тому 7-й год, а подмоги де ему они приговорили дать на 3 года по 50 рублей. А которые де он лишние годы живет, и за те де годы о подмоге что великие государи укажут. А отпуск де тем людям ис приказу Казанского дворца.

И Власко Иванов сказал, что де он Данилко плутает, что он написал в росписи своей, будто платят по вся годы астраханскому служителю подмоги по 50 рублей на год, а словесно он же сказал, что будто платят подмоги на 3 года по 50 рублей. И тот их слободы тяглец в Астрахани живет 7-й год, а они де выбрали того человека на 3 года, а не на 7 лет.

А в книгах, каковы присланы ис Казенного приказу в Ответную полату за приписью дьяка Федора Максимова, написано.

А в Астрахани на Деловом дворе Казенной слободы 1 человек тяглец.

А у какова он дела в Астрахани на Деловом дворе и сколько лет велено ему быть, и что подмоги дано или доведетца дать, того в книгах имянно не написано.

/л.101/ И о той службе справливано с приказом Казанского дворца.

А по справке со 180-го по 186 год по указу блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] московские Казенные слободы тяглецы в Астрахань на Деловой двор в головы посланы были, а подмоги им с Казенные слободы давано ль, того в приказе Казанского дворца не ведомо. А со 186-го года по нынешней по 191-й год Казенные слободы тяглецов в Астрахань не посыловано. А вместо их посыланы из низовых городов посацкие люди.

Да в памяти ис Казенного приказу за приписью дьяка Федора Максимова написано.

Со 180-го года Казенные слободы служит в Астрахани человек на Деловом дворе и донныне.

А о той службе на Казенный приказ ссылки на очной ставке¹ не было. Да и о справке той службы в Казенной приказ в памяти не написано.

---

¹ Слова: "на очной ставке" написаны над строкой тем же почерком.

А справливано о той службе имянно с приказом Казанского дворца.

Да в росписи ж написано: В Новой Оптекарской полате на год по 2 человека, а у какова дела те люди в Новой Оптекарской полате бывают, того в росписи имянно не написано.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, что де в Оптекарской полате их Казенные слободы тяглецов служат по 2 человека, и та де их служба зачтена.

А в книгах, каковы ис Казенного приказу присланы в Ответную полату, написано: Казенные слободы тяглецов в Оптеке 2 человека, а у какова они дела в Оптеке, того имянно в тех книгах не написано.

А в памяти ис Казенного приказу написано: в Оптекарской полате по памятем из Оптекарского приказу со 184-го году Казенные слободы тяглецов по 2 человека в году у денежного збору и у покупки товаров.

Да в росписи ж написано: в Казенном приказе стоят в год по 6 человек, а найму им дается на неделю по 10 алтын человеку. И тех людей в год бывает 312 человек.

/л.102/ А на очной ставке Власко Иванов сказал, что в книгах их, каковы их Казенные слободы выборные двойники подали в Ответной полате к счету, написано: 6 человек по 10 алтын человеку, а на месяц ли или на год, того имянно в книгах их не написано. И то они в росписи своей написали, что найму по 10 алтын человеку на неделю дают, исправляя неправду свою.

А Данилко Балакшин бил челом, чтоб великие государи пожаловали их, велели про ту службу и про наем, и есть ли что против книг, каковы поданы в Полате и в росписи их, что лишнее написано не делом, и про то бы свидетельствовать Казенным приказом. А для подлинного ведома написано в росписи их имянно.

А Власко Иванов шлетца в том на книги, каковы подали в Полате двойники их, а на Казенной де приказ слатца ему не для чего.

А в книгах, каковы поданы в Ответной полате, написано: в Казенном приказе 6 человек, и в день и в ночь безсходно, а тем людем найму дают по 10 алтын человеку.

А те люди в Казенном приказе понедельно или помесячно стоят, и найму им по 10 алтын человеку на неделю или на месяц дают, того в тех книгах имянно не написано.

А в памяти ис Казенного приказу написано.

В Казенном приказе во весь год переменяясь понеделньо для береженья великих государей казны и для посылок всяких приказных дел стоят 6 человек, а что им найму давано, того в Казенном приказе не ведомо. Потому что наймуют Казенные ж слободы тяглецы староста и приемщик.

А на очной ставке тем людям в даче наемных денег Казенной слободы староста слался на Казенной приказ.

Да в росписи ж написано.

В Казенном же приказе староста, приемщик, десятцкой, а у какова они дела в Казенном приказе и погодно ль бывают, того в росписи имянно не написано.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, что де то в росписи их написано не делом, а к счету де в книгах их, каковы поданы в Полате, про те люди не написано. И в том он на те книги шлетца.

/л.103/ А Данилко Балакшин говорил, что в тех службах шлетца на книги, каковы подали двойники их к счету, а те де старосты и приемщик и целовальники в тех книгах не написаны для того, что та служба явная во всех слободах. А писали де они то ныне в росписи своей для счету и подлинной ведомости.

А в памяти ис Казенного приказу написано:

Казенной слободы староста, приемщик, десятцкой бывают, переменяясь погодно для всяких государевых и слобочких дел против иных слобод также из давних лет.

Да в росписи же написано: в Казенном же приказе служат у государевых дел человек по 10 и по 20 и больши у казны, у высушки и в переносах, и у постилок сукон, и места государевы обивают, и на иорданех и в Вербное воскресенье у обивки и у береженья сукон бывают человек по 30 и по 40, и на посольских дворах в приезды послов полаты чистят и сукна ставят и обивают, и после съезду их обирают и в Казенной приказ свозят Казенною ж слободою.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, что де то в росписи их написано не делом. А в книгах де их, каковы поданы в Ответной полате, своровано, написано после докладной выписки. И бил челом, чтоб великие государи пожаловали их, велели про то розыскать.

А Данилко Балакшин говорил, что де в книгах их, каковы поданы в Полату, после докладной выписки ложно ничего не приписано. А в тех де службах против росписи своей шлетца он на Казенной приказ. А что у обивки у государских мест сукон и на посольских дворах о работниках человек о 30 и о 40 в двойничных

их книгах написано, того он не упомнит. А написано де о том имянно в росписи их для подлинного счету.

А в книгах, каковы поданы в Полате, написано:

В Казенной приказ работников дают ко всяким государевым делам человек по 10 и по 20 и больши. /л.104/ И то знатно приписано после иным очинном пера, потому что то письмо вышепи-санного письма потоне и писано иными чернилами. И то письмо с вышепи-санным письмом не сходно.

А о 30 и о 40 человек работников имянно не написано.

А в памяти ис Казенного приказу написано:

Великих государей у казны на иорданех и в Цветоносную неделю и к государским местам и на посольских дворех у обивки и у постилок, и для береженья, и для высушки сукон, и для иных дел бывают человек по 20 и по 30, и больши у работы, а что тем людем найму давано, того в Казенном приказе не ведомо. А что на посольских дворех в приезды послов полаты чистят и сукна ставят и обивают, и после съезду их обирают и в Казенной приказ свозят Казенною ж слободою, и того в памяти ис Казенного приказу не написано.

/л.105/ Да в росписи их написано: в государевы походы ис Казенного приказу чего спросят наскоро, и они то возят на своих подводах.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, что де то в двойничных их книгах написано воровски после докладной выписки. И бил челом, чтоб великие государи пожаловали их, велели о том розыскать.

А Данилко Балакшин говорил, что де в книгах их после докладной выписки воровски ложно ничего не написано. А на те де приписные статьи шлетца он, Данилко, в расходех и в службах, что он Власко называет воровскими, и в двойничных их книгах, каковы он подал в Казенной приказ за своею рукою. А с тех де ево заручных книг посланы в Ответную полату книги за дьячьєю приписью. И про тое де вышепи-санную службу в книгах, каковы поданы в Полате, после докладной ли выписки приписано, того он не ведает.

А в книгах, каковы поданы в Полате, написано:

В походы подводы наймуют.

И то знатно приписано после, потому что письмо поустанов-нее, и с письмом, которое выше того, то письмо не сходно.

А в памяти ис Казенного приказу написано:

Всякие товары к великим государем в походы для скорости возят Казенные слободы тяглецы на своих подводах.

А что на те подводы денег в росходе на год бывает, того в Казенном приказе не ведомо.

Да в росписи ж написано: В походы, как спросят за великими государи персицкую полатку и кресла, и они поднимают на своих подводах Казенную слободю.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, что то де написано в росписи их не делом, потому что в двойничных их книгах, каковы поданы в Полате, того имянно не написано. Да и в росходе у них за те подводы имянно не написано ж.

/л.106/ А Данилко Балакшин говорил, что де та служба в их заручных книгах написана в перечень с ыными службами. А как де с их книг в отсылку в книгах же, каковы поданы в Полате, те их службы росписаны, того он не ведает. А в заручной де их росписи службы их росписаны имянно для подлинного счету.

А что персицкую полатку и кресла в походы Казенной слободы тяглецы возят, и того в книгах их, каковы поданы в Полате, не написано.

А в памяти ис Казенного приказу написано:

За великими государи в походы персицкую полату и кресла возят на своих подводах. А что найму за те подводы бывает, того в Казенном приказе не ведомо.

Да в росписи ж написано, в прибавку после книг, каковы поданы в Ответной полате, служба на них положена: служат они вместо гостиной и суконной сотен в Казне 2 человека.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, что он про ту службу не ведает. И бил челом, чтоб Данилка Балакшина допросить: вместо гостиной и суконной сотни 2 человек с которого году и месяца и числа у них в службу спрашивают, и в ту службу 2 человека у них дано ль и кто имяны даны и выбор на них подали ль.

А Данилко Балакшин говорил, что де у них в тое вышеписанную службу вместо гостиной и суконной сотен 2 человек спрашивают по 2 ж человека на год со 190-го года при сиденье казначая Михаила Тимофеевича Лихачева. А те де люди 2 человека в тое службу по се число не отданы. А вперед де у них те люди в тое службу, как у них спросят, готовы.

А в книгах, каковы поданы в Полате, той службы не написано.

А в памяти ис Казенного приказу написано:

В прошлом во 190-м году по докладной выписке за пометою думного дьяка, что ныне думной дворянин, Парфенья Яковлевича Пятово велено в Казенной приказ для покупки и для меры товаров выбирать в целовальники ис Казенной слободы тяглецов лутчих людей по 2 человека на год.

И ныне к той продаже 2 человека выбраны.¹

А тое службу те люди служат ли, того в памяти имянно не написано.

Да в росписи ж написано: в Казенном приказе у продажи государевых товаров шолков и сафьянов бывают человека по 2 и по 4, /л.107/ а помесячно или погодно те люди бывают, того в росписи их имянно не написано.

А Власко Иванов на очной ставке сказал, что то в росписи их написано не делом, потому что де та их служба к счету в двойничных их книгах не написана. Да и в заручной де их росписи написано глухо, по году ль те люди служат или помесячно, и зачитают ли то им в службу.

А в книгах, каковы поданы в Полате, той службы не написано.

Да и в памяти ис Казенного приказу про службу тех людей не написано.

Да в росписи ж написано: в Казенном приказе печи топят в Казне и у портных мастеров своими дровами. Да они ж покупают в Казенной приказ для государских дел портным мастером уголье и всякую деревяную посуду и на учреженье портищ всякую рухледь да для чишенья Казенного двора покупают железную и деревяную рухледь и работают Казенною слободою.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, что де в росписи их написано, что на Казенном дворе на топленье печей купят дрова, и та их покупка в двойничных их книгах написана. А на сколько рублей исходят у них дров на год, и того имянно не написано. А что де будто они ж покупают в Казенной приказ для государевых дел портным мастером уголье, и то де написано в двойничных их книгах после докладной выписки. А на учреждение де портищ и всякой рухледи да для чишенья Казенного двора железной и деревянной рухледи ж покупают, и будто на Казенном дворе они Казенною слободою работают, в двойничных их книгах не написано.

---

¹ Строка написана другим почерком и другими черными чернилами.

А Данилко Балакшин говорил, что де те их службы потив росписи их ведомы в Казенном приказе, и в том де он шлетца на Казенной приказ. А которые де службы и росходы в заручных их книгах порознь и не росписаны, и те де их службы и росходы в росписи их написаны порознь для подлинные ведомости и счету.

А Власко Иванов сказал, что в тех их службах на Казенной приказ, которые к счету не написаны были, не шлетца, а шлетца он в тех их службах, которые написаны в двойничных их книгах, каковы поданы в Полате к счету.

А в книгах, каковы поданы в Полате, написано:

Денги, которые збирают с Казенной слободы потив окладного списка, и те деньги расходятца на Казенном дворе, покупают дрова на приказное топленье уголье.

И та речь, что написано уголье, знатно приписано после, потому что та речь написана в строке меж речей, и та речь стала не-слоговата и письмо той речи с письмом той строки несходно. /л.108/ А на сколько рублей дров и уголья и какой посуды на год исходит, того в книгах их имянно не написано.

А в памяти ис Казенного приказу написано:

Для топленья Казенного приказу дрова и портным мастером для верховых дел уголье покупают Казенной же слободы тяглицы на свои денги и Казенной приказ и двор чистят. А что на покупку на дрова и на уголье и посуды и рухледи денег в росходе бывает, того в Казенном приказе не ведомо.

Да в росписи ж написано: в прошлых годех на государеве службе под Смоленским и под Ригю люди с лошадьми и с телегами с Казенной слободы были, а наймовали их дорогою ценою.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, то де написано в росписи их не делом, укрываючи свою неправду, потому что в прошлом во 190-м году велено изо всех слобод принести к счету и к поверстке книги службам и людем и податям 187 и 188 и 189 годов, а не дальних прошлых лет.

А Данилко Балакшин говорил, что де и у них Барашские слободы у тяглицев в челобитье те службы, как ходили они под Смоленск и под Ригу на них написано. И они де к счету те свои службы написали. такожде.

Да в росписи ж написано: Казенной слобододы окладной список, что они збирают в те вышеписанные росходы 64 рубли. И то збирают они против сего окладу вчетверо, кроме мостовых денег. А мостовых денег платят они в Земской приказ в 5 лет по 38 рублей по 20 алтын.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, то де написано у них в росписи не против книг, каковы присланы в Ответную полату к счету служеб и податей. А в окладном их списке всей слободе написан оклад 6 алтын 4 деньги, а з дву денег сходит по 3 рубли по 6 алтын по 4 деньги. А в тех вышеписанных дву деньгах 80 пуд, а в пироге 10 пуд. И в тот оклад в 6 алтын в 4 деньги збираетца у них 64 рубли.

А в книгах, каковы присланы в Ответную полату, написано после докладной выписки, будто збирают против того окладу вчетверо, а мостовых де денег платежу в тех книгах ничего не написано. И то де их явное плутовство. И бил челом, чтоб великие государи пожаловали их, велели о том розыскать.

/л.109/ А Данилко Балакшин говорил, что де в их заручных книгах, каковы поданы в Казенной приказ за их руками, тот оклад написан вчетверо имянно. Да и мостовым деньгам платеж против их росписи в тех книгах написан имянно ж. И в платеж мостовых денег подал Земского приказу отпись.

А в Отписи написано:

В пошлом во 188-м году августа в 31 день взято в Земской приказ мостовых денег Казенные слободы с тяглых дворов и з дворовых мест со 193 дворов со 187 по 192-й год на 5 лет з двора по 6 алтын по 4 денег. Итого 38 рублей 20 алтын.

Да Данилко ж Балакшин бил челом, чтоб великие государи пожаловали их, велели заручные их книги, каковы в Казенном приказе для подлинного счету, взять в Посольской приказ и сличить бы с теми их книгами, каковы поданы за дьячиею приписью в Ответной полате. А что де он Власко спорит не делом, будто они по окладу вчетверо не збирают. И те бы денги по окладу против заручных их книг велели бы иметь погодно в Казенной приказ вчетверо и держать бы те денги в росход против их заручной росписи и книг.

А Власко Иванов бил челом великим государем, чтоб Данилка Балакшина допросить на книги, которые ис Казенного приказу за дьячьєю приписью присланы в Ответную полату, и с тех книг, что зделана докладная выписка. И на те книги и на выписку во всем он том Данилко шлетца.

И Данилко Балакшин сказал, что де он на те книги и на докладную выписку слатца не смеет, потому что те книги, как с их заручных книг списаны, и он де про то не ведает. А шлетца де он на заручные свои книги, каковы поданы в Казенном приказе.

А в книгах, каковы поданы в Полате, написано:

Окладной список 6 алтын 4 деньги, а з дву денег сходит 3 рубли 6 алтын 4 деньги, а в дву деньгах 80 пуд, а в пироге 10 пуд. И тот оклад с выпискою, какова прислана из Большие казны, сходет.

Да под тою статьею подписано не по керакшным строкам иным писмом: против сего окладу збирают вчетверо, кроме мостовых денег.

/л.110/ И про вышеписанные приписки дьяк Федор Максимов допрашиван.

А по допросу подал скаску, а в скаске написано.

Книги Казенной слободы тяглецов службам и тяглу, которые отосланы в Ответную полату, закрепил он, Федор. А что де в тех книгах Казенные слободы тяглецов написано было, какие службы, и того он Федор сказал не упомнит, потому что которые отпуски бывают ис Приказов в ыные приказы, и те де всякие отпуски закрепляют дьяки, веря старым подьячим, и приписка какая в тех книгах после отсылки есть ли, того он Федор не ведает. А он де Федор после отсылки тех книг, как те книги ис Казенного приказу отпущены, приписывать никому ничего не веливал. А что де в тех книгах в трех местех называют припискою, и то де письмо одного подьячего рука или дву, того он Федор не ведает.

Да подьячей Лука Максимов, которой Казенной слободы тяглецов службам и тяглу книги подал в Полате за приписью дьяка Федора Максимова, допрашиван же.

А по допросу сказал:

Казенные слободы тяглецом и их тяглу и службам книги за приписью дьяка Федора Максимова в Полате боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи подал он, Лука. И в тех де книгах сначала первая тетерать да на другой тетрити два листа ево Лукиной руки письма, а достальные тетрати в тех книгах Макаровой руки письма Лайкова. А под тремя перечни в тех же книгах под Макаровым письмом Лайкова написано иным письмом. А хто то подписал, того он не ведает. Только то письмо не Макаровой руки Лайкова.

А у книг, каковы поданы в Полате, старово подьячего справки нет.

/л.111/ Да в росписи ж написано: в слободе де у них дворовых тяглецов против книг, что поданы в Ответную полату, малое число вполы и меньши. А многие живут за скудостью и за утеснением малые земли на дворничестве ж, потому что у них перед Барашскою слободою земли малая доля.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, то де у них написано в росписи их не делом, потому что де у них и того в росписи не написано, сколько у них в Казенной слободе человек живут лутчих и середних и молотчих людей, и в Казенной слободе под дворами земли перед Барашскою слободою меньше ль, того он не ведает.

Да в росписи ж написано: из Барашские слободы в гостиную и суконную сотни ништо не взят. Да у них же в слободе люди пожиточные и полные.

А Власко Иванов на очной ставке сказал: в гостиную де и в суконную сотни сколько человек ис Казенной слободы взято, и того он не ведает. Да хотя бы де и взяты, и им де до того и дела нет. А из их де Барашской слободы в гостиную и в суконную сотни ништо не взят, потому что из дворцовых слобод за великою тягlostью податей и служб из неволи не имывано. А в Барашской де слободе пожиточных людей только три человека, а средние статьи 21 человек, маломочных 65 человек. И зсех в Барашской слободе тяглецов со вдовами и с сиротами 157 человек.

Да в росписи ж написано: беломесцов в Казенной слободе стольники, и подьячие, и истопники, и закройщики, и портные мастера, и скорняки, и лисичники, и тех беломесцов и которые взяты в гостиную и суконную сотни, и тех дворов будет с 30, а тягла с ними они с тех дворов своих не платят.

/л.112/ А на очной ставке Власко Иванов сказал: з беломесцов де они тягло емлют ли, и им де до того дела нет. И беломесцы тягло им платят ли, того они не ведают.

Да в росписи ж написано: Барашские слободы староста и тяглецы написали в челобитье своем, будто они служат годовых служб на год по 20 человек с лишком, и про те бы их службы свидетельствовать.

А Власко Иванов на очной ставке сказал, что де они годовые дворцовые службы з дворцовыми слободами служат по счету и в тех службах считаютца.

А Данилко Балакшин говорил, что де в годовых дворцовых службах по 20 человек у них не бывает. А те де службы написали они на себя не делом. И про те бы службы и что он Власко спорил, много ль их службы и расходов, указали б великие государи розыскать.

Да в росписи ж написано: будет де великие государи укажут на их Казенную слободу в прибавку наложить людей в службы по скольку человек на год, и в том они великие государи вольны. А чтоб им Казенную слободою служить всякие государские службы особо и подати платить, каковы на них положены одним против

прежних государских указов. А Барашские слободы у тяглецов в поддаче у них и соединении с ними не быть.

А на очной ставке Власко Иванов сказал, что де он на Казенной приказе не шлетца, а шлетца он на книги, каковы поданы в Ответной полате, опричь того что в тех книгах приписано после докладной выписки, И та Казенная слобода службами и податями легка ль или тяжела, и чтоб великие государи пожаловали их, велели им Казенной их слободы с тяглецы по прежнему своему великих государей указу службы и тягло и подати платити сопча.

/л.113/ А Данилко сказал: хотят де они правы быть государским последним указом и сею очною ставкою, потому что де прежней указ покрыт нынешним государским указом.

И буде Казенные слободы тяглецы тягло 64 рубли платят вчетверо, итого шлетца на год 256 рублей.

А Барашские слободы с тяглецов тягла на год же 374 рубли 26 алтын 7 денег.

Обоево с Казенной из Барашской слобод тягла на год 630 рублей, 27 алтын 7 денег.

И буде великие государи укажут, велят Брашской и Казенной слобод тяглецом то тягло платити сопча, итого на год иметца 164 человеком на человека по 33 алтына на год.

А 472-м человеком на человека по 33 алтына с полденьги на год.

На д.113 об.: "Справил Сенка Никитин". По всем листам Выписки на перечень /л.94-113/, т.е. разбора дела в Посольском приказе, скрепа (разрезанная) думного дьяка Посольского приказа Емельяна Игнатьевича Украинцева.

№ 27. 1683 г. января 17. Царский указ о службах и тягле тяглецов Казенной и Барашской слобод.

/л.114/ 191-го генваря в 17 день великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] и сестра их великая государыня благородная царевна и великая княжна Софья Алексеевна сеи выписки слушав в Комнате, указали и бояре приговорили: Казенной слободе быти особо и служить прежние свои службы. А Барашской слободы с тяглецы вопче никаких служб не служить. А тягла Казенной слободы с тяглецов иматъ по их росписи по штидесят по четыре рубли вчетверо. Итого по двести по пятидесят по шти рублей на год. И с того числа четвертую долю платити им в Казенной приказ по штидесят по четыре рубли. И в Казенном приказе те денги держат на росходы, которые именованы в росписи их выше сего, какова поданы на очной

ставке. А три доли по сту по девяносту по два рубли на год иметь с них, Казенной слободы тяглецов, в приказ Большого дворца. И в том по них, Казенной слободы тяглецах, собрать поручная запись. А ис приказу Большого дворца те деньги отдавать по вся годы сполна безо всякого переводу Барашской слободы старостам и всем той слободы тяглецом, потому что в Казенной слободе больши тяглецов Барашской слободы жителей, а тагла с них сходит мало. И держать де деньги Барашской слободы старостам и тяглецом на наем подвод под шатры и под отводы, когда бывают великие государи в своих государских ближних и дальних походех. И служить одна шатерная служба, а иных никаких /л.115/ служеб не служить. Да и потому те деньги Казенной слободы на тяглецах по вся годы иметь и Барашской слободы тяглецом указали великие государи отдавать: на очной ставке Казенной слободы староста Данилко Балакшин в росходах, которые именованы в росписи их, какова подана вместо ответа, слался на Казенной приказ, что те их росходы в Казенном приказе ведомы, а в памяти ис Казенного приказа написано, что на те их росходы денег исходит, того в Казенном приказе не ведомо. Да он же Данилко на очной ставке говорил, чтоб Казенной слободы с тяглецов иметь тягло 64 рубли вчетверо. И потому и указали великие государи иметь с них тягла по двести по пятидесят по шти рублей на год. И о том для ведомо в приказ Большого дворца и в Казенной приказ послать памяти. Да Барашской слободы тяглецом со всего дела указали великие государи дать свою, великих государей, грамоту против того, каковы им даны жалованные грамоты блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа России да деда их государского блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа России самодержца. Украинцов.

На л.115 об. подпись думного дьяка Емельяна Игнатъевича Украинцева (фамилия Украинцева написана в конце Указа на л.115).

№ 28. 1683 г. января 26. Память из Посольского приказа в Казенный приказ о царском указе от 17 января 1683 г. о решении дела.

/л.116/ Лета 7191 генваря в 26 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] казначею Семену Федоровичю Толочанову с товарищи. В прошлом в 190-м году июля в 9 день великие государи указали и бояре приговорили: Казенной слободы тяглецом Барашской сло-

боды с тяглецы ж шатерную и дворцовую и Казенного приказа службы служить и тягло платить сопча. И в прошлом же во 190-м году июля в 13 день били челом великим государем Казенные слободы староста Данилко Балакшин и все той слободы тяглецы, что Барашской слободы староста Андрюшка Софронов с товарищи били челом великим государем на них, затеяв, будто они Казенной слободы тяглецы живут в малом тягле легко. И против де их челобитья велено розыскать и розверстать и указ учинить боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи, а не слободу к слободе в поддачу отдавать. И против де их челобитья велено им с ними дать очную ставку. А они де отданы в Барашскую слободу в поддачу без очные ставки и без розыску без вины напрасно. И во всем они барашки обогнали их. А Казенная де слобода изстари ни х которой слободе в поддаче не бывала, служат особно в Казенном приказе. И великие государи пожаловали бы их, не велели против своего великих государей указу без очные ставки и без розыску их ис Казенного приказа отдавать. И по тому их челобитью Барашские слободы с тяглецы была у них очная ставка. А на очной ставке Казенной слободы староста Данилко Балакшин вместо ответу службам и тяглу подал роспись. А в росписи написано: в Астрахани на Деловом дворе служит человек по три годы бес съезду, а подмоги дают по пятидесять рублей на год. В Новой Аптекарской полате служит в год по 2 человека. В Казенном приказе стоят по 6 человек во весь год понедельно, а найму им даетца на неделю по 10 алтын человеку. И тех де людей в год бывает 312 человек. Да у них же служат в Казенном приказе староста, приемщик, десятницей. Да в Казенном же приказе служат они у государских дел человек по 10 и по 20 и больши у казны у высушки, и в переносах, и у сукон в постилках, и великих государей места обивают, и на иорданех, и в Вербное воскресенье у обивки сукон и у береженья бывает человек по 30 и по 40. И на посольских дворах в приезды послов полаты чистят и сукна ставят и обивают и после съезду их обирают и в Казенной приказ свозят Казенною слободою. И великих государей в походы ис Казенного приказа какие утвари спросят наскоро, и они те утвари ставят на своих подводах, и в походы, как спросят за великими государи персицкую полатку и кресла, и они подымают на своих /л.117/ подводах Казенною слободою. Да с них же в прибавку после книг, что поданы в Ответную полату, служба положена служить вместо гостиной и суконной сотен в Казне дву человеком. Да они ж бывают в Казенном приказе у продажи государских товаров у шолоков и у сафьянов человек по два и по 4. Да в Казенном же приказе печи топят в Казне и у портных мастеров своими дровами. Да они ж покупают в Казенной приказ для государских дел портным мастером уголье и всякую деревянную посуду и на учреженье пор-

тищ всякую рухледь, для очищенья Казенного двора покупают железную и деревянную рухледь, и работают Казенною слободою. А в те вышеписанные росходы по окладу исходит шестьдесят четыре рубли. А збирают они против сего окладу вчетверо, кроме мостовых денег. И по той росписи в службах и в тягле Казенные слободы староста Данилко Балакшин слался¹ на приказ Казанского дворца да на Казенной приказ. А Барашской слободы тяглец Власко Иванов, которой в очной ставке с ним Данилком был, слался Казенной слободы тяглецов в службах и в тягле на книги, каковы присланы ис Казенного приказа в Ответную полату и двойники Казенной слободы, а на Казенной приказ не слался. Да Казенной же слободы староста Данилко Балакшин на очной ставке говорил, что тягло с них имать по окладу вчетверо погодно в Казенной приказ и держать бы те деньги в росход против их заручной росписи и книг, каковы они подали за своими руками в Казенной приказ. А Барашской слободы тяглец Власко Иванов говорил, что Казенной слободы тяглецов тяглу оклад 64 рубли, а что Казенной слободы в книгах, каковы присланы ис Казенного приказа в Ответную полату за приписью дьяка Федора Максимова, и под тем вышеписанным окладом под шестьюдесят под четырьмя рубли приписано иным писмом и не по керакшиным строкам после выписки, какова зделана по челобитью их Барашской слободы тяглецов, будто тот вышеписанной оклад 64 рубли платят они вчетверо. А в книгах, каковы подал Казенного приказа подьячей Лука Максимов в Ответной полате за приписью дьяка Федора Максимова, написано: Казенной слободы с тяглецов тяглу окладной список 6 алтын 4 деньги, а з дву денег сходит 3 рубли 6 алтын 4 деньги, а в дву денгах 80 пуд, а в пироге 10 пуд. И по тому окладу тягла збирают 64 рубли. Да под тем перечнем да под ...² перечнем не по керакшеним строкам иным писмом написано: против сего окладу собирают вчетверо, кроме мостовых денег. Да в тех же их книгах написано: те денги расходятся на Казенной двор на поупку дров и на уголье и на всякие приказные мелкие росходы. А на какие росходы, того имянно /л.118/ порознь не росписано. Да под тою статьею приписано иным писмом: и в походы подводы наймуют. И что от тех подвод и на вышеписанные росходы что денег порознь же в росходе, того в тех книгах имянно не написано. Да в тех же книгах написано: Казенной слободы тяглецы служат в Оптеке два человека, в Казенном приказе 6 человек в день и в ночь бесходно. А тем людем найму дают по 10 алтын человеку, а на неделю ль или на месяц, того имянно не написано.

¹ Далее зачеркнуто "на Казенной приказ".

² Здесь в конце строки несколько букв не читается.

Да в Астрахани служит на Деловом дворе человек, да под тою статьею приписано иным писмом: в Казенной приказ ко всяким государевым делам работников дают человек по 30 и по 40 и боле. А против росписи, какова на очной ставке подана, о 30 и о 40 человек работников в тех книгах не написано. И про ту приписку Казенного приказу дьяк Федор Максимов допрашиван, а по допросу сказал: приписка де какая в тех книгах после отсылки в Ответную полату есть ли, того он не ведает. А после де отсылки в тех книгах приписывать никому ничего он не веливал. А какие де дела ис приказов в ыные приказы отпускают, и те де всякие отпуски закрепляют дьяки, веря старым подьячим. А у тех книг, каковы поданы в Ответную полату, старого подьячего справки нет. Да Казенного приказа подьячей Лука Максимов, которой Казенной слободы тяглецов службам и тяглу книги подал в Полате за приписью дьяка Федора Максимова, допрашиван же. А по допросу сказал: Казенные слободы тяглецом и их тяглу и службам книги за приписью дьяка Федора Максимова в Полате боярину князю Василью Васильевичю Голицину с товарищи подал он Лука. И в тех книгах с начала первая тетрадь и на другой тетради два листа ево Лукиной руки писма, а достальные тетради в тех книгах писма Макаровой руки Лайкова. А под тремя перечни в тех же книгах под Макаровым писмом Лайкова написано иным писмом, а хто то подписал, того он не ведает, только то писмо не Макаровой руки Лайкова. И о службах и о тягле Казенной слободы тяглецов с приказом Казанского дворца да с Казенным приказом справливо. А по справке с приказом Казанского дворца Казенной слободы тяглецы в Астрахани на Деловом дворе в головах были со 180-го по 186-й год, а со 186-го году по нынешней по 191-й год Казенной слободы тяглецов в Астрахань не посылавано, а вместо их посыланы низовых городов посацкие люди. А подмоги им Казенной слободы тяглецом давано ль, того в приказе Казанского дворца не ведомо. А ис Казенного приказу в памяти написано: со 180-го году Казенные слободы служит в Астрахани человек на Деловом дворе и доньне. А о той службе на Казенной приказ на очной ставке ссылки не было. Да и о справке той службы в Казенной приказ /л.119/ в памяти не писано, а справливо о той службе имянно с приказом Казанского дворца. Да и в очной ставке Казенной слободы староста Данилко Балакшин говорил, что в Астрахани на Деловом дворе сначала служил их слободы тяглец Демидко Бородулин, а после Демидка Бородулина — Ивашко Зиновьев. А после Ивашка Зиновьева — Максимка Гребенщиков. И о той службе ис Казенного приказа отписано не исправься. А о иных службах и о изделиях ис Казенного приказа в Посольский приказ писано. А о росходах тягла, которые росходы в росписи их Казенные слободы тяглецов выше сего написаны, и о тех де рос-

ходех ис Казенного приказа не отписано, потому что в Казенном приказе выше помянутых расходов не ведомо. А ведают те расходы Казенные слободы тяглецы, потому что на те расходы деньги в расход держат они сами. А на очной ставке в ведомости тех вышеспанных расходов Казенные слободы староста Данилко Балакшин слался на Казенной приказ имянно. И в вынешнем во 191-м году генваря в 17 день великие государи и сестра их государская великая государыня благородная царевна и великая княжна Софья Алексеевна, слушав выписки в Комнате, указали и бояре приговорили: Казенной слободе быть особо и служить прежние свои службы. А Барашской слободы с тяглецы вопче никаких служеб не служить. А тягло Казенной слободы тяглецов иметь по их росписи по 64 рубли вчетверо. Итого по 256 рублей на год. И ис того числа четвертую долю платить им в Казенной приказ по 64 рубли. И в Казенном приказе те деньги держать на расходы, которые именованы в росписи их выше сего, какова подана на очной ставке. А три доли по 192 рубли иметь с них Казенной слободы тяглецов в приказ Большого дворца. И в том по них Казенной слободы тяглецов собрать поручная записи. А ис приказу Большого дворца те денги отдавать по вся годы сполна безо всякого перевода Барашской слободы старостам и всем тои слободы тяглецом, потому что в Казенной слободе больши тяглецов Барашской слободы жителей, а тягла с них сходит мало. И держать де денги Барашской слободы старостам и тяглецом на наем подвод под шатры и под подводы, когда бывают великие государи в своих государских ближних и дальных походах. И служить одна шатерная служба, а иных никаких служеб не служить. Да и потому те денги Казенной слободы на тяглецах по вся годы иметь и Барашской слободы тяглецом указали /л.120/ великие государи отдавать: на очной ставке Казенной слободы староста Данилко Балакшин в расходах, которые именованы в росписи их, какова подана вместо ответа, слался на Казенной приказ, что те их расходы в Казенном приказе ведомы. А в памяти ис Казенного приказа написано: что на те их расходы денег исходит, того в Казенном приказе не ведомо. Да он же Данилко на очной ставке говорил, чтоб Казенной слободы с тяглецов иметь тягло 64 рубли вчетверо. И потому и указали великие государи иметь с них тягла по двести по пятидесят по шти рублей на год. И великие государи указали ис Посольского приказу¹ о том для ведома отписать в Казенной приказ к тебе казначею к Семену Федоровичю с товарищи.

---

¹ Далее зачеркнуто "в Казенной".

Такова память в Казенной приказ да в приказ Большого дворца посланы за приписью дьяка Ва...¹

№ 29. 1697 г. мая 11. Память в Посольский приказ из Преображенского приказа о выписке по делу о разборе служб и податей Барацкой и Казенной слобод.

/л.121/ Лета 7205-го мая в 11 день по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича [т.] думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову с товарищи. Великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич [т.] указал в Посольском приказе выписать подлинно: в прошлых годах, как во 190-м году по указу блаженной памяти великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] велено князь Василью Голицыну к ево государевым делам в слободы гостиную и суконную сотни и дворцовых и кашашевцов, и конюшенных, и черных сотен и слобод тяглецов разобрать и росписать в осмой или в девятой или в десятой годы, чтоб всем службы и всякие подати платить в равенстве и не в тягость. И после того разбору челобитье борашей, чтоб Казенной слободе по разбору в службах быть у них в поддаче было ль? И по тому челобитью Барацкой слободы у двойника Власа Иванова Казенной слободы старостою з Данилком Балакшиным по разбору очная ставка была ль? И в той очной ставке про тягло староста Данилка Балакшин, что они з беломесцов из гостинной сотни себе в слободу тягла не емлют говорил ли? И в тех годах в Казенной слободе с тяглецов тягла кроме беломесцов и которые /л.122/ взяты в гостиную и суконную сотни, что было збору, и по той очной ставке по разбору службам и тяглом Казенной слободы тяглецом в Борашскую слободу для служб в подмогу на подводы, тягла по сту по девяносту по два рубли иматъ велено ль? И буде велено, кроме ль того, которые взяты в гостинную сотню, и из них беломесцов, или с теми? И Борашской слободы старосте и тяглецом о том великого государя жалованая грамота дана ль? Да тое выписку за дьячьёю приписью прислать в Преображенское к стольнику ко князю Федору Юрьевичу Ромодановскому. И по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича [т.] думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Ук-

---

¹ Конец фразы утрачен из-за того, что оборван нижний угол л.120; вероятно, читалось имя дьяка Посольского приказа Василия Бобинина.

раинцову с товарищи учинить по сему ево великого государя указу.

Под памятью подпись: "Яков Никонов". На л.121 об. вверху приказная помета: "Выписать". На л.121 об.: "Справил Петр Исаков".

№ 30. После 1697 г. мая 11. Выписка в Посольском приказе по делу 1682-83 гг. о службах и тягле Барашской и Казенной слобод.

/л.123/ И против сей памяти выписано.

В прошлом по 190-м году декабря а 11 числе великий государь и царь и великий князь Федор Алексеевич [т.] указал князь Василью Голицыну с товарищи к своим великого государя делом в службы розобрать и росписать и изровнять гостей в 6 год, а гостиную и суконную сотни и дворцовых, и кашашевцов, и конюшенных слобод, и черных сотен во 8 или в 9 или в 10 годы, чтоб всем служить и всякие подати платить в равенстве и не в тягость.

И к тому розбору Барашской и Казенной слобод тяглецов поданы книги.

А по тем книгам.

В Барашской слободе тяглецов 157 человек.

А в службах бывает в год по 20 человек.

И иметца служить им в 7 лет.

А во 8-й год в остатке будет 8 человек.

И не достанет в службу в указанное число во 8-й и в 9-й и в 10-й годы 52 человека.

А тягла с той Барашской слободы сходит по 374 рубля по 26 алтын по 4 деньги на год.

И иметца по 2 рубли по 12 алтын по 5 денег с человека на год.

Да они ж на всякие расходы збирают з беломесцов по 155 рублев по 6 алтын по 4 деньги на год.

Всего тягла по окладу и в росходе в год бывает по 530 рублев.

А в Казенной слободе тяглецов 479 человек.

А в службах в год бывает 9 человек.

/л.124/ И служить им иметца в 53 лета.

А затем в остатке будет 2 человека.

А тягла с них по 64 рубли на год.

И иметца по 4 алтына по полтри деньги с человека на год.

А в прошлом же во 190-м году апреля в 7-м числе били челом блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] Барашской слободы староста Андрюшка Софронов и все тяглецы. Служили де они одну шатерную службу, а дворцовых служб з дворцовыми слободами не служили. И шатерную казну возили в походы на ямских подводах. А в Смоленскую и в Виленскую и в Рижскую службу было их с шатерною казною 90 человек, и шатерную казну возили на своих наемных подводах. И те де службы стали им больши 6 тысяч рублей. И от той службы они оскудали великими долгами. А без них де в моровое поветрие сродичи их на Москве померли и дома их разорились вконец, а пожитки их рознесены. А как шли к Москве розных городов жители и селились жить в Кадашеве и в Казенную слободу, а к ним в Барашскую слободу не шли, видя их многую службу и великую тягость. И с того де времени тое шатерную службу служат они и возят на своих наемных подводах малолюдством своим. Да они ж служат всякие дворцовые службы в купчинах и в целовальниках и по счету з дворцовыми слободами всякие изделия делают. И те их службы и с наемными лошадьми под шатерную казну и с подмножую дачею ставитца в год и доныне по 500 и по 600 рублей. А их де ныне в Барашской слободе человек со 100 не з большим. А люди все маломочные. А до морового де поветрия было Барашские слободы тяглецов человек с 300 поджиточных. А смежно де с их Барашскою слободою Казенная слобода и многолюдна, а служба их самая малая. А к наряду великого государя скорых дел прилична, и их шатерная служба служить с ними таким многолюдством мочно.

/л.125/ И великие государи пожаловали бы их за их малолюдство и великую скудость и за многие службы, велели Казенные слободы тяглецом служить шатерные и всякие дворцовые службы с ними в ряд, и им их казенную службу, которую они служат по наряду, всем вместе, чтоб им от великой скудости и малолюдства и многих служб в походах шатерных ставок не остановить и от великого государя в опале не быть.

Да в прошлом же во 190-м году июля в 6 день били челом великому государю, царю и великому князю Петру Алексеевичю

[т.]¹ Барашские слободы староста Андриюшка Софронов и все той слободы тяглецы. В нынешнем де во 190-м году били челом они брату его великого государя блаженные памяти великому государю о поверстке служеб и тягла Казенные слободы с тяглецы, потому что Казенной слободы тяглецы многолюдством живут во льготе. А с ними де та Казенная слобода смежна. А они де малолюдством служат шатерные и дворцовые службы в великой скудости. И против де их челобитья написана выписка. А по той де выписке велено его, великого государя, указ учинить князь Василью Голищину с товарищи. И по той де выписке им его, великого государя, указу не учинено и по се число, и волочатца де они за тем делом многое время. И чтоб великий государь пожаловал их для их скудости и малолюдства и скорых своих государских походов, велел им по той выписке свой великого государя милостивой разсмотрительной указ учинить, чтоб им от великой тягости вконец не разоритца.

И по помете на той их челобитной думного дьяка Афонасья Зыкова вышепомянутое их челобитье и выписка из Ответной полаты в Посольской приказ взято.

/л.126/ Да к тому ж вышепомянутому челобитью и к выписке Барашской слободы тяглецы подали с списка з жалованные грамоты блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича [т.], какова им дана жалованная ж грамота с списка ж жалованные грамоты блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа России, написано:

Денежных доходов и тягла и никаких поборов с них Барашской слободы тяглецов имать не велено. Также им никаких изделий не делать, oprичь того, где великих государей поход будет. А как поход бывает, и они ездят на их государевых лошадях.

И буде Барашской слободы тяглемом Казенные слободы с тяглецами шатерную дворцовую и Казенного приказу службу служить и тягло платить сопча.

И Барашские и Казенные слободы тяглецов 636 человек.

А в службы в год будет 29 человек.

И иметца служить в 21 год.

А затем в остатке будет 27 человек.

---

¹ Так в рукописи. Опущено имя Ивана Алексеевича

А тягла с них соидет 438 рублей 26 алтын 4 деньги.

Итого иметца на человека по 23 алтына на год.

И в прошлом же во 190-м году июля в 9-м числе великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич [т.]¹, слушав перечневой выписки, указал и бояре приговорили в Передней: Казенной слободы тяглецом Барашские слободы с тяглецами ж шатерную и дворцовую и Казенного приказу службы и тягло платить сопча. И о том указал великий государь послать свой, великого государя, указ в приказ Большого дворца.

/л.127/ По той выписке великого государя докладывал князь Василей Голицын по вышеписанной подписной челобитной.

Да в прошлом же во 190-м году июля в 13 день били челом великому государю Казенные слободы староста Данилко Балакшин и все той слободы тяглецы. В нынешнем во 190-м году били челом великому государю Барашские слободы староста Андрюшка Софронов с товарищи на них ложно, затеев, будто они, Казенные слободы тяглецы, живут в малом тяге ле легко. И против де того их челобитья велено розыскать и розверстать и указ учинить князь Василью Голицыну с товарищи, а не слободу к слободе в поддачу отдавать. И против де их челобитья велено им с ними дать очную ставку и розыскать в приказе Большие казны боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому с товарищи. И ис Посольского де приказу князь Василей Голицын с товарищи² [отдал] их в Барашскую слободу в поддачу без очные ставки и без розыску без вины напрасно. И во всем они, барашки, оболгали их. А Казенная де слобода изстари ни х которой слободе в поддаче не бывала. Служат особно в Казенном приказе. И великий государь пожаловал бы их, не²[велел] против своего великого государя указу и под²[писной] челобитной без очные ставки и без розыску² ... ис Казенного приказу отдавать.

И по тому вышеписанному челобитью в Посольском приказе Борашской слободы у двойника у Власа² [Ивано]ва Казенные слободы с старостою з Данилом Балакшиным очная ставка была.

А на очной ставке староста Данило Балакшин сказал: В Казенной де слободе беломесцов стольников, и подьячих, и истоп-

---

¹ Так в рукописи. Опущено имя Ивана Алексеевича.

² Далее небольшая утрата текста, вызванная обрывом внешнего поля листа.

ников, и закройщиков, и портных мастеров, и скорняков, и лисичников, и которые ис Казенной слободы в гостиную и в суконную сотни взяты, будет с 30 дворов, а тягла они с ними с тех дворов своих не платят.

А Казенной слободы с тяглецов тягла, окроме [бело]месцов и которые взяты в гостиную и в [сукон]ную сотни, тягла збирают по 64 ру[бли]. И то тягло платят они вчетверо, и [того]¹ на год 256 рублей.²

По низу д.121 – 127 скрепа дьяка: "Иван Волков".

---

¹ Небольшая утрата текста в связи с обрывом нижнего угла листа.

² На этом дело обрывается.

НАЧАЛО СОЗДАНИЯ "НОВОЙ ВОСТОЧНОЙ СИСТЕМЫ" И ДОГОВОР С АВСТРИЕЙ 1781 ГОДА ПО ПЕРЕПИСКЕ ЕКАТЕРИНЫ II И Г.А.ПОТЕМКИНА

В научной литературе, посвященной вопросам внешней политики России в царствование Екатерины II, сложилось устойчивое мнение, что неизбежность второй русско-турецкой войны стала очевидной после присоединения Крыма в 1783 г. Эту точку зрения выдвинул крупный дореволюционный исследователь А.Г.Брикнер¹ и поддержала в своих трудах современная английская специалистка по русской истории XVIII в. И.де Мадариага.² Однако следует отметить, что подобный взгляд не был характерен для современников описываемых событий. Так, известный идеолог русского дворянства кн. М.М.Щербатов, рассуждая о причинах, породивших новое столкновение с Турцией, в первую очередь называет военные и торговые выгоды, которые Россия получила по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору в ущерб правам Османской Порты, а уже затем переходит к вопросу о Крыме.³ Того же мнения придерживалась и Екатерина. В ночь 27 августа 1787 г., сразу после получения известия о разрыве с Турцией, императрица писала Потемкину: "Я помню, что при самом заключении мира Кайнарджийского мудрецы сомневались в ратификации визирской и султанской, а потом лжепредсказания от них были, что не протянется долее двух лет".⁴ Мысленно возвращаясь к событиям, последовавшим за подписанием договора 1774 г., Екатерина приходит в этом письме к выводу, что "пузырь мог лопнуть" в любой момент в течение 14 лет.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор был важной победой русской дипломатии. Россия приобрела Керчь, Еникале, Кинбурн, все пространство между Бугом и Днепром, Азов, обе Кабарды, долины Кубани и Терека, получила право свободного плавания по Черному морю и строительства

военных крепостей на переданных ей Портой землях. Кроме того, Крымское ханство стало независимым от Турции, т.е. утратило значительную долю обороноспособности, а Петербург приобрел право заступничества за христиан в Молдавии, Валахии и Крыму, которое предоставляло России возможность вмешиваться во внутренние дела Турции и ее сателлитов.⁵

Таким образом, Кючук-Кайнарджийский мирный договор таил в себе большой соблазн: не использовать закрепленные в нем права значило добровольно отказаться от результатов 6-летней войны, реализация же полученных возможностей вела к новому столкновению с Турцией со всеми его внешнеполитическими последствиями. Известный американский историк М.Раев, разбирая побудительные причины русской экспансии, называет среди них стремление петербургского кабинета "получить непредсказуемые возможности",⁶ т.е. постоянную жажду новых политических комбинаций и неожиданных положений. По мнению патриарха американской русистики, такой авантюрный стиль был привит внешней политике России императорского периода именно Г.А.Потемкиным и повторял многие приемы экспансионизма Ивана Грозного.⁷

Переписка Екатерины и светлейшего князя 1777–1782 гг. показывает, что Россия балансировал на грани разрыва с Турцией долгие годы еще до присоединения Крыма. Подобная ситуация предоставляла петербургскому кабинету множество "непредсказуемых возможностей" разорвать хрупкий мир. Каждая попытка России реализовать полученные по договору права еще туже затягивала узел противоречий. От субъективной воли Екатерины и Потемкина уже не зависели процессы, пробужденные в Крыму и Закавказье самим фактом выхода империи к Черному морю. Корреспонденты могли лишь более или менее оперативно реагировать на развивавшиеся события, пока в 1780 г. не осознали, что стали пленниками обстоятельств и не попытались изменить положение, взяв его под контроль. Ситуация требовала предель-

ной осторожности, поскольку любое неловкое движение могло спровоцировать новый конфликт и приостановить укрепление России на Черном море.

В начале 1777 г. петербургский двор был взбудоражен известиями об убийстве русских промышленников, доставлявших провиант в крепости Керчь и Еникале. Это событие послужило прологом кровавого возмущения сторонников хана Давлет-Гирея, преследовавших цель возвращения Крыма под протекторат Порты.⁸ Среди официальной переписки Екатерины и Потемкина сохранился документ, рисующий обстановку в Крыму во время мятежа 1777 г. Светлейший князь хлопотал о капитанском чине и пожизненной пенсии для искалеченного офицера. Просьба была удовлетворена. "Македонского гусарского полку подпоручик Петр Иванов... из персидской нации; во время крымского бунта послан был, по знанию его турецкого языка, в Крым для уговаривания мятежников, — сообщал князь, — которые, по выслушивании его, окружая рубили саблями по голове и рукам... Наконец, признав уже за мертвого, кинули в реку на мелкое, по счастью его, место".⁹

Крещеный выходец "из персидской нации" Петр Иванов был далеко не единственным пострадавшим. Черные времена переживали сторонники "Русской" партии в Крыму. Ее глава наследник престола Шагин-Гирей потребовал немедленной помощи от Петербурга. В свою очередь, Давлет-Гирей ожидал прибытия турецкого флота из Константинополя.¹⁰ Угроза нового военного столкновения между Россией и Портой повисла в воздухе.

Только очень быстрые действия могли спасти положение, "Курьер от Прозоровского приехал. Хан выбран",¹¹ — сообщала Екатерина Потемкину в короткой недатированной записке, относящейся к первым числам апреля 1777 г. Князь А.А.Позоровский со своим корпусом занял Перекоп, а сменивший его на время болезни А.В.Суворов, присланный в Крым по приказу Потемкина, одним маневром конницы рассеял сторонников Давлет-Гирея, Русские войска встрети-

ли в Карасу-Базаре Шагин-Гирея, который 29 марта был избран бахчисарайским диваном на ханский престол.¹² Следовательно приведенная выше записка была написана не ранее 29 марта.

В сложившихся условиях частям России в Причерноморье необходима была действенная поддержка живших на приграничных землях казаков. Потемкин, как шеф всех иррегулярных войск, занимался тогда вопросами хозяйственного обустройства и расширения правового статуса казачества.¹³ На его имя поступали многочисленные рапорты и прошения от казацкой старшины. 28 мая 1777 г. походный атаман Войска Донского генерал-майор Алексей Иванович Иловайский направил из Черкаска светлейшему князю рапорт о желании некрасовских казаков возвратиться в русское подданство. "На сих днях... секретно уведомился я, что живущие за рекою Кубаном изменнические некрасовские казаки, с тем, что если предками их учиненная вина им прощена будет, и они для службы в войско донское причислятся, имеют желание, отойдя из протекции турецкого султана, со всем семейством прийти в подданство ее императорского величества".¹⁴

Потемкин переслал этот рапорт императрице и, как видно из последующих документов, поддержал просьбу Иловайского направить ему "высочайшее поведение для увещевания и приводу помянутых некрасовцев" в русское подданство. "Некрасовцами" называли потомков донских казаков, участников булавинского восстания 1707–1709 гг., ушедших вместе с атаманом Игнатием Федоровичем Некрасовым на Кубань. Первые известия об их желании вернуться в Россию были получены еще в 1775 г. от гр. П.А.Румянцева, приложившего к своему донесению 18 апреля 1775 г.¹⁵ рапорты кн. А.А.Прозоровского, встречавшегося с некрасовцами. Этот вопрос обсуждался на заседании Государственного Совета 27 апреля 1775 г., но был отложен за недостатком сведений.¹⁶

В записке, направленной Потемкину в ответ на рапорт Иловайского, Екатерина вспоминает о документах двухго-

личной давности по делу некрасовцев. Она приказала поднять их и передать светлейшему князю. "То же найдете в письме от Прозоровского, кое вчера прислал, — пишет Екатерина, — но не вемь, не введет ли нас сие с Портою в новые хлопоты, буде те подданные Порты; хана же Шагин-Гирея, буде ему принадлежат, обижать неприлично. Итак, буде уйдут на Дон, пожалуй, последует доброе, но буде же обещать Вам вдруг, то хлопотно".¹⁷ Судя по приведенной записке, наилучшим выходом Екатерина считала добровольный приезд некрасовцев на Дон без всякого письменного обращения к ним со стороны русского правительства, т.к. подобный документ мог еще больше накалить отношения с Турцией.

Потемкин ответил своей корреспондентке докладной запиской, в которой пытался убедить ее сделать решительный шаг навстречу желаниям казаков. "Некрасовцы не принадлежат никак Порте, а если б и принадлежали, — рассуждал князь, — то принятие их паки в Россию позволительно в заплату того, что турки запорожцев почти большее противу их число приняли по заключении уже мира... Дело сие большой пользы".¹⁸ На этот официальный документ Екатерина вновь предпочла ответить в частной записке. "Понеже в рапортах Прозоровского о сем деле упоминается, — говорит она, — то при чтении оных в Совете старайтесь вскользь о сем завести разговор, не показывая горячо к сему желанья, и повыслушайте о сем, что рассуждать будут, и буде в пользу, то велите о сем записать в протокол".¹⁹ Видимо, рассуждения членов Совета оказались не "в пользу" казаков, т.к. не были записаны в протоколе.

Не получив желанного официального решения по делу некрасовцев, Потемкин все же не отказался от мысли о возвращении казаков на родину. По его приказанию А.В.Суворов во время объезда Кубанской линии в 1778 г. вел переговоры с потомками булавинцев.²⁰ Однако разрешение вопроса постоянно встречало препятствия в Петербурге. Лишь в 1784 г., когда Григорий Александрович уже занимал пост

президента Военной коллегии и генерал-губернатора присоединенных земель, ему удалось добиться для некрасовцев разрешения въезжать на территорию нового наместничества." Что касается до выходящих некрасовцев, писал светлейшему князю Екатерина 15 апреля 1784 г. — то прощая всех таких, предоставляем мы на Ваше распоряжение, где и каким образом их поселить".²¹

Частные записки императрицы 1777 г. о некрасовцах могли возникнуть не ранее 28 мая, т.к. этим числом помечен рапорт А.И.Иловайского, вызвавший к жизни переписку между Екатериной II и Г.А.Потемкиным по данному вопросу. Послания, посвященные делу некрасовцев, показывают, как тесно переплеталась делопроизводственная и частная переписка корреспондентов. На сугубо официальные документы, направляемые Потемкиным (рапорты, докладные записки и т.д.) Екатерина могла ответить не продиктованными секретарю резолюциями, а личными собственноручными посланиями. В данном случае это вызывалось особой щекотливостью дела и нежеланием императрицы официально фиксировать свое мнение по вопросу о переселении казаков из Турции в Россию.

Однако, как бы ни старалась Екатерина обходить острые углы во взаимоотношениях с Портой, постоянное обострение ситуации в Крыму подталкивало Петербург и Константинополь к разрыву. 5 октября взбунтовалась личная гвардия хана, выступившая против европеизационных реформ Шагин-Гирея, которые разоряли страну. К повстанцам примкнуло множество недовольных из низших слоев населения, задавленных непосильными поборами. Турция готовилась выслать флот к берегам Крыма, а Россия предоставить войска для защиты прав своего союзника Шагин-Гиея.²² Угроза столкновения между двумя старыми противниками заставила императрицу и светлейшего князя вновь взяться за перо.

6 ноября 1777 г. русскому министру в Стамбуле статскому советнику А.С.Стахиву было направлено предписание любыми средствами избежать разрыва с Турцией.²³ В этот же

день на заседании Государственного Совета Потемкин, как вице-президент военной коллегии, говорил о необходимости предпринять "все потребные к войне с Турцией приуготовления".²⁴ Светлейший князь передал членам Совета не свою личную точку зрения. Вероятнее всего, накануне заседания Екатерина написала Григорию Александровичу следующую записку: "Намерения теперь иного нет, как только смотреть, что турки предпримут; ибо о трактовании с ними теперь полномочия у Стахиева. В случае же войны иного делать нечего, как оборонительно бить турок в Крыму, или где покажутся; буде же продлится до другой кампании, то уже на Очаков чаю приготовить действие должно будет; хорошо бы и Бендеры, но Очаков по реке нужнее".²⁵ Эта записка показывает, насколько реальной была угроза новой войны с Турцией уже в конце 1777 г.

С декабря 1777 г. в Ахтиярской гавани находился большой отряд турецких кораблей, готовый высадить десанты.²⁶ Посылать свои эскадры в длительное плавание от балтийских берегов вокруг всей Европы при каждом обострении обстановки на Черном море Россия не имела возможности. Встал вопрос о заведении собственных верфей на Лимане. 18 июня 1778 г. Екатерина подписала именной указ Потемкину "о назначении места для заведения на Лимане гавани и верфи и о наименовании оного Херсоном".²⁷ Не ранее этой даты могли возникнуть многочисленные записки императрицы светлейшему князю, касавшиеся строительства Херсона. "Надлежит сделать на Лимане редут, в котором бы уместились адмиралтейские верфи и прочее, по примеру здешнего адмиралтейства, и назвать сие Херсоном, — писала императрица в одной из записок, — тамошний Конштадт естественной есть Очаков, осада оного и взятие не станут так дорого, как крепость, проежктированная господином Медером, сивильное же строение Херсона можно обнести полевым укреплением".²⁸

Из приведенных строк видно, что в середине 1778 г. война с Турцией казалась корреспондентам неизбежной и весьма близкой. По этой причине Потемкин отверг место

для строительства Херсона, выбранное генерал-контролером С.Б.Шубиным, присланным из Адмиралтейства²⁹ Устье Лимана с выходом в Глубокую бухту казалось очень удобным, но ничем не было защищено от Очакова, из которого турки могли беспрепятственно напасть по воде и, как говорил светлейший князь, "в одну ночь истребить заготовленные многих годов".³⁰ Императрица согласилась отнести крепость, гавань и верфи на 35 верст вверх по правому берегу Днепр. "Батя, что касается до Херсона, то мне все равно, где б ни стоял, — писала по этому поводу Екатерина Потемкину, — лишь бы у меня корабли строились и двойной крепости и иной работы не было".³¹

Место, избранное светлейшим князем для строительства Херсона, имело ряд преимуществ, связанных с непосредственной близостью каменоломни и возможностью доставлять лес, железо и провиант прямо по Днепру. Однако серьезное препятствие представляли собой знаменитые Днепровские пороги. Еще Петр I предпринял попытку обвести пороги высеченными в гранитной скале каналами, следы которых были обнаружены сотрудниками Потемкина у Старого Кайдака.³² Светлейший князь, по совету молодого талантливого военного инженера Николая Ивановича Корсакова, избрал другой путь: крупный подрядчик Михаил Леонтьевич Фалеев взялся взрывать пороги и расчищать дно реки. Князь хлопотал о разрешении провести такую работу. "О Днепровских порогах Турчанинов Вам скажет мое мнение, — писала в ответ на просьбу Потемкина Екатерина, — одни пороги легко чистить, вываля одинокие камни из фарватера, а другие уступами, сих нельзя переводить. Итак, нужно, чтоб Вы начали доставлять мне материалы, которые убедили бы меня в возможности; сумма же весьма мала, и за нею, видя пользу, не постою".³³ Фалеев с успехом исполнил работу по расчистке дна. Через два года после основания в Херсон уже приходили крупные корабли и отправлялись назад с тяжелыми грузами. Известный баснописец И.И.Хемницер, проезжая в 1782 г. в Константинополь, писал своему другу архитектору

Н.А.Львову: "Ну, братец, Херсон подлинно чудо. Представить нельзя, чтоб в три года столько сделать можно было. Представь себе совершенную степь, где ни прутика — не только дому сыскать можно было. Теперь — крепость, и крепость важная, такая, например, какие из лучших мы в Нидерландах видели. Строеение в ней по большей части все сделано из тесанного камня, какой, например, парижский".³⁴

Во время мятежа 1777 г. христианские общины греков и армян поддержали русские войска. После этого протурецки настроенные круги духовенства и знати призвали вырезать христиан. Вывод из Крыма 30-тысячной колонии был поручен Потемкиным А.В.Суворову.³⁵ Сняться целыми семьями с обжитых мест и покинуть налаженную, развитую торговлю, которую вели греки и армяне в Крыму, оказалось нелегко. Необходимы были широкие привилегии, чтобы привлечь христиан на новые места. В одной из записок Потемки Ну 1778 г. Екатерина дает согласие удовлетворить все просьбы греческой общины. "Суворова рапорт я читала и кондиции греков. Не думаю, чтоб много разнствовали с неженскими. Здесь никого не имею для составления привилегий... и для того к Вам возвращаю. О том и о деньгах, и буде иное что нужно, с генерал-прокурором кн. А.А.Вяземским прошу поговорить".³⁶

Вывод христиан из Крыма завершился к концу июля 1778 г. Около этого времени возникла и приведенная записка, касавшаяся благоустройства колонистов на новом месте. "Греки поселились на р. Калмиусе, на Броде и на Молочных водах, — сообщает в своих мемуарах племянник и один из ближайших сотрудников светлейшего князя А.Н.Самойлов, — для них основаны города Мариуполь и Мелитополь... Привилегии, данные о десятилетнем увольнении от платежа поземельных и других податей, привлекли туда многих охотников... Они в князе Григории Александровиче имели своего заступника и ходатая у престола; он умел их одобрить, доставляя им всевозможные выгоды и во всем свободу, коей они лишены были под игом турецкого могущества".³⁷ На отве-

денные для колонистов места потянулись греки, армяне, албанцы, проживавшие не только в Крыму, но и на собственно турецких территориях, что грозило новым обострением отношений с Портой.

В условиях, когда Россия постоянно балансировала на грани войны с мощным противником, Екатерина и Потемкин были озабочены поисками такого союзника, интересы которого требовали бы подрыва военного могущества Стамбула. Зимой 1780 г. венский и петербургский кабинеты были неприятно удивлены известием о намерении монахов России и Австрии встретиться будущей весной в Могилеве. "Император, шутя, намекнул мне о своем желании повидаться с русской императрицей, — говорит в одном из своих писем к австрийскому послу в Париже королева Мария-Терезия. — Можете себе представить, насколько неприятен был мне подобный проект... по тому отвращению и ужасу, которые мне внушают подобные, как у русской императрицы, характеры"³⁸.

Не одни "отвращение и ужас" перед Екатериной заставляли престарелую императрицу-королеву беспокоиться за сына. Его визит в Россию мог означать серьезную переориентацию внешней политики Австрии, традиционно следовавшей в профранцузском направлении и в годы первой русско-турецкой войны вслед за Парижем поддержавшей Оттоманскую Порту³⁹.

Не менее негативной была реакция в петербургских политических кругах, ориентированных на союз с Пруссией. Еще недавно английский посол сэра Дж.Гаррис сообщал в Лондон о безусловном перевесе влияния Фридриха II в России над "инфлюенцией" любого другого европейского двора и жаловался на то, что действиями Н.И.Панина умело руководит прусский король⁴⁰. Теперь тон его донесений меняется. "Прусская партия крайне встревожена тем, что пребывание императора в России будет столь продолжительным,"⁴¹ — писал он. Никита Иванович казался так обеспокоен, что по-

зволил себе в резких выражениях осудить "страсть" Иосифа II к путешествиям⁴².

За сближение с Австрией, имевшей общие интересы с Россией в восточном вопросе, выступила плеяда молодых политиков, в первую очередь Г.А.Потемкин и А.А.Безбородко. Одной из причин скорого возвращения Григория Александровича в Петербург в 1776 г. после короткого удаления от двора А.Н.Самойлов, входивший в круг ближайших сотрудников своего дяди, называет невозможность Екатерины реализовать без Потемкина разработанную ими "новую Восточную систему"⁴³.

Суть данной системы состояла в закреплении России на берегах Черного моря. Важным шагом на этом пути должно было стать объединение действий России и Австрии против Османской Порты, мешавшей их продвижению к Черному и Адриатическому морям.

Идея свидания с Екатериной принадлежала Иосифу II. Император опасался противодействия со стороны государственного канцлера графа Венцеля-Антон фон Кауница, поэтому, не поставив старого дипломата и сотрудника своей матери в известность, он 22 января нанес русскому послу в Вене Д.М.Голицыну частный визит, во время которого как бы между прочим сообщил, что весной будет посещать восточные владения и с радостью пересечет границы Галиции для свидания с русской императрицей. Уже 4 февраля из Петербурга последовал ответ. Екатерина извещала Голицына о своем весеннем путешествии в Белоруссию и о намерении прибыть в Могилев 27 мая. Подражая предосторожности Иосифа II, она также обещала не говорить о намеченной встрече канцлеру Н.И.Панину⁴⁴. В действительности подобные обещания являлись не более чем дипломатической формальностью, как бы зеркальным повторением русской стороной действий австрийского императора. Однако, таким образом оба монарха демонстрировали друг другу стремление отойти от старых политических систем, выразителями которых были Кауниц и Панин.

9 мая Екатерина покинула Царское Село и отправилась в Могилев. С дороги она писала Потемкину, который заранее отбыл на встречу с Иосифом II и уже начал предварительные переговоры. О своих беседах с императором светлейший князь сообщал Екатерине в несохранившихся письмах, ссылки на которые встречаются в ее ответных посланиях корреспонденту: "Батинька, письмо твое из Могилева я сейчас, приехавши, в Сенном получила, — писала она 22 мая, — весьма ласкательные речи графа Фалькенштейна приписываю я более желанию его сделаться приятным, нежели иной причине; Россия велика сама по себе, а я, что ни делаю, подобно капле, падающей в море. О свидании с графом Фалькенштейном отдаю на собственный его выбор, как день, так и час во дню с ним познакомиться без людей. Если бы я следовала только движениям природной живости, то, как только дошло бы до меня Ваше письмо, т.е. в 10 часов вечера, я села бы в карету и устремилась бы прямо в Могилев, где я к сожалению узнала, опередил меня гр. Фалькенштейн; но как это причинило бы вред его инкогнито, то размышление удержало мое первое движение, и я буду продолжать свой путь так, как Вам известно он был начертан"⁴⁵.

У других корреспондентов Екатерина старалась создать впечатление, что она взволнованна и даже смущена предстоящим свиданием с австрийским императором. Подобные известия, дойдя через третьи руки до августейшего гостя, должны были польстить ему. Из Полоцка Екатерина писала барону М.Гримму: "Вот я опять принуждена разыгрывать жалкую роль Нинеты, очутившейся при дворе, и вся моя неуклюжесть, моя обыкновенная застенчивость должны будут явиться в полном свете"⁴⁶. Императрица любила посмеяться над собой, поэтому "жалкая роль" сельской барышни, выбравшейся из своей глуши навстречу "большим господам", ей прекрасно удалась. Однако в письмах к своему ближайшему сотруднику Екатерина не выглядит ни взволнованной, ни смущенной, ее тон будничен и спокоен. Более того, императрица была непрочь показать гостю, кто она такая на са-

мом деле. Иосиф II приехал в Могилев одним днем раньше Екатерины. Казалось, императрица должна была поспешить ему навстречу. Видимо, именно об этом писал Потемкин в несохранившемся письме. Но Екатерина отклонила его предложение: императрица не могла миновать намеченные на маршруте станции, слишком много людей ожидало остановки царского поезда. Для подобной невежливости необходима была веская причина, а Иосиф II сам не хотел раскрывать своего инкогнито. Так, австрийский император, поставив себя в двойственного положение, вынужден был терпеть двойственность в обращении с ним Екатерины.

23 мая из Школова, где бывший фаворит С.Г.Зорич устроил в своем замке для Екатерины великолепный праздник с фейерверком, царственная путешественница писала Потемкину: "Сейчас получила твое письмо, мой сердечный друг... О Фалькенштейне стараться будем разбирать вместе"⁴⁷. Возможно, светлейший князь вновь передавал императрице "ласкательные речи" гостя. Их смысл можно восстановить по некоторым замечаниям Иосифа II в его корреспонденции этого времени. С дороги он писал брату Леопольду Тосканскому: "Эта страна с начала века изменилась совершенно, была, так сказать, создана заново". Австрийский император как бы упражняется в будущих любезностях Екатерине II. Как мы видели из двух приведенных писем императрицы Потемкину, Екатерина настороженно отнеслась к ластивым словам гостя, переданным ей князем, и предложила корреспонденту вместе разобраться в намерениях Иосифа. Настороженность русской императрицы была вполне обоснованной. В письмах к матери, подыгрывая антироссийским настроениям Марии-Терезии, Иосиф особо подчеркивает именно слабые стороны в хозяйственном развитии соседней империи: низкую плотность населения, плохие почвы. "Все почти леса и болота... население ничтожно"⁴⁸, говорит он о присоединенных по разделу Польши землях Белоруссии и Литвы.

24 мая состоялось свидание двух монархов. После шумного многолюдного обеда беседа Екатерины и Иосифа про-

должалась наедине. О содержании разговора известно из писем австрийского императора матери. Была выражена общая неприязнь к прусскому королю. Далее Екатерина как бы в шутку осведомилась, не собирается ли ее гость занять Папскую область и завладеть Римом, на это император, тоже шутя, отвечал, что ей гораздо легче захватить "свой Рим", т.е. Константинополь. Екатерина заверила собеседника в желании сохранить мир⁴⁹. Пробные камни были брошены. Между Потемкиным и австрийским посланником в России гр. Людвигом Кобенцелем начались переговоры о заключении австро-русского оборонительного союза⁵⁰.

29 мая Екатерина и Иосиф покинули Могилев, доехали вместе до Смоленска и ненадолго расстались, чтобы вновь встретиться 18 июня в Царском Селе, где, по словам императрицы, гораздо удобнее было обмениваться мыслями⁵¹. Прежде чем отправиться в северную столицу, иностранный гость захотел посетить Москву. Потемкин ехал за ним следом, продолжая с дороги писать своей корреспондентке. "Батинька князь, письмо твое из Вязьмы... сегодня получила, из которого усмотрела, что граф Фалькенштейн, а ты за ним, полетели к Москве, — писала Екатерина 9 июня со станции Мшаги под Псковом. — буде гость заботится еще знать мое о нем мнение, то можете сказать, что я думаю, что ни один ныне живущий государь не подходит к нему касательно заслуг, сведений и вежливости. Я в восхищении, что познакомилась с ним; даже как частное лицо он был бы превосходным знакомством"⁵².

Иосиф II во всех своих заграничных путешествиях появлялся исключительно как "частное лицо" и заметно тяготился внешними атрибутами роли монарха великой державы. Поэтому комплимент Екатерины, заметившей, что гость заинтересовал ее именно своими человеческими качествами, был весьма тонок. Характеристика Иосифа II была вписана в русский текст письма по-французски и предназначалась для дословной передачи австрийскому императору. Возможно, в несохранившемся письме Потемкина, на которое отвечала

Екатерина, князь просил ее сообщить свое "частное" впечатление от встречи с Иосифом II, которое так интересовало гостя.

Беспокойство императора объяснялось тем превратным мнением, которое сложилось о нем у Екатерины еще до знакомства, в годы противостояния Австрии и России. Русская императрица насмеялась над ханжеством и лицемерием Марии-Терезии, называя ее "святой Терезией", а самого Иосифа "l'homme a double face" (двуличным человеком) и "piccolo bambino" (маленьким ребенком)⁵³. В подобных прозвищах содержался весьма болезненный для императора намек на его политическую зависимость от матери. Во время свидания в Могилеве Екатерина постаралась показать Иосифу II свое расположение и теперь в письмах к разным корреспондентам отзывалась о госте с большой похвалой. "Я нашла, что он очень образован, любит говорить и говорит очень хорошо, — сообщала императрица Гримму. — Я нашла, что дети иной раз не похожи на своих родителей. Мы (Иосиф II — О.Е.) кажется, не очень богомольны, что выражается особенно в выборе книг для чтения"⁵⁴. В среде иностранных дипломатов, аккредитованных при русском дворе, также утвердилось мнение, что австрийский император очаровал Екатерину. "Императрица чувствует себя польщенной таким посетителем, — доносил Дж.Гаррис. — Она в самом деле пленена ловкостью и любезностью его. Он же в свою очередь сделал все возможное, чтобы понравиться ей"⁵⁵.

11 июня из Новгорода Екатерина направила Потемкину короткое письмо. Она торопилась в свою летнюю резиденцию, чтобы как хозяйка встретить Иосифа II. Григорий Александрович тоже необходим был ей под рукой для постоянных консультаций. "Спешу, чтоб Вы меня не упредили в дороге, — сообщает императрица, — теперь, я чаю, выиграла скоростью... Пусто без тебя. Я буду в восхищении опять видеть тебя и распоряжусь относительно Вашего помещения в Царском Селе"⁵⁶.

Переговоры продолжались в летней резиденции. "Я сказал ее величеству, что мы решили во всех важных делах сообщать ей наши мысли откровенно и испрашивать ее советов, — писал Иосиф II матери в Вену. — Ей это очень понравилось, и ее ответы и уверения были как нельзя более дружеские и честные... Однажды она мне сказала положительно, что, если бы даже завладела Константинополем, то не оставила бы за собой этого города и распорядилась бы им иначе. Все это меня приводит к мысли, что она мечтает о разделе империи и хочет дать внуку своему Константину империю востока, разумеется, после завоевания ее"⁵⁷.

Одновременно с беседами монархов Потемкин и Кобенцель вели переговоры о включении в будущий союзный договор пункта о гарантии всех владений обеих держав⁵⁸. Панин к этим консультациям привлечен не был.

Лишь 8 июля Иосиф II покинул Петербург. "Граф Фалькенштейн нанес ужасный удар влиянию прусского короля; такой удар, что, как я полагаю, это влияние никогда более не возобновится", — доносил по случаю его отъезда Гаррис. Однако вскоре английский дипломат изменил свое мнение. "Я не ручаюсь за то, что будет завтра, — с тревогой писал он в ноябре. — Прусская партия здесь многочисленная, ловкая, изошрилась в интригах и до того привыкла властвовать, что ее значение нелегко поколебать"⁵⁹. Обеспокоенный сближением Австрии и России, Фридрих II счел нужным лично обратиться к Потемкину. Прусский посланник передал светлейшему князю предложение своего монарха поддержать притязания Григория Александровича на герцогскую корону в Курляндии или помирить его с великим князем Павлом Петровичем, чтобы обеспечить другу и советнику Екатерины личную безопасность в случае смерти императрицы. Потемкин отказался⁶⁰. Корона независимого государства и прошение наследника престола лежали для него на одной чаше весов, а осуществление его собственных политических проектов и польза государства — на другой. Фридрих II думал, что нашупал уязвимое место светлейшего князя, но ошибался.

18 мая 1781 г. состоялся обмен письмами между Иосифом II и Екатериной II о заключении союзного договора. Не позднее этой даты могли возникнуть две записки императрицы Потемкину, проливающие свет на нелегкий процесс согласования позиций русской и австрийской стороны. "Вчера, опасаясь, чтоб Панин не возвратил Кобенцелю, не присылая ко мне, его предложения, приказала ему и вице-канцлеру, чтоб они взяли мне на доношение то, что Кобенцель им предлагать будет и о чем император ко мне пишет; вследствие чего присланы мне следующие бумаги, — сообщила Екатерина своему корреспонденту в записке, вероятно, прилагавшейся к пакету с документами по австрийским делам. — Теперь буду требовать от них о сем рассуждения, а там положу, как мне угодно скажется"⁶¹. 1 января Иосиф II направил Екатерине официальное письмо, где просил указать условия, при которых Австрия и Россия взаимно гарантировали бы друг другу целостность территории обеих держав⁶². Если в записке имеется ввиду это послание императора, то она должна была возникнуть гораздо раньше майского размена письмами, в январе 1781 г. Екатерина выражала желание включить в договор пункт о гарантиях тех завоеваний, которые Россия могла бы сделать в недалеком будущем. Австрийская сторона не хотела идти на это, т.к. тем самым нарушался важный дипломатический принцип "взаимности". В ответ на неуступчивость Вены Потемкин передал Кобенцелю, что Россия готова гарантировать Австрии все завоевания, исключая Польшу и Германию. Такая постановка вопроса не могла устроить Иосифа II⁶³.

На этапе подготовки документов к переговорам были допущены канцлер Н.И.Панин и вице-канцлер И.А.Остерман. Как видно из приведенной записки Екатерины, Никита Иванович стремился всячески задержать процесс обмена бумагами, возвращая их Кобенцелю, даже не показав императрице.

При согласовании формы договорной грамоты встретились непреодолимые препятствия. Петербург настаивал на

соблюдении правила об "альтернативе", в силу которого в двух экземплярах документа подписи высоких сторон чередовались. Это означало признание протокольного равенства двух держав на дипломатической арене. Однако Вена не соглашалась пойти на подобную уступку. 800-летняя империя не могла формально поставить себя в равное положение со страной, за государями которой императорский титул был признан лишь недавно. Заносчивость австрийцев оскорбляла Екатерину. "Кобенцель буде тебе говорит будет, так как он заговаривал, что между императором и российской императрицей альтернативы быть не может, — писала она по этому поводу Потемкину, — то прошу сказать, чтоб отстал от подобной пустоши, которая неминуемо дело остановит, что мое правило суть: никому место не отнимать и никому не уступать"⁶⁴.

В немецкой литературе, мнение которой разделял А.Г.Брикнер, принято считать, что именно Иосиф II предложил вместо формальной редакции договорной грамоты обменяться двумя письмами тождественного содержания, которые имели бы силу официально заключенного договора⁶⁵. Одна из записок Екатерины Потемкину, возникшая в процессе утомительного согласования дипломатических формальностей, показывает, что на самом деле выход из затруднительной ситуации был найден императрицей. "Мне желательно знать, что у Кобенцеля в мешке, и когда тот опустеет? — писала Екатерина, раздраженная все новыми и новыми протокольными требованиями австрийской стороны. — Мне пришла мысль, которая может помочь всему; а именно, выпустив всякие обоюдные разговоры и речи, каждый государь издал бы письменно экземпляр договора, и чтобы он начал его так: Я или Мы, Божию милостью, обещаем дать нашему дорогому брату — сестре это или то, смотря по содержанию статей, о которых будут соглашаться, и каждый подпишется, и его подписи будут обменены"⁶⁶.

Именно такой обмен подписей и произошел 18 мая 1781 г. Ни одна из сторон не могла считать себя униженной.

Вскоре Екатерина и Иосиф оговорили в письмах секретный артикул договора об условиях взаимной помощи в борьбе с Портой⁶⁷. Так был сделан важный шаг к созданию "Новой восточной системы", которая могла в будущем обеспечить доминирование двух союзных империй в Черноморско-Адриатическом регионе. Заключив договор с единственной державой, которая реально противостояла ранее России в вопросе о границах Порты и ее сателлита — Крымского ханства, Петербургский кабинет вплотную приблизился к решению сложнейшей задачи: включению Крыма в состав империи.

Письма Екатерины и Г.А.Потемкина этого времени показывают, как Россия, начав с осуществления своих прав, полученных по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, постепенно втянулась в новое, еще более глубокое противостояние с Турцией, и вынуждена была изменить традиционную внешнеполитическую ориентацию, чтобы победить Порту.

---

¹ Брикнер А.Г. Разрыв между Турцией и Россией в 1787 г. // ЖМНП. 1873. CLXVIII. Отд. 2. С. 147.

² *Madariada de I. Russia in Ade of Catherine the Great.* New Haven and London, 1981. P. 393.

³ Щербатов М.М. Ответ на вопрос, что думать следует о поступке нашего правительства в рассуждении нынешней турецкой войны // ЧОИДР. 1860. Кн. I. С. 77-80.

⁴ ОР РНБ. Ф. 73. № 262. Л. 4.

⁵ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 278-308.

⁶ *Raef M. Catherine the Great. A profile.* N.J., 1972. P. 198.

⁷ *Raef M. Der Stil der russischen Reichspolitir und Jurst G.A. Potemrin // Jahrbucher bur geschichte Osteuropas.* NF., 1968. Bd. 16. Hf. 2. S. 161-193.

⁸ Самойлов А.Н. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // РС. 1867. № 7. Стб. 1209.

⁹ РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. 3. Л. 49.

¹⁰ Петрушевский А.Ф. Генералисимус князь Суворов. СПб., 1900. С. 113.

¹¹ РГАДА. Ф. 1. № 54. Л. 88.

- 12 *Лопатин В.С.* Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 41.
- 13 *Брикнер А.Г.* Потемкин. СПб., 1891. С. 69.
- 14 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. Ш. Л. 27.
- 15 Сб. РИО. 1880. Т. 27. С. 129.
- 16 Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 17 Ч. 2. Стб. 221.
- 17 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. Ш. Л. 26.
- 18 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. Ш. Л. 54.
- 19 Там же. Л. 53.
- 20 *Лопатин В.С.* Указ. соч. С. 45.
- 21 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. Ш. Л. 270.
- 22 *Лопатин В.С.* Указ. соч. С. 43.
- 23 Сб. РИО. 1880. Т. 27. С. 138.
- 24 Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 17 Ч. I. С. 331.
- 25 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 8.
- 26 *Лопатин В.С.* Указ. соч. С. 45.
- 27 Сб. РИО. 1880. Т. 27. С. 154.
- 28 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 44.
- 29 *Скаловский Р.* Жизнь адмирала Ф.Ф.Ушакова. СПб., 1857. Т. I. С. 42.
- 30 *Самойлов А.Н.* Указ. соч. Стб. 1214.
- 31 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 59.
- 32 *Самойлов А.Н.* Указ. соч. Стб. 1204.-1215.
- 33 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 31.
- 34 Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям. СПб., 1873. С. 48.
- 35 *Лопатин В.С.* Указ. соч. С. 49.
- 36 РГАДА. Ф. I. № 54. Л. 76.
- 37 *Самойлов А.Н.* Указ. соч. Стб. 1213.
- 38 Arneth et Geffroy. Marie-Antoinette. Correspondence secrete entre Marie-Jherese et le comte Mercy-Argenteau. Paris, 1874. V. III. P. 404-405.
- 39 *Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй. М., 1991. С. 342-343.
- 40 Diaries and correspondence of James Harris. London, 1844. V. I. P. 175.
- 41 РС. 1908. № 9. С. 439.
- 42 *Брикнер А.Г.* Указ. соч. С. 379.
- 43 *Самойлов А.Н.* Указ. соч. Стб. 1208.
- 44 *Брикнер А.Г.* Указ. соч. С. 375.
- 45 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I7 Л. 110-111.
- 45 Сб. РИО. 1876. Т. XXIII. С. 128.
- 47 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 102.

- 48 Arneth A.-R. Maria Jheresia und Joseph. Wien 1869. V. III. S. 305.
- 49 Arneth A.-R. Op. Cit. V. III. S. 251-2557
- 50 Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 380.
- 51 Там же. С. 378.
- 52 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 81.
- 53 Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 374.
- 54 Сб. РИО. 1878. Т. XXIII. С. 180.
- 55 Harris J. Op. Cit. V. I. S. 313-314.
- 56 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I7 Л. 82-83.
- 57 Arneth A.-R7 Op. Cit. V.III. 256-259.
- 58 Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 380.
- 59 Harris J. Op. Cit. V. I. P. 324.
- 60 Лопатин В.С. Указ. соч. С. 58.
- 61 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 101.
- 62 Arneth A.-R. Joseph II und Katharina von Russland. Wien 1869. S.32.
- 63 Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 380.
- 64 ГАРФ. Ф. 728. Оп. I. Ч. I. № 416.
- 65 Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 393.
- 66 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I Л. 104.
- 67 Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 393.

**"МАЛЕНЬКИЙ АРИСТОКРАТ"
(ЖУРНАЛ "МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ"
1838-39 ГОДОВ КАК КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК)**

Предлагаемая работа — попытка показать, как отразились духовные интересы зарождающейся русской демократической интеллигенции в единственном московском литературно-публицистическом журнале конца 1830-х гг. — редактируемом В.Г.Белинским "Московском наблюдателе". Помимо конкретной информации, подаваемой с тех или иных идеологических позиций, периодика фиксирует духовный настрой эпохи, часто ею самой неразгаданный и не высказанный. В этом выражении "субстанции" времени особая ценность данного источника. Перелистывая шероховатые страницы журнала с разгонисто набранным текстом при широких полях (наивная редакторская хитрость тех лет, когда издатели нуждались в авторах больше, чем авторы в издателях), мы не только узнаем тогдашние новости, но имеем возможность посмотреть на них глазами юных "любомудров" кружка Н.В.Станкевича, сыгравшего огромную роль в развитии общественной мысли России, непосредственно ощутить их интеллектуальные и эстетические пристрастия, симпатии и "отрицания".

"Московский наблюдатель" 1838—39 гг. давно стал библиографической редкостью; единичные его экземпляры, хранящиеся в нескольких библиотеках стареют, и наступит день, когда о нем будут судить лишь по трудам историков. Однако, в основном к нему обращались при публикации произведений Белинского. Самое объемное исследование о журнале — глава монографии В.С.Нечаевой¹ — имело целью осветить редакторскую деятельность критика. О месте журнала в русской публицистике писал в "Очерках гоголевского периода русской литературы" Н.Г.Чернышевский. В подготовленном С.А.Венгеровым собрании сочинений Белинского содержит-

ся глухой перечень статей журнала². Несколько слов о нем сказано в современной историографии периодики³.

"Московский наблюдатель" неотделим от Белинского, но здесь мы не предполагаем углубляться в философские и литературные суждения публициста. Критико-библиографические разделы журнала анализировались достаточно подробно; наша цель — воссоздать его облик в целом, взглянув на него как на попытку (пусть и не реализовавшуюся) объединить молодое поколение России задачей просвещения общества в духе идеалистической философии, немецкого романтизма и, наконец, германской культуры в самых обширных ее проявлениях.

"Толстый" журнал 1830-х гг., мало соответствуя нашему представлению об общественно-литературном издании, своей тематикой, манерой разговора с читателем выражает гармонический (с точки зрения последующих поколений, ибо современники всегда воспринимают свою эпоху как переломную, утратившую целостность прошедшего) сплав упорядоченной "разумной" чувствительности и благородной, но несколько застывшей соразмерности XVIII столетия, бурной страстности, тяги к тайне и обнажению подсознательного, принесенных романтизмом, и горьковатой иронии реалистического созерцания. В личности 30-х гг. XIX в. столь разно-речивые тенденции сливались в некое единство, стержнем которого выступало стремление к нравственно-эстетическому совершенству. "Московский наблюдатель", как ни один журнал того времени, воплотил в себе духовную утонченность и поиск оптимального строя жизни. И пусть уверенность его молодой редакции в победе Идеала кажется наивной, зато годы эти, воспринятые через "Наблюдатель", окрашиваются торжеством юности, доверчиво отдающей "всем впечатлениям бытия", но утешающей открывать истины, подтвержденные нашим "повзрослевшим" социальным опытом.

Однако симбиоз романтического и реалистического видения, делавший уникальной культуру первых десятилетий XIX в., нес в себе и свою болезнь — романтический штамп. Струя романтизма, возвышая литературу над бытовой конк-

ретикой, в то же время лишала ее психологизма: человеческая душа исчерпывалась стандартным набором холодных страстей, и в потоках "книжной" крови непорочных страдалцев и уставших от собственных преступлений злодеев тонул интерес к живой индивидуальности. Избавляясь от романтических "бредней", литература в дальнейшем приобретала психоаналитичность и социальность, в какой-то мере утрачивая цельность и обобщенность. В эстетическую замкнутость образа властно вторгалась социальная идея, и художник-пророк уступал место художнику-исследователю.

"Наблюдатель" был органом кружка, группировавшегося вокруг Станкевича и продолжавшего существовать после отъезда последнего за границу, вплоть до конца 1839 г. В нем помимо Белинского участвовали В.П.Боткин, М.Н.Катков, К.С.Аксаков, М.А.Бакунин, А.В.Кольцов, И.П.Клюшников, В.И.Красов и др. Московский еженедельник культурной и светской хроники "Галатей" уважительно-иронично именовал "Наблюдатель" "маленьким аристократом" — учтивым, подчас вспыльчивым, "чрезвычайно деликатным" в выборе сотрудников, составлявших некоторое подобие рыцарей круглого стола (1839. № 10. С. 135-136; № 12. С. 290-291). Однако журнал не был рупором секты, и, возможно, только краткость его существования помешала редакции наладить связи с находившимися в ссылке А.И.Герценом и его друзьями, желавшими войти в журнал⁴. К сожалению, аудитория журнала также осталась узкой: он не смог пробиться к провинциальному интеллигенту, хотя, попадая в редких случаях в провинцию, находил сочувствие в молодежных кружках. Так, Боткин писал Белинскому из Харькова, что здесь интересовались "Наблюдателем", и дочь профессора Харьковского университета философа-шеллингианца И.Я.Кронеберга считала "Наблюдатель" "просто своим журналом, журналом своих близких людей" и не могла «без грусти вспомнить, что больше уж нет "Наблюдателя"»⁵.

Как известно, журнал начал выходить с 1835 г. под редакцией М.П.Погодина и С.П.Шевырева, но, не пользуясь успехом, к 1838 г. совсем захирел. Недовольный его направ-

лением официальный редактор, экономист либеральных взглядов В.П.Андросов вместе с арендующим журнал типографщиком Н.С.Степановым решили обновить издание, передав редактирование Белинскому. Однако объявления об этом сделано не было, и Белинский, получив непопулярное "наследство" вместе с прежними подписчиками, оказался перед проблемой поднятия его престижа — не менее трудной, по его словам, чем восстановление погибшей репутации женщины⁶.

Прежняя редакция "Наблюдателя" выпускала две книжки в месяц, та же периодичность соблюдалась в 1838 г. Белинским. В течение 1838 — первой половины 1839 г. удалось напечатать 12 номеров за март-август 1838 г. 14 октября издатели подали в Московский цензурный комитет прошение о дозволении превратить журнал в ежемесячник и изменить структуру разделов. После запроса в Главное управление цензуры разрешение было получено⁷; однако, № 4 за 1839 г. оказался последним. Тираж журнала не превышал 600-700 экземпляров⁸.

Причинами постоянных задержек, а затем и прекращения издания были: небрежное отношение к нему Степанова; удушающая политика Московского цензурного комитета (Белинский даже пытался посылать статьи в Петербургский цензурный комитет, т.к. московский цензор И.М.Снегирев умышленно затягивал выход книжек)⁹; недостаток сотрудников, часто вынужденных писать только ради "славы" (регулярно оплачивалась лишь работа Белинского)¹⁰; личные и идейные разногласия в кружке (так, участие в "Наблюдателе" Бакунина кончилось на первых двух номерах).

Уже в феврале 1839 г. Белинский понял, что "Наблюдатель" обречен, но, поддавшись уговорам Степанова, согласился продолжать его. Через несколько месяцев он окончательно оставил журнал. Последняя, 19-я его часть за 1838 г., вышедшая уже в 1840 г., не имеет отношения к молодой редакции, представляя собой художественно-историческое повествование Н.Д.Иванчина-Писарева "Вечер в Симонове" с

прибавлением перечня "знаменитых мужей, изшедших из обители Симоновской".

Хотя "Московский наблюдатель" стоит особняком в журналистике конца 1830-х гг., он не может быть понят в отрыве от своих собратьев. Запрет Николая I на выпуск новых газет и журналов не следует воспринимать буквально: число их росло и к 1838 г. перевалило за сотню. Однако, это были в основном ведомственные, специальные и местные издания. В Москве в результате цензурных и правительственных репрессий из всей плеяды философско-литературных журналов 1820–30-х гг. до 1840-х не дотянул ни один, что во многом обусловило постепенное перемещение культурного центра России в Петербург.

Придерживаясь различных взглядов и борясь за подписчика, журналы тех лет вели резкую, подчас жестокую полемику. Эстетическое чувство Белинского не давало его задирности перейти в грубость. В данный период, осваивая в философско-социальном плане "примирение с действительностью", Белинский сознательно притуплял острие своих выступлений, стараясь выражать порицание демонстративным молчанием¹¹.

С 1839 г. в Москве возобновился еженедельник "Галатей" (издатель С.Е.Раич). Разделом критики в нем ведал В.С.Межевич, в то время сочувствовавший Белинскому и сотрудничавший в "Наблюдателе". Падкая до развлечений "красавица" "Галатей" благосклонно поглядывала на своего сотоварища, строгого джентльмена, отдавая ему одно из первых мест в русской публицистике "по благонамеренности и содержанию" (1839. № 13. С. 364).

Наиболее устойчивым среди "толстых" журналов было положение "жирной", как говорили насмешники, "Библиотеки для чтения" О.И.Сенковского, сумевшей завоевать провинцию. "Библиотека" «с ее скептицизмом, эмпиризмом, с ее установкой на "развлекательность", с ее холодным "шутовством"» обладала все же "единством взглядов и стиля"¹². Мнения Сенковского, откровенно издевавшегося над авторами и читателем, но смешившего публику, делали его пер-

соной "pop grata" в литературных кругах. Однако, по-видимому, они вызывались не злонамеренным желанием унижить русскую словесность, но искренним убеждением, что поэзия годна лишь для забавы. Добросовестность редактор приберегал для научных рецензий. Отрицание немецкого идеализма также отталкивало от него коллег-журналистов, в большинстве своем отдававшим дань увлечению той или иной философской системой. Ядовитый Сенковский редко вступал в журнальные "разборки", считая тираж "Библиотеки" своим главным аргументом. В 1838 г. ему все же пришлось отражать нападки Н.А.Полевого, Н.И.Греча и Ф.В.Булгарина, что определило достаточно мирное отношение к "Библиотеке" "Наблюдателя": "Сын Отечества" и "Северная пчела" стали их общими врагами. Белинский, однако, не отказался подколоть гиганта петербургской журналистики сообщением о нелестном мнении о нем немецкого издания "Феникс" ("Московский наблюдатель". 1839. Ч. 2. № 3); не обошел молчанием и перепечатку "Библиотекой" из "Наблюдателя" стихотворения Красова¹³.

На Полевого Белинский смотрел когда-то как на воспитателя своего поколения. "Московский телеграф" ввел его, подростка из глухого провинциального городка, в волшебный мир романтизма, пробудил в нем страсть к философии. Тем болезненнее переживал он измену Полевого просветительским идеалам. Речи Булгарина, произносимые устами Полевого, воспринимались как удручающее доказательство слабости человеческого духа.

Перчатку бросил Полевой, поместив в "Сыне Отечества" (1838. Т. I. № 1-2) оскорбительный отзыв на статью Белинского о "Гамлете", начало которой сам же принял в неофициально редактируемую им тогда "Северную пчелу". И в дальнейшем Полевой и Булгарин задевали раздражавшее их издание¹⁴. При этом "германофильству" "Наблюдателя" Полевой противопоставлял ориентацию на французскую литературу.

С уважением относясь к "Современнику" П.А.Плетнева, Белинский все же видел в нем скорее альманах, чем журнал

с самостоятельным направлением. Критика в "Современнике", как и в появившихся в 1839 г. "Отечественных записках" А.А.Краевского (отдел вел Межевич), не нравилась ему своей всеядностью и беззубостью.

Заканчивая краткое обозрение столичных изданий в их отношениях с "Наблюдателем", отметим, что "Журнал Министерства народного просвещения" (1839. Ч. I. № 2) дал положительную оценку ряда его статей.

"Московский наблюдатель" является, как правило, единственным источником при публикации работ Белинского; автографы их за редким исключением не сохранились. Подготовители Полного собрания сочинений в 13 томах тщательно изучили журнал, воспроизведя тексты, с той или иной долей вероятности приписываемые критику. Однако, можно допустить наличие в "Наблюдателе" заметок Белинского, не вошедших в Полное собрание (например, отзыв на постановку Малым театром "Пятидесятилетнего дядюшки" (1839. Ч. I. № 2).

"Московский наблюдатель" остался в конце 1830-х гг. единственным русским философским журналом. Чернышевский видел главное его значение в распространении гегелевских идей. Но журнал не был чисто гегельянским¹⁵, ибо русской мысли вообще был свойственен философский эклектизм, стремление соединить элементы различных учений. Наряду с работами гегелевского направления¹⁶ в "Наблюдателе" предполагалось поместить снятую цензурой статью "О фихтевой системе"; редакция, думается, не отказалась бы и от очерка об устаревшем, по ее мнению, Шеллинге.

Программной статьей "Московского наблюдателя" должно было стать предисловие Бакунина к публикации двух речей Гегеля, произнесенных в годы его директорства в Нюрнбергской гимназии (1808—1816). Однако эта популяризация общих положений учения, подчеркивающая консервативные его тенденции, стала причиной ссоры в кружке и повлекла уход Бакунина из журнала. И враги, и друзья, и сотрудники "Наблюдателя" сошлись на том, что своей темнотой и путанностью статья погубила журнал в мнении публики¹⁷. Это ка-

жется странным, ибо предисловие написано достаточно ясно, не "птичьим языком" (если не считать изобретенного в кружке словечка "самоослабление"). Шеллингианские журналы былого времени отличались большей терминологической сложностью. Да и сам Гегель не был на Руси в новинку¹⁸. Испуг, вызванный этюдом Бакунина, можно объяснить разве что тем, что после прекращения изданий последекабристского десятилетия публика отвыкла от философии, приняв комфортный нигилизм Сенковского, отвергавший все "непонятное".

Удивляет сам выбор для журнала указанных речей Гегеля 28-летней давности. Правда, кружку была близка проводимая в них мысль о необходимости изучения в гимназиях древних языков и античной культуры. Но благодарность Гегеля правительству за введение в школах воинских упражнений вряд ли могла воодушевить русского читателя. Возможно, однако, здесь имелся свой расчет: обществу внушалось, что философия не ведет к подрыву устоев и вполне совместима с гражданской благонамеренностью.

Политическое состояние России в периодике того времени, естественно, не обсуждалось. В разделах на актуальные темы приводились постановления правительства, статистика, зарубежная информация. "Московский наблюдатель" более всего занимали сообщения об успехах просвещения.

В отличие от "Сына Отечества", дававшего помесечную летопись политико-экономических новостей России и других стран, "Отечественных записок" с их регулярными обзорами деятельности государственных учреждений, состояния хозяйства, благотворительности и пр. под названием "Современная хроника России"¹⁹, "Северной пчелы", печатавшей помимо внутренних и заграничных известий извлечения из отчетов С.-Петербургского обер-полицмейстера, — "Московский наблюдатель" не имел сил и средств для организации подобного отдела, ограничиваясь переводными заметками о политических событиях. В них явно прослеживается стремление вызвать у читателя разочарование во французских порядках описанием неблагоприятных и скандальных происшествий в

этой стране. С той же целью Белинский подробно разбирает печатавшуюся в "Современнике" "Хронику русского в Париже" А.И.Тургенева. В компиляции "Состояние народной образованности в различных странах Европы" (1838. Ч. 18, август. Кн. 1) Белинский, подчеркнув мысль К.Дюпена, автора книги "О производительных и торговых силах во Франции" (переведена в России в 1831 г.), что не невежество, а просвещенность народа — залог спокойствия государства, извлекает из упомянутого труда сведения о плохой постановке французского начального образования, ставящей Францию в один ряд с Испанией, Португалией, южной Италией и Грецией. Используя данные Дюпена, Кузена, Валери и Апорти, Белинский сочувственно описывает систему прусского и австрийского образования, выделяя такие моменты, как правительственные пособия бедным общинам и семьям на обучение детей, запрещение в школах телесных наказаний, достаточное обеспечение профессоров и учителей, строгое соблюдение в учебных заведениях принципа веротерпимости. Похвалы Белинского российским властям за заботу о народном образовании являлись отчасти публицистическим приемом — единственно возможной формой "подсказки" правительству насущно необходимых стране мер.

"Московский наблюдатель" интересовался положением дел в Ирландии, причем, если проникновение английских нравов в эту страну им приветствовалось, то жестокость английских лендлордов по отношению к ирландским крестьянам казалась достойной осуждения²⁰. Разделял он и всеобщее любопытство русских журналов к Испании. На второй год существования "Наблюдателя" зарубежная хроника заметно потеснила в нем сообщения о культурной жизни Москвы: появилась переводная информация о переселении в Северную Америку из Южной Америки и из Европы, об европейской журналистике, уголовной статистике, развитии акционерных обществ и т.д.

Поэтическая часть журнала по-разному оценивалась современниками, но у позднейших исследователей вызывала похвалу: "...каждая лирическая пьеса действительно проник-

нута чувством и мыслью, — писал Чернышевский, — так что стихотворный отдел "Московского наблюдателя" не может быть и сравниваем с тем, что встречаем мы в других тогдашних журналах"²¹. Слова эти скорее можно отнести к переводной поэзии: "Наблюдатель" старался привить читателю вкус к немецкой лирике, публикуя стихотворные произведения Гете в переводах Аксакова, А.Н.Струговщикова, П.Я.Петрова (будущего выдающегося санскритолога); Гейне в переводе Каткова; Шиллера в переводе Аксакова. Оригинальную поэзию представляли 11 стихотворений Кольцова, два — А.И.Полежаева; активно печатались "кружковские" поэты — Красов и Ключников (лучшая пьеса последнего — "Я не люблю тебя" — гармонировала с любовными переживаниями молодых идеалистов). Не отличаясь, быть может, богатством, стихотворная часть "Наблюдателя" выделялась строгим отбором авторов. Журнал, безусловно, превосходил "Галатею", "Библиотеку для чтения" (воспользовавшуюся тетрадью стихов Красова, украденной у Белинского и проданной Сенковскому), "Сына Отечества", хотя в последнем наряду с В.Г.Бенедиктовым и А.В.Тимофеевым публиковались Струговщикова и Кольцова, а также появились первые опыты юного Н.А.Некрасова, вошедшие затем в сборник "Мечты и звуки". Однако, и сам Белинский поставил бы стихотворный отдел "Наблюдателя" ниже подобного отдела "Современника", блиставшего неизвестными ранее строками Пушкина. "Современник" продолжал также серию тютчевских стихов (в целом довольно слабых, чем и вызвано невнимание к ним Белинского). В 9-14-ом его томах помещены также произведения Кольцова, Е.П.Ростопчиной, П.А.Вяземского, Е.А.Баратынского, В.А.Жуковского, "Тамбовская казначейша" М.Ю.Лермонтова, одно из первых стихотворений И.С.Тургенева "К Венере Медицейской" (отмеченное Белинским).

Отдел оригинальной прозы "Наблюдателя" беден, но имей даже Белинский возможность привлечь в журнал лучших писателей того времени, это не намного поправило бы дело. 1838 г. был одним из самых неурожайных и в "большой" литературе, и в беллетристике. Пушкин умер, Гоголь

ничего нового не печатал. Романтическая словесность себя исчерпала, "натуральная школа" только зарождалась. Журналы, страдая от нехватки русских повестей, предлагали читателю опусы, стоящие ниже всякой критики; на их фоне произведения А.Ф.Вельтмана, М.С.Жуковой, Г.Ф.Квитки-Основьяненко, В.И.Даля, Н.А.Дуровой, не говоря уже о В.Ф.Одоевском, казались весьма значительными явлениями. Новую эру открыли "Отечественные записки": во 2-ом томе появилась "Бэла" Лермонтова; обратили на себя внимание также "История двух галош" В.А.Соллогуба и "Дочь чиновного человека" И.И.Панаева.

Из отечественной прозы в "Московском наблюдателе" были помещены сентиментально-романтические "Письма" Кронеберга, восточные стилизации В.Луганского (Даля), "Одни сутки из жизни старого холостяка" и "Флейта" П.Н.Кудрявцева, пьеса "Пятидесятилетний дядюшка" Белинского. При всей своей скромности произведения двух последних авторов заслуживают отдельного разговора. В содержательной работе о "натуральной школе" А.А.Жук отмечено, что рядовые литераторы не только ведут первичную разработку нового материала, но подчас открывают и новые художественные принципы: "... опережающий может быть и роль "малых" явлений, хотя конечные литературные результаты их будут сняты художественной емкостью "великого"²² Белинский и Кудрявцев, не обладая художественным талантом, имели тонкое эстетическое чутье и в своих литературных опытах сумели предугадать некоторые направления развития повести и драматургии.

"Одни сутки из жизни старого холостяка" — первая ласточка в утверждении сатирического метода "натуральной школы" с ее "недружелюбно анатомирующим" отношением к быту; отказом от перестроения действительности с помощью "гротеска, гиперболы, сатирической фантастики" ради полного слияния отображения с реальностью; внеличным восприятием зла, которое не вменяется герою в вину, но выступает как неизбежное порождение его социальной позиции²³. Порой беллетрист намечает эскиз, "завершаемый" затем

крупным художников, и, если "Одни сутки..." предвещают "Осеннюю скуку" Некрасова, то "Флейта" ведет нас к тургеневской прозе малых форм. "В моей флейте все было просто", — говорит юный персонаж повести, словно провозглашая эстетическое кредо автора. Гоголевская бессобытийность здесь усилена, и, пожалуй, впервые прием растворения творческой фантазии в потоке жизни без начала и конца направлен на выявление состояния человеческой души. Но, отказавшись от "внешних" способов построения художественной реальности, от идеологических дрожжей, заложенных в основу ее вызревания, Кудрявцев не совладал с труднейшим ассоциативным методом компоновки повествования. Бессюжетная, рыхлая, "Флейта" показалась читателю скучной. Но Белинский упорно отстаивал повесть, ощущая жизненность эстетических поисков автора.

Прорывом в грядущее стала и пьеса Белинского. Обычно ее сопоставляли с театральным творчеством Тургенева, но можно отметить и ее родство с "разговорными" "комедиями" Чехова. Действие здесь также перенесено во внутренний мир героев, причем накал их чувств подчас обретает форму неловкого, смешного поведения. Однако неуверенность автора в возможности подобного художественного решения ведет к сомнительному смешению жанров: психологизм пьесы разноголосит с ее водевильностью, раскрытие сложных переживаний Горского и Лизы диссонирует с опереточной концовкой — счастливым соединением влюбленных пар. При всех литературных и сценических недочетах драма имела успех у зрителя²⁴, хотя роль Горского не удалась М.С.Щепкину, что, вероятно, и предопределило быстрое снятие драматургического опыта Белинского с репертуара Малого театра. Сцена обнажила некоторую надуманность главного лица пьесы: немолодой провинциальный помещик слишком напоминал московского гегельянца, вплоть до того, что "дядюшка" употреблял "словечки" кружка Белинского.

Зачатки нового художественного видения в повестях Кудрявцева и пьесе Белинского были затем перекрыты неизмеримо более высоким литературным его воплощением, и

для позднейших поколений их оригинальность стала незаметной. И все же проза "Московского наблюдателя" была определенной вехой на путях становления отечественного психологического реализма.

В области переводов "Наблюдатель" ориентировался на немецких авторов. Несмотря на то, что в "Современнике" печатались произведения Ж.-П.Рихтера, в "Отечественных записках" (2-й том) — повесть Л.Тика "Избыток жизни" ("Жизнь льется через край"), а в № 34 газеты "Литературные прибавления к Русскому Инвалиду" Краевского за 1838 г. — новый перевод "Кавалера Глюка" Гофмана, — в целом количество немецких повестей в русских журналах (исключая "Наблюдатель") уступало французским. Отрывок из книги В.Менцеля "Немецкая словесность" (в "Сыне Отечества") отрицательно относившиеся к Менцелю "москвичи" могли считать скорее антипропагандой германской литературы. Тот же журнал опубликовал отрывки из дневника Беттины (Е.Арним) в переводе Бакунина (1838. Т. 2. № 4) (вопреки полемике с "Наблюдателем" Полевой пользовался оставшимися у него от былых времен трудами его сотрудников).

"Наблюдатель" стал своего рода собранием сочинений Гофмана: "Мастер Иоганнес Вахт", "Дон Жуан" (с оригинальной трактовкой оперы Моцарта), части "Крейслерианы"²⁵, и "Золотой горшок" (перевод Боткина), отрывки из "Кота Мурра" (перевод Н.Х.Кетчера). Боткиным же было подготовлено для журнала предисловие А.Леве-Веймара к собранию повестей Гофмана на французском языке (1829 г.): в него вошли многочисленные цитаты из писем и дневников писателя и письмо Людвиг Бетховена Гофману от 23 мая 1820 г. (1838. Ч. 16, апрель. Кн. 1, 2).

В "Наблюдателе" можно найти также малоизвестную повесть Л.Тика "Лунатик", рассказ неизвестного автора "Нерешительный жених", отрывки из книги Смита (Г.Смидта?) "Исторические очерки Гамбурга", перевод И.Е.Бецкого изречений Ж.-П.Рихтера, повесть А.Виллибальда "Барон Ацерби". Пестрота перечня произведений (где встречаются и посредственные) говорит о том, что, не имея возможности заказы-

вать переводы для своего детища, Белинский должен был довольствоваться тем, что случайно попадало в портфель редакции.

Отдел иностранной библиографии, возникший в "Наблюдателе" в 1839 г., также был посвящен прежде всего немецкой литературе. Журнал одним из первых завел с читателем разговор о жизни и творчестве А.Шамиссо (рецензия А.Шелля на собрание его сочинений); в нем появились также рецензия К.Риделя на 2-е немецкое издание "Книги песен" Гейне и Ф.Кюне — на 1-е немецкое издание стихотворений И.Эйхендорфа; были даны сведения о 38 книгах, вышедших в Европе в 1837—39 гг.

Литература Франции привлекала внимание журналов тех лет: вопреки неприязни "Библиотеки для чтения" к "юной французской словесности" на ее страницах мы встречаем имена Бальзака, Ж.Санд, А.Дюма; "Сын Отечества" печатал Ж.Санд, А.Мюссе, К.Нодье. "Французоедство" Белинского не помешало помещению в "Московском наблюдателе" анонимной повести "Пьер Тиллемон", созвучной московским просветителям осуждением сословной спеси и насильственных браков; большого отрывка из романа Ф.Сулье "Диана и Луиза" (журнальное название "Слепая"²⁶; "Волшебного коня" А.Пишо и "Веймарского живописца" Г.Друино, вероятно, попавших в журнал за неимением лучшего.

Из английской прозы в "Библиотеке для чтения" в эти годы появились положительно оцененные Белинским романы Э.Д.Булвер-Литтона "Кальдерон" и Ф.Марриета "Чорт-собака" ("Приключения собаки Снарлейгоу"); в "Сыне Отечества" — пересказ начальных глав "Пиквикского клуба" Ч.Диккенса, ставший первым знакомством российской публики с этим произведением (если не считать переделки "Библиотекой" его 29-й главы (1838. Т. 31). Для "Наблюдателя" англичанином номер один был Шекспир, представленный в нем отрывками из "Ромео и Юлии", "Гамлета" и "Отелло" (в переводах Каткова, М.Строева, А.Е.Студитского).

Журналистика конца 1830-х гг. представляет немало фактов театральной, музыкальной и художественной жизни российских столиц. В "Наблюдателе" помещена знаменитая статья Белинского о "Гамлете" с анализом выступлений в этой роли П.С.Мочалова. Важность гамлетовской идеи в мировоззрении московских гегельянцев вызвала интерес к исполнению данной роли выдающимися иностранными актерами: перевод Межевича отрывка из книги немецкого писателя и ученого Г.К.Лихтенберга "Письма из Англии" с описанием последних спектаклей Д.Гаррика в 1776 г. (1838. Ч. 17, май. Кн. 1); заметка о трактовке образа Гамлета в Дрюрилейнском театре в Лондоне (1839. Ч. 1. № 1).

Белинский вел в "Наблюдателе" подробную хронику московских постановок и гастролей в Москве артистов Мариинского театра. Обзоры московской театральной жизни помещались также в "Галатее" (их авторы С.Т.Аксаков и Межевич), "Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду" (серия заметок Межевича под псевдонимом Л.Л.). Описание гастролей В.А.Каратыгина в Москве находим также в № 100 "Северной пчелы" за 1838 г.

Сотрудничество в "Наблюдателе" меломана Боткина определило музыкальные вкусы журнала: пристрастие к немецкой музыке и достаточно скептическое отношение к "чувственным" и "сентиментальным" итальянским композиторам. Восприятие идеалистами 1830-х гг. музыки как воплощенной гармонии Вселенной выразила статья рано умершего друга Кольцова А.П.Серебрянского "Мысли о музыке" (1838. Ч. 17, май. Кн. 1). Музыкальная жизнь Москвы не удовлетворяла Боткина: "Наблюдатель" отмечал слабость московской оперы и отсутствие филармонии. Правда, в Москве функционировало частное общество любителей музыки Sing-Academie, организовавшее 6 апреля 1838 г. исполнение оратории Ф.Мендельсона-Бартольди "Paulus". Боткин с горечью констатировал фактический провал у москвичей немецкого драматического тенора Г.Брейтинга, одного из первых исполнителей в России произведений любимого в кружке Шуберта²⁷, оспаривал завышенное мнение о концертах гастролировав-

шего в Москве в марте 1838 г. норвежского скрипача Олебуля (1838. Ч. 16, март. Кн. 2). Не понравился ему и концерт Л.Мейера, данный 7 марта 1838 г., т.к. сыгранная вначале увертюра глубоко почитаемого Белинским и его друзьями Бетховена к "Эгмонту" затмила произведения и самого исполнителя и австрийского композитора Тальберга (1838. Ч. 16, март. Кн. 1). В "Наблюдателе" помещены также отчеты о новой постановке в Москве оперы Д.Мейербера "Роберт-Дьявол" (1838. Ч. 18, июль. Кн. 1), о концерте итальянской музыки в доме Корсаковых 2 декабря 1838 г. (1838. Ч. 18, август. Кн. 1), рецензия на концерт пианиста А.Л.Гензельта (1839. Ч. 1, № 2). В 1839 г. сообщения о московской музыкальной жизни почти исчезли из журнала, и инициативу в этой области перехватила "Галатея". Отметим также информацию "Наблюдателя" о европейских музыкальных новостях: с успехом прошедшей в Париже опере Галеви "Гвидо и Джиневра, или чума во Флоренции" (1838. Ч. 16, март. Кн. 1); находке Гитцигом партитуры оперы Гофмана "Ундина" (1838. Ч. 18, июль. Кн. 1); перепечатку найденного М.С.Юраном письма Бетховена Вегелеру от 25 февраля 1800 г. (1839. Ч. 2. № 3), а также составленную Боткиным по французским материалам биографию Моцарта (1838. Ч. 16, апрель. Кн. 2).

Художественная жизнь Москвы не отличалась тогда особой оживленностью. Ценность сведений, сообщаемых о ней "Наблюдателем", повышается благодаря тому, что даже искусствоведческие петербургские издания — "Художественная газета" и "Живописное обозрение" — мало интересовались Москвой. Лишь в № 201 "Северной пчелы" за 1838 г. была помещена статья о Московской школе рисования, основанной С.Г.Строгановым, а в № 272-273 — материалы об археологических находках при ломке Алексеевского монастыря, а также о сооружении фундамента храма Христа Спасителя.

29 июля 1838 г. в Московском дворцовом архитектурном училище состоялся выпускной акт и публичная выставка. Младший брат Михаила Каткова Мефодий произнес речь о классической архитектуре, выпущенную тогда же отдельной брошюрой. По мнению автора помещенного в "Наблюдателе"

отчета (1838. Ч. 17. июнь. Кн. 1), на выставке выделялись картины Никольского (в это время в указанном заведении обучались А.Т. и А.Д.Никольские²⁸ — о ком идет речь, установить не удалось) и проект театра на 5000 мест Белоголовова (возможно, А.В.Белоголовова²⁹).

В 1833 г. при Московском художественном обществе открылся художественный класс, демократическое учебное заведение под руководством М.Ф.Орлова, куда принимались и крепостные (в дальнейшем преобразованное в Училище живописи, ваяния и зодчества). В 1839 г. класс организовал первую публичную выставку; архивных сведений о ней не сохранилось³⁰. Одну лишь фразу уделил ей в своих воспоминаниях Н.А.Рамазанов³¹. Таким образом, "Наблюдатель" и "Галатей" дают уникальную информацию об этом заслуживающем внимания событии в истории русского искусства³². Автор описания выставки в "Наблюдателе" выделил работы учеников класса: К.А.Горбунова, в будущем известного портретиста, а в 1839 г. еще крепостного помещиков Владыкиных, 17-летнего юноши, опекаемого Белинским и его друзьями³³; К.Ф.П.Бодри, в дальнейшем преподавателя училища, в 1860 г. получившего звание академика за "Вид Благовещенского собора в Москве"; скульптора А.Н.Беляева, впоследствии реставратора в Эрмитаже; К.Т.Бушина, ставшего учителем рисования в Иркутской гимназии; С.В.Щеколдина, будущего учителя рисования в Полтавском кадетском корпусе, автора многочисленных литографий, запечатлевших сцены из русской жизни; П.Боргмана (братья Петр и Павел Боргман работали затем в Берлине, где получили золотую медаль от прусского короля), Ф.Болдина. Отмечены также картины одного из учредителей класса, отца знаменитых передвижников, — Ё.И. Маковского, упомянутого уже Никольского и художника-любителя Муменова³⁴.

Обзоры художественных новостей России и Европы превышали возможности "Московского наблюдателя". Тем большее внимание обращает на себя переведенная из *Revue britannique* (1837. Т. 10) заметка о французском художнике Ксавье Сигалоне (1838. Ч. 18, август. Кн. 1), известность ко-

тому принесла выставленная в парижском салоне 1824 г. картина "Локуста". Пережив краткий миг славы, Сигалон не смог в последующих произведениях повторить свой успех и одно время вынужден был ради заработка писать вывески в провинции. Забытый публикой, он умер в Италии в 1837 г. Его судьба явилась как бы иллюстрацией необычайно популярной в романтизме темы гибели гения, не понятого современниками; сама жизнь здесь словно решила следовать за сюжетами Альфреда де Виньи. Возможно, именно это привлекло внимание к французскому живописцу московских идеалистов, которые, конечно, не могли знать, что трагедия Сигалона таилась не в его недоступности "толпе", а скорее в том, что это был талант "короткого творческого дыхания", быстро себя исчерпавший³⁵.

Предположительно можно назвать и другую причину интереса "Наблюдателя" к Сигалону. Последние годы жизни тот по заказу правительства Франции работал в Риме над копией "Страшного суда" Микеланджело. Боткин во время своего путешествия по Италии провел осень и зиму 1835 г. в Риме, где мог познакомиться с французским художником.

"Толстые" журналы 1830-х гг. содержали значительное количество исторических статей и документов. "Наблюдатель" также отличался пристрастием к экскурсам в античность, европейскую и русскую историю, уступая здесь разве что "Сыну Отечества", редактором которого был историк Полевой.

В "Московском наблюдателе" мы можем прочесть исследование французского литературоведа Ж.-Ж.-А.Ампера "Языческая и христианская литература IV века. Авзоний и с.Паулин" (1838. Ч. 17, май. Кн. 2), переведенное из *Revue des deux mondes* (1837. Т. 12), как предполагает В.С.Нечаева, членом кружка, будущим географом А.П.Ефремовым. Древняя история представлена статьей Кронеберга "Краткая характеристика греков и римлян" (1838. Ч. 18, июль. Кн. 2) (ему же принадлежит компиляция из трудов немецких авторов на философско-исторические темы под названием "Маргиналии и выписки" (1838. Ч. 18, август. Кн. 1). Переводная

заметка "Образ богородицы, найденный в языческой могиле в Силезии в 1817 г." знакомила читателя с научными спорами вокруг этого памятника (1839. Ч. 2. № 3). В 1839 г. в журнале появилась большая статья об истории английской Ост-Индской компании "Начало и возрастание английского владычества в Индии" Обера (1839. Ч. 2. № 3, 4) и ряд мелких сообщений: о новых источниках по истории средних веков, обнаруженных берлинским ученым В.Деннигесом в туринском архиве; об издании норвежцем Далем в Дрездене рисунков древних памятников Норвегии — "поразительно сходство с архитектурой русских сельских церквей" (1839. Ч. 1. № 2); о нахождении в Виндзоре гроба казненного Карла Стюарта и его опознании (1839. Ч. 2. № 4 — *Revue britannique*. 1838. Т. 14). Цензура не пропустила переведенную Боткиным "статью о папах" (Б.Ф.Егоров полагает, что речь идет о работе Э.Лерминье "Папство после Лютера")³⁶.

По истории России и Украины были опубликованы: статья филолога и этнографа И.И.Срезневского "Палий" об отношениях главы украинского правобережного казачества С.Ф.Палия с Мазепой (1838. Ч. 18, июль. Кн. 1); рецензия законоведа и историка П.В.Хавского на переизданную в 1838 г. Д.И.Языковым "Книгу Большого чертежа", составленного в 1627 г. К рецензии приложена копия предуведомления к атласу Калужской губернии, напечатанному при Екатерине II (1839. Ч. 1. № 2). В журнале встречается немало замечаний на труды историков: дополнение библиографа С.Д.Полторацкого к статье о первых русских газетах в 13 томе Энциклопедического словаря А.А.Плюшара (1838. Ч. 17, июнь. Кн. 1); ответ Хавского "Северной пчеле" (по поводу места сооружения "дедушки русского флота" — ботика Петра I (1838. Ч. 18, август. Кн. 1); обзор Аврора Правдина мнений Булгарина, Краевского, Полевого и Устрялова о причастности Бориса Годунова к убийству царевича Дмитрия; о внешней политике Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, об отмене последним местничества (1839. Ч. 1. № 2) и т.д. Запрещена была статья неизвестного автора о Василии Шуйском.

За время своего существования "Наблюдатель" опубликовал 6 документов, относящихся к XVII—XVIII вв., сообщенных редакции крупным археографом, членом Комитета по описанию московских сенатских архивов П.И.Ивановым. В их числе: 1) дело 1680 г. о том, как у московского стряпчего И.В.Тонева, пришедшего на целование рук царю, отрезали пуговицы от охабня (любопытное для Белинского в плане показа нравов и языка той эпохи) (1838. Ч. 16, апрель. Кн. 2); 2) отписка 1675 г. воронежского воеводы Бухвостова в Разрядный приказ о присылке нового клейма ("орла"), которым метили сосуды для определения мер зерна, отпускавшегося донским казакам, и распросные речи целовальников Житного двора и воронежского бывшего таможенного головы о судьбе прежнего пропавшего клейма (1838. Ч. 17, май. Кн. 2); 3) "письмо" запорожского гетмана Д.И.Многогрешного Алексею Михайловичу о походе против С.Разина (1839. Ч. 1. № 1)³⁷; 4) грамота П.М.Апраксина стольнику Оружейной палаты М.А.Головину в развитие указов Петра I от 24 января и 17 февраля 1716 г. о посылке подьячих в Королевец (Кенигсберг) учиться немецкому языку, с указанием, что она должна осуществляться за счет сбора средств у подьячих, оставшихся в России; 5) историческая справка "о знаменах и прапорах"; 6) указ Петра от 11 мая 1721 г. воеводе Шацкой провинции Ф.Липунцову, найденный тамбовским губернатором Безобразовым в Шацком уездном суде в 1818 г., о посылке в провинцию мужиков из Пруссии, Лифляндии и Курляндии (приложена роспись) учить русских жать малыми косами с граблями. В Полном собрании законов Российской империи имеются: указ от 11 мая 1721 г. президенту Камер-коллегии князю Голицину об отправке в разные хлебородные места крестьян для обучения местных обывателей снимать хлеб с поля косами (Т. 6. № 3781. С. 388) и указ Сената от 4 июля 1726 г. о возвращении косцов на родину (Т. 7. № 4912. С. 668-669). (Документы № 4-6 — см.: "Московский наблюдатель" 1839. Ч. 2. № 4).

В соответствии с традициями того времени в "Наблюдателе" появлялись материалы по этнографии и филоло-

гии, например, запоздавшая рецензия К.Аксакова на "Основания русской грамматики" Белинского (1839. Ч. 1. № 1).

Людям того времени казалось поэтичным укрощение природной стихии, уносившей больше жизней, чем социальные кризисы. Вот почему естественные науки во многом воспринимались в эстетическом плане. Журналисты подчас считали, что статья об электрических опытах или обращении соков в растениях вполне может заменить роман или поэму. "Московский наблюдатель" сообщал о занимательных явлениях в области физики и биологии, о географических открытиях, но, выдерживая марку общественно-литературного издания, не злоупотреблял, подобно "Библиотеке для чтения", такими публикациями.

Информация журналов о быте, нравах и психологии эпохи неисчерпаема. К примеру, издания первой половины XIX века, в том числе "Наблюдатель", регулярно рассказывавшие о парижских новых фасонах (с приложением рисунков), являются незаменимым источником по истории моды. С.А.Венгеров отмечал, что рецензии Белинского могут дать сведения о книжных ценах. Журналы содержат богатейших материал по истории литературных переводов.

Пытаясь понять, как завоевывает журналист сердце капризной дамы — публики, чем надеется ее развеселить, тронуть или испугать, мы проникаемся духом и вкусами эпохи, ловим ее живые черты. В этом смысле показательны даже развлекательные и курьезные заметки в отделе "Смесь". Читатель не только преклонялся перед премудростями немецкой науки, негодовал на притеснителей невольников в цивилизованных странах, забывая о неприятностях, которым мог подвергнуться у себя дома, но и вздыхал о парижских ресторанах (экскурсию по ним предлагала "Библиотека для чтения" (Т. 27), усмехался над причудами англичан (заметка о выигранном лордом Беркелеем у разбойников пари относительно того, что он не позволит им себя ограбить (1838. Ч. 17, июнь. Кн. 1) и поражался европейской предприимчивости: "Московский наблюдатель" (1839. Ч. 2. № 3) и "Отечественные записки" (Т. 3) в один голос поведали россиянам

о фирме И.Джекиля, поставлявшей гостей изнывавшим от скуки английским помещикам (к рекламе прилагалась роспись сортов и цен указанного "товара").

"Московский наблюдатель" просуществовал немногим более года, и если бы даже нашлись средства для его продолжения, это был бы уже иной журнал. "Наблюдатель" 1838—39 гг. — орган кружка Белинского времени "примирения с действительностью", выразитель мирозерцания интеллигентной молодежи, еще не разошедшейся по разным идейным путям, объединенной верой в спасительную роль просвещения, любовью к "высокой" мысли и красоте, скепсисом в отношении политики, склонностью к самоанализу и максималистским стремлением к нравственному совершенству. "Маленький аристократ" сочетал в себе консерватизм общественных позиций с рыцарским преследованием невежества и косности в этической и эстетической сферах. Свойственные ему бескорыстная страсть к "любомудрию", небрежное изящество стиля, восхищение гармоническим разнообразием бытия и убежденность в разумности мироустройства, по мере вытеснения философско-эстетических интересов социально-политическими и романтизма заземленной трезвостью, уходили в прошлое вместе с эпохой 1830-х годов.

---

¹ Нечаева В.С. В.Г.Белинский. Жизнь и творчество 1836—1841. М., 1961.

² См.: В.Г.Белинский. Полн.собр.соч. СПб., 1901. Т. 4. С. 531-536.

³ См.: Березина В.Г. Русские журналы второй четверти XIX века (1826—1839). Л., 1965; История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1973.

⁴ См.: Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 22. С. 17-18; Литературное наследство. М., 1950. Т. 56. С. 115.

⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т. Т. 11. С. 449-450.

⁶ См.: там же. С. 260.

⁷ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 136. Л. 131об., 153; Д. 142. Л. 3.

⁸ История русской журналистики XVIII—XIX веков. С. 227.

⁹ См.: Литературное наследство. Т. 56. С. 115-116, 122, 126; Русский архив. 1902. № 12. С. 463, 465, 467; История русской журналистики XVIII—XIX веков. С. 226.

- ¹⁰ См.: *Нечаева В.С.* Указ. соч. С. 119.
- ¹¹ История русской журналистики XVIII–XIX веков. С. 225.
- ¹² Очерки по истории русской журналистики и критики. М., 1950. Т. 1. С. 341.
- ¹³ См.: *Белинский В.Г.* Полн. соб. соч. Т. 3. С. 98.
- ¹⁴ Сын Отечества. 1839. Т. 7; Северная пчела. 1838. № 140, 220, 276; 1839. № 19.
- ¹⁵ См.: *Нечаева В.С.* Указ. соч. С. 221.
- ¹⁶ Гимназические речи Гегеля с предисловием Бакунина (1838. Ч. 16, март. Кн. 1,2); *Ретшер Г.Т.* О философской критике художественного произведения. С предисловием Каткова (1838. Ч. 17, май. Кн. 2; июнь. Кн. 1,2); *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений Д.И.Фон-Визина... (1838. Ч. 18, июль. Кн. 2); *Ефимович И.А.* Рецензия на "Руководство к логике" Н.Рождественского (1839. Ч. 1. № 1).
- ¹⁷ См.: В.Г.Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 197; Литературное наследство. Т. 56. С. 112, 121; *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 261, 469; Северная пчела. 1838. № 140.
- ¹⁸ См.: перевод Межевича статьи А.Прево "Гегель" (Телескоп. 1833. Ч. 16), перевод Станкевича статьи Вилльма "Опыт о философии Гегеля" (Телескоп. 1835. Ч. 28. № 13-15).
- ¹⁹ Во втором томе "Отечественных записок" имеется сличение отчета оберполициймейстера Москвы за 1838 г. со "Статистической запиской о Москве" за 1830 г. Андросова.
- ²⁰ См. повесть леди Морган "Залог любви. Картина ирландских нравов", во многом оправдывающую восстания ирландцев (1839. Ч. 2. № 4).
- ²¹ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 3. С. 200.
- ²² *Жук А.А.* Сатира натуральной школы. Саратов, 1979. С. 9.
- ²³ Там же. С. 24, 111, 180.
- ²⁴ См.: Галатея. 1839. № 3,5,6.
- ²⁵ См.: Э.Г.А.Гофман. Библиография русских переводов и критической литературы. М., 1964. С. 33.
- ²⁶ Отметим, что в конце 1838 г. перевод книги Сулье "Мемуары дьявола" был запрещен цензурой (Центральный исторический архив Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 142. Л. 38).
- ²⁷ См.: *Асафьев Б.В.* Музыка в кружках русских интеллигентов 20-40 гг. // Музыказнание. Л., 1928. С. 12.
- ²⁸ См.: Русский город (исследования и материалы). М., 1982. Вып. 5. С. 126.
- ²⁹ Там же. М., 1976. Вып. 1. С. 278-279.
- ³⁰ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 5. Д. 18. Л. 2об., 5.
- ³¹ *Рамазанов Н.А.* Материалы для истории художеств в России. М., 1863. Кн. 1. С. 37.

- ³² Следует отметить, что журналы того времени не проверяли точности своей информации. Искажение фамилий, названий, а порой и фактов – обычное явление. Имена и фамилии учеников натурального класса уточнены нами по архивным источникам и литературе.
- ³³ См.: Литературное наследство. Т. 57. С. 358-363; Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Сер. 19 в. М., 1958. С. 111-128.
- ³⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 1об., 3,3об.; Д. 82 (личное дело преподавателя К.П.Бодри); *Виппер Ю.* Егор Иванович Маковский. М., 1883; *Кондаков С.Н.* Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. СПб., 1914; *Рамазанов Н.А.* Указ. соч. С. 287.
- ³⁵ См.: *Кожина Е.Ф.* Романтическая битва. Очерки французской романтической живописи. Л., 1969. С. 174.
- ³⁶ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980. С. 99.
- ³⁷ В сб. док. "Крестьянская война под предводительством Степана Разина". М., 1959. (Т. 2. Ч. 2. С. 112-113) нет указания на первую публикацию.

ИСКОВЫЕ ДЕЛА РАБОЧИХ И ИХ СЕМЕЙ ЗА УВЕЧЬЯ И СМЕРТЬ КАК ИСТОЧНИК О ПОЛОЖЕНИИ ПРОЛЕТАРИАТА В 90-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Среди источников о положении рабочего класса царской России, представляющих несомненный интерес, но, к сожалению, редко используемых исследователями, находится большая группа исковых дел рабочих и их семей за увечье и смерть на производстве. Хранятся они в фондах окружных судов и по содержанию однотипны: открываются исковым прошением истцов, затем следуют материалы судебно-медицинской и технической экспертиз, объяснения ответчика, материалы рассмотрения дела судом и его решение, иногда (в спорных случаях) апелляция истца или ответчика в судебную палату и ее решение. Однако за этим единообразием скрывается многообразие вопросов о положении рабочих и их семей: об условиях труда и состоянии техники безопасности на предприятиях, размерах заработной платы рабочих и материальном положении их семей, отношении предпринимателей и суда к потерпевшим рабочим и их семьям, отсутствию системы социального обеспечения и т.д.

Большое количество судебных исковых дел за увечье и смерть рабочих различных фабрик, заводов и особенно железных дорог в 90-е годы хранится в фонде Московского окружного суда Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ. Ф. 142). Для показа их содержания приведем некоторые из них по различным предприятиям разных отраслей промышленности. Вот иск жены и трех малолетних детей рабочего Тумочкина к Товариществу Московского металлического завода за смерть мужа и отца. Из прошения истцов в Московский окружной суд от 29 января 1896 г. выясняется одно из тех обстоятельств, при которых гибли рабочие завода. "6 февраля 1895 г. ... по приказу заведующего заводом Ю.Ф.Флейснера десятник каменных работ И.П.Тумочкин полез в нижнее отделение машин, в подвал, для указания ра-

бочим пробить в каменной стене новую дыру для приводного ремня. Машины были в это время в полном ходу, и Тумочкина за полушубок втянуло в барабан и смяло весь бок". Доставленный в больницу, пострадавший через несколько часов умер. Прощение относило вину за смерть Тумочкина всецело на администрацию завода, не имевшую права посылать рабочего в подвал во время работы машин, которые к тому же не имели надлежащих ограждений. Так как Тумочкин получал в год 180 руб. на хозяйских харчах, что составляло не менее 5 руб. в месяц, истцы просили о присуждении ежемесячной пенсии в 20 руб. $(180+60) : 12=20$. Чувствуя свою вину, администрация завода поспешила уладить дело "миром" на следующих условиях: ответчик выплачивал истцам одновременно 500 руб., а те раз и навсегда отказывались от своего иска с возложением судебных издержек на ответчика¹. Таким образом, Т-во Московского Металлического завода откупилось за погубленного им рабочего 500 рублями. Такова была цена жизни человека в России сто лет назад.

Не лучше обстояло дело с охраной труда и на других заводах металлообрабатывающей промышленности Москвы. Вот иск И.В.Боровикова к Т-ву завода Бромлей от 23 января 1899 г. Работая чеканщиком, 17-летний Боровиков 13 декабря 1897 г. при рубке железа потерял глаз, причем после излечения у него стал плохо видеть и другой глаз. И здесь в увечьи была виновата администрация завода, не имевшая для рабочих предохранительных очков.

Как же отнесся к иску Московский окружной суд? Зная, что Боровиков живет у своих родителей в Смоленской губернии, суд постановил 5 февраля 1899 г. определить время вызова свидетелей после указания истцом их адресов и по представлении денег на их вызов, а освидетельствование Боровикова для определения его трудоспособности произвести через Смоленский окружной суд, обязав истца представить 15 руб. на вознаграждение врача-эксперта. Однако Смоленский окружной суд отношением от 1 ноября 1900 г. возвратил дело в Московский окружной суд без исполнения, т.к. Боровиков не представил денег на вознаграждение врача². Следо-

вательно, молодой человек, почти полностью потерявший на работе зрение и, по-видимому, не имевший никаких средств к существованию (иначе он бы внес требуемые 15 руб.), остался на всю жизнь калекой без всякого пособия.

Такова была судьба и рабочего Титова Я.Г., работавшего стерженщиком на заводе Доброва и Набгольц. В сентябре 1892 г. он и другие рабочие стали поднимать стержень в 6 пудов весом и при этом уронили его. Упав, стержень повредил ключицу и правую руку Титова. Администрация завода, однако, оставила его на прежней работе и даже платила ему ту же сумму (по 1 руб. 40 коп. в день), хотя он работал уже не в полную силу. Но прошло несколько лет и в 1898 г. Титов без всякого повода был уволен с работы без какого-либо пособия. Находя, что в несчастном случае, происшедшем с ним, была виновна администрация завода, назначившая на тяжелую работу недостаточно рабочих, Титов 30 июля 1898 г. подал в Московский окружной суд иск Т-ву Доброва и Набгольц о назначении ежемесячной 20-рублевой пенсии пожизненно. Однако не так-то легко было по прошествии нескольких лет доказать, что причиной утраты трудоспособности явился несчастный случай. Приглашенный судом медицинский эксперт заключил и "научно обосновал", что потеря Титовым трудоспособности связана с профессиональной болезнью стерженщиков. На основании этого "научного заключения" и за давностью и недоказанностью влияния несчастного случая на здоровье Титова, а также учитывая, что "условия работы не могут служить основанием для назначения пенсии в случае потери здоровья", Московский окружной суд постановил 13 октября 1900 г. (т.е. спустя больше двух лет после подачи иска) в иске Титову отказать, возложив на него уплату судебных издержек в сумме 154 рублей. Рассмотрев апелляцию Титова, Московская судебная палата 5 июня 1901 г. постановила решение Московского окружного суда утвердить, возложив на Титова уплату судебных издержек апелляционного производства³. Титов не только не получил вознаграждения за утрату здоровья, но еще и вынужден был уплатить изрядную сумму судебным крючкотворам.

Судебных исковых дел, характеризующих отсутствие или недостаточность охраны труда на металлообрабатывающих заводах Москвы (как, впрочем, и в других отраслях) в 90-е годы XIX в. в фонде Московского окружного суда год от году становилось все больше и больше. Это косвенно свидетельствовало об интенсификации производства.

Кратко остановимся еще на двух делах об увечьях рабочих чугунолитейного завода "Перенуд". Интересны они не столько содержанием (оно довольно обычно для подобных дел), сколько своей типичностью.

15-летний Н.С.Проворнов работал на этом заводе слесарем и 4 марта 1895 г., когда во время работы на паровой машине для резания листового железа кусок последнего попал между холостым и рабочим шкивами, он стал вытаскивать его руками. При этом левая рука его была втянута под ремень и раздроблена у локтя, вследствие чего он потерял всякую работоспособность. Причина несчастного случая заключалась в том, что на машине не было специальной ручки для перевода ремня с рабочего шкива на холостой. Зарабатывал Проворнов по 15 руб. в месяц, на какую сумму ежемесячной пенсии и был предъявлен 25 сентября 1895 г. иск.

Поверенный ответчика заявил об отводе иска с той мотивировкой, что Проворнов не состоял ни в юридических, ни в фактических отношениях с заводом, а был нанят в помощники мастером С.Г.Зубаревым и в списках рабочих не числился. Однако иск был обоснован и заключением инженера-эксперта и медицинским заключением. Суд 12 февраля 1896 г. постановил удовлетворить его полностью с возложением судебных издержек на ответчика⁴.

Через два года, 29 августа 1897 г., и сам С.Г.Зубарев, обтачивая шкив на наждачном колесе, был втянут кистью правой руки под приводной ремень, в результате чего кисть была раздроблена. Причина увечья и на этот раз была та же — отсутствие ограждающего футляра и ручки-отводки. Зарабатывал Зубарев по 28 руб. 80 коп. в месяц, на какую сумму ежемесячной пенсии и предъявил иск. Администрация завода, по-видимому, уговорила Зубарева покончить дело

"миром" с уплатой ему 150 руб. единовременного пособия. Во всяком случае, на этом кончилось судебное дело⁵.

Все рассмотренные дела свидетельствуют, что основная масса увечий рабочих на заводах металлообрабатывающей промышленности происходила из-за отсутствия ограждений на станках и машинах; неснабжения рабочих предохранительными средствами; халатности и беззаботности администрации заводов. Последнее проявилось не только в случаях с Тумочкиным и Титовым. Иногда необученного человека ставили к машинам, как это было, например, в случае с рабочим Ермолаевым на серебро-прокатной фабрике С.И.Захарова, дважды терпевшим увечье не только из-за отсутствия ограждений на машине, но и из-за своей неопытности⁶.

Не лучше обстояло дело с охраной труда и техникой безопасности и на текстильных фабриках Москвы. Судебных исковых дел за увечье рабочих этой отрасли промышленности в фонде Московского окружного суда едва ли не больше, чем подобных дел в металлообрабатывающей промышленности. Рассмотрим некоторые из них для характеристики положения с охраной труда и техникой безопасности в этой основной отрасли промышленности г. Москвы.

В исковом деле П.Антипова к владельцу аппретурной фабрики Т.И.Самцову за 1892 г. прошения истца в Московский окружной суд нет, но из других документов дела видно, что Антипов получил увечье больших пальцев обеих рук. Дело было прекращено по заявлению Антипова, т.к. он заключил с Самцовым "мировое соглашение", согласно которому Самцов выплачивал Антипову 300 руб. единовременного пособия, а тот навсегда прекращал дело. При каких обстоятельствах произошел с Антиповым несчастный случай неизвестно, но тот факт, что владелец фабрики согласился выплатить ему довольно значительное пособие, показывает осознание Самцовым своей вины, за которую он и откупился, дабы не платить больше (иск был предъявлен на 1500 руб.)⁷.

Н.И.Рожков работал в печатном отделении "Т-ва фабрики И.С.Кузнецова С-я" с зарплатой 10 руб. в месяц. 19 мая 1898 г. он был оставлен на сверхурочную работу и, расправ-

ляя кромку ткани рукой, т.к. специальной лопаточки для этой манипуляции ему не дали, потерпел увечье: валами машины ему измяло кисть правой руки и повредило правое плечо. Вследствие этого он потерял способность к обычному своему труду и подал в Московский окружной суд исковое прошение к администрации фабрики, не принявшей "мер к ограждению Рожкова от несчастного случая". К прошению была приложена копия приговора мирового судьи по обвинению Рожковым заведующего фабрикой инженера Шатрова, "который допустил ... Рожкова 19 мая 1898 г. во время сверхурочной работы, когда Рожков был достаточно утомлен от урочной работы, к работе на печатной машине, требующей особого внимания". Однако, признав Шатрова виновным, мировой судья приговорил его ... к штрафу в 5 рублей, с заменой при несостоятельности арестом на одни сутки. После длительной волокиты с медицинской экспертизой и ввиду обструкции ответчика, не явившегося в суд, последний постановил 18 ноября 1902 г. (т.е. спустя 3 с половиной года после подачи иска) "дело это, как оставшееся с 11 октября 1899 г. и по сие время ... без всякого движения ... исключить из числа нерешенных и сдать в архив"⁸. Неявка ответчика в суд и волокита последнего явились достаточным основанием для того, чтобы иск изувеченного рабочего "сдать в архив", хотя бы он и был вполне обоснованным и справедливым, о чем свидетельствует то же решение мирового судьи.

Судебная волокита даже при неоспоримом праве потерпевшего рабочего на вознаграждение тянулась в некоторых случаях и значительно дольше 3-х лет, о чем может свидетельствовать дело по иску Л.С.Ситникова к Т-ву Даниловской мануфактуры о 8-рублевом ежемесячном вознаграждении за увечье. Ситников поступил на фабрику ответчика 1 июля 1894 г. и работал на чесальной машине за плату 45 коп. в день при готовой хозяйской квартире. Уже 13 июля 1894 г. во время работы он попал рукой в машину и лишился двух пальцев левой руки. Обвиняя в несчастном случае администрацию фабрики, которая не установила надлежащего надзора

и руководства для вновь поступивших на работу, Ситников, определяя свой месячный заработок вместе с квартирой в 16 руб. в иске от 22 ноября 1896 г. просил Московский окружной суд взыскать с ответчика в его пользу 8 руб. ежемесячно пожизненного пособия ввиду утраты им трудоспособности наполовину. Московский окружной суд мариновал это дело 6 лет и за это время отказывал Ситникову в иске, снова его рассматривал, допрашивая свидетелей и производя различные экспертизы, и, наконец, отказал в иске окончательно. По апелляции Ситникова дело было рассмотрено Московской судебной палатой, которая, изучив все обстоятельства дела, признала иск неоспоримым и 31 января 1903 г. постановила отменить решение Московского окружного суда и назначить Ситникову ежемесячную пенсию с ответчика по 50 руб., считая с 22 ноября 1896 г., с возложением судебных издержек по всему производству в $\frac{3}{8}$ на истца и в $\frac{5}{8}$ на ответчика⁹.

Обычно судебная палата редко отменяла решения окружного суда о присуждении пособия искалеченным рабочим. Редко отменяла она и его решения об отказе в просимом пособии.

Так было, например, с делом по иску рабочего М.В.Белякова к Торговому дому бр. Юдиных. Дело это интересно не только своим основным содержанием, но и характеристикой того, как некоторыми предпринимателями разрешалась проблема жилищного устройства рабочих. Беляков работал у парового котла на фабрике бр. Юдиных, находившейся в Токмаковом переулке Москвы. 8 ноября 1896 г. по окончании работы он лег спать в кочегарке — месте, отведенном ему для ночлега. Проснулся он от шума угарных удушливых паров, вырывававшихся из парового котла и причинивших ему опасные ожоги лица, шеи, рук, плеч и правого бока, что подтверждалось копией скорбного листа из Басманной больницы и копией полицейского протокола. 16 февраля 1898 г. Беляков подал в Московский окружной суд исковое прошение, жалуясь на повреждение обеих рук и на боль в спине и боку, что привело к потере трудоспособности.

В полученном увечьи Беляков всецело обвинял администрацию фабрики, не принявшую мер по надлежащему устройству паровой машины, установленной на фабрике незадолго до несчастья. Полицейским протоколом о происшедшем случае подтверждалось, что, по показаниям самого Белякова и свидетелей, пар из котла вырвался через предохранительный клапан, потому что перегорел сальник. Беляков просил назначить с ответчика пенсию по 120 руб. в год. 10 сентября 1899 г. на основании заключения эксперта, производившего осмотр парового котла и утверждавшего, что Беляков мог получить ожоги лишь по своей неосторожности, производя манипуляции с предохранительным клапаном, и на основании заключения врача, признавшего Белякова трудоспособным, Московский окружной суд постановил в иске Белякову отказать. Рассмотрев апелляцию Белякова, Московская судебная палата 25 августа 1900 г. постановила решение Московского окружного суда утвердить, возложив на Белякова издержки апелляционного производства¹⁰.

Вообще нужно отметить, что как окружной суд, так и судебная палата отказывали в иске рабочему, если он не мог доказать бесспорность этого иска, т.е. явную вину администрации фабрики или завода в постигшем его несчастии. Стоило свидетелям, пусть даже подставным или запуганным страхом увольнения, выступить против истца, и он проигрывал дело. Если же против него говорили заключения технических и медицинских экспертов, то его дело можно было заранее считать безнадежным.

Были, однако, в судебной практике по исковым делам за увечье случаи, когда судейские чиновники вынуждены были безоговорочно назначать в пользу истца просимое пособие и давать резкую отповедь проискам предпринимателей, стремившихся отвертеться от лишних расходов.

Вот дело по иску А.П.Трофимовой к "Т-ву кожевенной и суконной фабрик Алексея Бахрушина С-я". В исковом прошении в Московский окружной суд от 1 июля 1897 г. говорится: "10 февраля 1897 г. Трофимова получила увечье на фабрике ответчика — она попала левой рукой в чесальную

машину, у которой работала; валиками машины ей изломало руку, так что впоследствии в больнице руку пришлось ампутировать. Несчастье это произошло по вине администрации фабрики: у машины был приводной ремень, опасно расположенный и ничем не огражденный, ремнем этим захватило платье потерпевшей, которая, испугавшись, инстинктивно отстранилась и рукой оперлась на валики работавшей машины, которыми ей и причинило увечье. Произошло все это в 5 час утра, когда было темно, а, между тем, лампы около машины не было. Лишь после несчастья администрация фабрики распорядилась ремень закрыть футляром и повесить у машины лампу. В настоящее время Трофимова, еще молодая девушка, конечно, совершенно не способна ни к какой работе, не говоря уже о том, что потеря руки и в будущем обрекает ее на жизнь одинокую и тяжелую. Служить на фабрике она только что начала, а ее, неопытную поставили к опасной машине. Трофимова зарабатывала 6 руб. 75 коп. при хозяйской квартире, которую надлежит ценить по 3 рубля с лишком, а в будущем, разумеется, должна была рассчитывать на гораздо больший заработок". Далее поверенный просил суд назначить Трофимовой с ответчика пенсию в 120 руб. ежегодно. Трофимова пользовалась "правом бедности". ("Право бедности" удостоверялось властями после осмотра имущественного состояния просителя и означало его неспособность к уплате судебных издержек. Этим "правом" пользовались и некоторые из ранее упоминавшихся искалеченных рабочих).

Из имеющейся в деле копии с истории болезни Трофимовой видно, что она хорошо понимала, чем грозит ей ампутация руки и отказывалась от нее. Однако начавшаяся гангрена заставила врачей сделать ампутацию насильно. Технический эксперт суда, обследовавший на месте происшествия машину и опросивший свидетелей, писал в своем заключении, что "причину несчастья с Трофимовой следует приписать скорее ... недостаткам в устройстве машины и в обстановке (отсутствие ограждения нижних шкивов, недостаток освещения и скользкий пол), чем собственной неосторожности потерпевшей Трофимовой". Учитывая бесспорность иска,

Московский окружной суд постановил 30 октября 1898 г. удовлетворить иск полностью и возложить все судебные и за ведение дела издержки на ответчика.

Московская судебная палата, рассмотрев апелляцию владельцев фабрики, 28 апреля 1899 г. писала, что "обсуждая спор в пределах апелляционной жалобы, Судебная палата прежде всего остановилась на вопросе о законности уполномочия присяжного поверенного Головина, предъявившего иск от имени и по доверенности Трофимовой. Из дела видно, что Трофимова, 17 лет, выдала доверенность с согласия назначенного ей сельским сходом попечителя, но т.к. на сходе участвовали не только домохозяева-мужчины, но наполовину и женщины, то, по мнению апеллятора, в таком составе ход нельзя признать законным, незаконно его постановление о назначении попечителя и незаконно уполномочие поверенному, данное с согласия такого попечителя".

Судебная палата отвергла эти "юридические" выверты апелляторов, доказав соответствующими статьями закона, что Трофимова могла и без согласия попечителя уполномочить поверенного на ведение ее дела. Далее апелляторы просили допросить одного их свидетеля, который "может быть покажет что-либо в их пользу". Судебная палата отвергла и это домогательство, заявив, что "свидетели допрашиваются в тех случаях, когда, по заявлению ссылающейся на них стороны, они могут удостоверить событие, имеющее в деле существенное значение, а поскольку, постольку в данном случае апеллятор сам не знает, что может удостоверить свидетель, то вызывать такого нет смысла". Палата дала довольно резкую отповедь и на последний пункт заявления апелляторов о судебно-медицинском освидетельствовании Трофимовой на предмет определения ее способности к труду. В постановлении палаты по этому пункту не без сарказма было сказано: "Скорбным листом Яузской больницы доказано, что у Трофимовой рука ампутирована выше локтя. Крестьянка без руки — не работница; она не может исполнять никаких, даже самых простых вещей, как, например, месить хлеб, ставить варево в печку, молотить и т.д. Все это доступно пони-

манию всякого и спрашивать по этому поводу еще заключения врача совершенно излишне".

Судебная палата утвердила решение окружного суда по иску Трофимовой, возложив издержки апелляционного производства на апелляторов. Последние на этом не успокоились и подали кассационную жалобу в Сенат. Но факт с Трофимовой был, настолько ясным и "доступным пониманию всякого", кроме фабрикантов, что указом Сената от 12 июля 1901 г. их жалоба была оставлена без всяких последствий¹¹.

Таким образом, и в текстильной промышленности с охраной труда и техникой безопасности дело обстояло не лучше, чем в металлообрабатывающей. Отсутствие ограждений на станках и машинах, неснабжение рабочих необходимыми предохранительными инструментами для работы, утомление и сверхурочные работы, наконец, необученность рабочих и равнодушие предпринимателей к сохранению здоровья и жизни рабочих — эти и подобные им причины вели к частым и иногда довольно тяжелым увечьям.

Эти же причины приводили к несчастным случаям в других отраслях промышленности г. Москвы. Остановимся кратко на некоторых примерах.

Из поискового прошения в Московский окружной суд рабочего С.П.Галягина от 25 апреля 1892 г. видно, что он, работая кочегаром на фабрике Т-ва Резиновой мануфактуры, 27 ноября 1891 г. потерпел увечье при следующих обстоятельствах. Протирая во время работы водокачку, он попал в нее рукой, которая была сильно искалечена. Предъявление иска к Т-ву Резиновой мануфактуры он мотивировал тем, что подобные работы во время хода машин производились всегда с ведома и по приказанию администрации фабрики. Галягин зарабатывал в месяц от 18 до 21 руб. и иск предъявил на пожизненное ежемесячное пособие в 20 руб. Дело это, однако, не было решено судом и последствия его неизвестны¹².

Жена и двое малолетних детей А.Т.Строева предъявили 15 января 1897 г. через Московский окружной суд иск к вла-

дельцу аммиачно-спиртового завода Винкелю за смерть мужа и отца, который 9 июля 1895 г. при разборке строительных лесов на заводе был задавлен и через 3 дня умер. Иск предъявлялся на 130 руб. ежегодного пособия до совершеннолетия детей. Суд отказал в удовлетворении иска с той мотивировкой, что Строев, будучи печником, работал у Винкеля, но находился на службе у подрядчика Агапова, который являлся не доверенным Винкеля, а самостоятельным работодателем. Подтверждением этого служил счет, предъявленный Агаповым Винкелю за работы, при которых потерпел увечье и умер Строев. Рассмотрев апелляцию Строевых, Московская судебная палата 20 августа 1899 г. утвердила решение окружного суда, и семья осталась без средств к существованию по той причине, что муж и отец имел несчастье работать не у заводчика Винкеля, а у подрядчика Агапова¹³.

П.И.Канаев работал в заведении минеральных вод купца Р.Р.Липкина. 19 июня 1895 г. осколками от лопнувшей бутылки лимонной воды ему выбило глаз и сильно повредило другой. Канаев получал в месяц 13 руб. при хозяйской квартире и харчах, ввиду чего месячный заработок определялся в 20 руб., на какую сумму ежемесячного пожизненного пособия и предъявлялся 5 ноября 1897 г. иск к Липкину. Последний обвинялся в непринятии мер предосторожности при опасной работе по изготовлению шипучих вод. После почти двухлетней волокиты с опросом свидетелей, с медицинской экспертизой пострадавшего и т.п., Московский окружной суд 24 июня 1899 г. в иске Канаеву отказал с той мотивировкой, что, по показаниям свидетелей, бутылка разорвалась не во время работы с ней Канаева, а уже готовой и поставленной на стол, что Липкин заставлял рабочих надевать специальные маски, а они этого не делали. Суд, однако, не учел показаний свидетелей — рабочих о том, что они не надевали маски потому, что те были непригодны для работы.

26 октября 1901 г. по апелляции Канаева судебная палата поручила окружному суду "освидетельствовать истца через врача для выяснения болезненного состояния его и связи

этого состояния с указанным им событием, а также для определения утраты им степени трудоспособности".

Прошло еще полтора года, и несмотря на то, что медицинская экспертиза подтвердила факт ослепления одного глаза Канаева и ослабления зрения другого, судебная палата 21 января 1903 г. утвердила решение окружного суда об отказе в иске, возложив на Канаева уплату всех судебных издержек¹⁴.

Условия труда на предприятиях приводили не только к взрослому, но и к детскому травматизму. Так, малолетний Я.Д.Балабанов 6 марта 1896 г. поступил чернорабочим на водочный завод Шустова и был поставлен на работу к бензиновой горелке, служившей для клеймения пробок. В тот же день горелка лопнула в руках Балабанова, и он, получив сильные ожоги пальцев и кисти левой руки, не смог продолжать работу и уволился 18 февраля 1897 г. 21 апреля 1897 г. он подал в Московский окружной суд прошение о назначении с администрации завода ежегодной пожизненной пенсии в 120 руб. (Зарплата ему была определена в 9 рублей ежемесячно при хозяйской квартире. Интересно, что дело Балабанова, как и некоторые другие, вел помощник присяжного поверенного Л.В.Собинов, впоследствии знаменитый певец и оперный артист). Дело Балабанова было прекращено по заявлению Собинова, т.к. по нему была заключена "мировая сделка", условия которой неизвестны¹⁵.

Наконец, самой крупной группой судебных исковых дел за увечье и смерть в фонде Московского окружного суда являются дела по искам к правлению железных дорог. Большое количество их исходит от лиц, не связанных с железными дорогами трудовыми отношениями (иски за смерть и увечье задавленных поездами), но немало имеется исков и самих железнодорожников, потерпевших увечье, или их родственников за смерть мужа, отца и т.п.

Особые условия работы железнодорожного транспорта вели к тому, что даже малейшее упущение в технике безопасности, вызывало несчастный случай. Так, из искового дела осмотра вагонов Главного общества Российских же-

лезных дорог Ф.А.Янковского к Обществу Московско-Курской жел. дороги видно, что Янковский по вине ответчика был 17 декабря 1889 г. сшиблен поездом с моста на ветке, соединявшей Николаевскую, Курскую и Нижегородскую жел. дороги. Мост этот не имел перил, но приемщики и осмотрщики вагонов должны были, за неимением другого пути, ходить по нему, хотя на нем не было даже сторожа, могущего предупредить о приближении поезда. При падении с моста Янковский получил перелом бедра и повредил лицо, вследствие чего, по заключению врача, наполовину потерял трудоспособность. Московский окружной суд признал иск правильным, но присудил Янковскому меньше половины просимого им пособия — 1500 рублей вместо 3600 руб.¹⁶

Однако из случая с Янковским не следует делать вывода, что суд удовлетворял, хотя бы наполовину иски к администрации железных дорог. Так, А.А.Кутузов 15 декабря 1893 г. поступил на службу по линии М.-Казанской ж.д. дорожным мастером. Для заведования ему был отведен участок в 20 верст. Зимой этот участок ничем не отличался от других и, когда в марте 1894 г. Кутузов был освидетельствован врачом, он был признан совершенно здоровым и вполне годным к службе. Но с наступлением весны обнаружилось, что участок Кутузова пролегает по низкому болотному месту, которое выделяло массу гнилых испарений, а само полотно дороги заливало водой. Это не замедлило сказаться на здоровье Кутузова, и к концу лета 1894 г. у него начали болеть и пухнуть ноги, а осенью стали притупляться зрение и слух. Когда в мае 1895 г. Кутузов был вторично освидетельствован тем же железнодорожным врачом, то был признан тяжело больным и совершенно непригодным к службе. Естественно, что после этого он был немедленно уволен с работы, причем ему выдали зарплату лишь по день увольнения и даже не поместили на излечение в железнодорожную больницу. "Оставшись в таком печальном положении и прожив последние средства", как писал в исковом прошении в Московский окружной суд поверенный истца, Кутузов, наконец, вошел в правление М.-Казанской ж.д. с прошением от 30 июля

1895 г., в котором ходатайствовал о выдаче ему пособия. Пенсионная касса дороги назначила его к медицинскому освидетельствованию, но в пособии ему было отказано. После этого Кутузов подал 10 января 1896 г. исковое прошение в Московский окружной суд о взыскании с Общества М.-Казанской ж.д. 1590 руб., из которых 1500 руб. в качестве единовременного пособия, а 90 руб. в качестве жалования, которое по уставу Общество должно было выплатить ему за три месяца вперед при увольнении без всякого повода с его стороны.

Как же отнесся окружной суд к этому, казалось бы, бесспорному иску? 6 февраля 1896 г. он постановил отказать Кутузову в иске и, сверх того, возложил на него уплату судебных и за ведение дела издержек. Мотивировка отказа была та, что правление ж.д., в силу соответственно подобранной статьи закона, отвечало за увечья (но не здоровье) и смерть служащих лишь в том случае, если они произошли при эксплуатации жел. дорог и были вызваны "техническими или хозяйственными особенностями железнодорожного дела" по неосмотрительности железнодорожных правлений, или по другой их вине, и отнюдь не обязаны были "вознаграждать всех заболевших и получивших расстройство здоровья, вызванное атмосферными влияниями или какими-либо неблагоприятными условиями местности, где производились работы", т.к. "наклонность к таким заболеваниям и степень расстройства здоровья несомненно обуславливается индивидуальными особенностями и общим состоянием организма каждого данного лица". Кутузов обжаловал это решение суда в Московской судебной палате, которая 18 октября 1899 г. постановила, выслушав дело, "производство судебной палаты, за истечением 3-х лет со дня его приостановления считать уничтоженным"¹⁷. Следовательно, стоило судебным органам приостановить разбирательство иска на 3 года, и дело вообще считалось уничтоженным или сданным в архив, причем подобных случаев в судебной практике было немало.

В тех случаях, когда суд удовлетворял иск искалеченного рабочего и присуждал ему мизерное пособие, положение та-

кого рабочего и его семьи бывало немногим лучше, чем при отказе в пособии. Нижеследующий пример подтверждает сказанное.

Рабочему-железнодорожнику И.И.Козлову решением Московской судебной палаты от 24 марта 1881 г. была присуждена в вознаграждение за увечье, полученное на службе, пожизненная пенсия в 12 руб. ежемесячно от управления М-Курской ж.д. Через 15 лет, 12 января 1896 г. Козлов подал в Московский окружной суд новый иск к управлению, в котором писал: "Пока не наступила старость, я, выбываясь из сил, добивался некоторой возможности дополнять кое-какие зарабатываемые деньги к этому недостаточному содержанию от управления. Но вот уже более пяти лет, как старческий возраст и последствия увечья, особенно сильно проявляющиеся при нем, лишают меня возможности зарабатывать какое-нибудь дополнение к получаемому содержанию и, так сказать, толкают на тот путь, который унижает человеческое достоинство — это путь выпрашивания частной помощи, или нищенства. Во избежание такого унижительного и законно наказуемого положения, которому при моей трудоспособности и без увечья я не мог бы подвергнуться, я вынужден прибегнуть к защите справедливой судебной власти с просьбой о понуждении управления увеличить выдачу им мне пенсии вместо прежней до 25 рублей ежемесячно по такому минимальному расчету: помещение или убежище — 5 руб., пища — 8 руб., одежда, обувь, лечение и прочие непредвиденные издержки — 12 руб."

Судебная власть, однако, отказала ему в иске, мотивировав отказ тем, что "на основании п. 6 ст. 683 т. X, ч. I Зак. Гр. размер срочного пособия, определенного по судебному решению в вознаграждение за причиненные при эксплуатации жел. дороги вред и убытки, может быть увеличиваем вследствие просьбы стороны, получающей пособие, лишь в случае обнаружившихся впоследствии новых обстоятельств, причем эти последние, по смыслу этого закона, имеют характер непредвиденных фактов, возникающих неожиданно и случайно. Но к числу этих обстоятельств не может быть от-

несено наступление старости, каковой момент истец Козлов указывает основанием своего иска. Старость, как естественное условие физической личности и как неизбежное последствие продолжительности жизни человека, сама собою не может произвести изменения установленных юридических отношений между истцом и ответчиком; поэтому наступающая пора старости не открывает для истца права на предъявление новых требований к дороге-ответчице, обязанной уплачивать лишь определенное судебным решением денежное пособие". Московская судебная палата, в ответ на апелляцию Козлова, безоговорочно утвердила решение окружного суда¹⁸.

Только за 90-е гг. XIX в. и только по г. Москве можно было бы привести еще сотни примеров с исками за увечье, каждый из которых был бы важен как с точки зрения изучения вопроса об охране труда рабочих и постановки техники безопасности, так и отношения судебных органов к искам искалеченных рабочих. Но и того, что приведено выше, достаточно, чтобы сделать некоторые выводы об этой группе документов. Судебные исковые дела за увечье и смерть рабочих показывают отсутствие охраны труда и слабую технику безопасности на фабриках, заводах, железных дорогах и других промышленных предприятиях и заведениях. Большинство прошений рабочих не удовлетворялось судом, и лишь в неоспоримых случаях, назначалось пособие, как правило, мизерное. Предприниматели всячески стремились избежать денежной ответственности за полученные рабочими увечья, обвиняя последних в "неосторожности", а законы об ответственности предпринимателей за увечья и смерть были составлены так, что позволяли судейским чиновникам толковать их в пользу предпринимателей.

Следует отметить также, что не всякий пострадавший, если он не пользовался так называемым "правом бедности", мог обратиться в суд, т.к. расходы на адвоката и на судебные издержки были так велики, что в случае удовлетворения иска поглощали львиную часть присужденного пособия. Если же обстоятельства, при которых было получено увечье, были сомнительны в смысле получения пособия, то адвокаты во-

обще не брались за такое дело, зная, что при проигрыше дела с рабочего трудно будет что-либо получить.

Наконец, судебные исковые дела за увечье и смерть рабочих свидетельствуют об отсутствии какой бы то ни было системы обеспечения рабочих в случае утери ими здоровья или наступления старости. Раз рабочий обращался за назначением пособия в суд, значит никакого иного пути у него не было.

---

¹ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 4. Д. 100. Л. 1, 2, 19.

² Там же. Д. 1393. Л. 1, 8, 9.

³ Там же. Д. 760. Л. 1, 41, 42, 45, 57.

⁴ Там же. Оп. 5. Д. 680. Л. 1, 46-51.

⁵ Там же. Д. 721. Л. 1, 32.

⁶ Там же. Оп. 4. Д. 67.

⁷ Там же. Оп. 5. Д. 74. Л. 30.

⁸ Там же. Д. 134. Л. 1, 4, 34.

⁹ Там же. Д. 698. Л. 2, 59, 60.

¹⁰ Там же. Оп. 4. Д. 1385. Л. 1, 6, 55-57, 59-60.

¹¹ Там же. Д. 121. Л. 2, 27-28, 32, 44, 46-49.

¹² Там же. Оп. 5. Д. 70.

¹³ Там же. Д. 101. Л. 2, 49, 63.

¹⁴ Там же. Д. 719. Л. 1, 67-68, 70, 103-104.

¹⁵ Там же. Д. 720. Л. 1, 11.

¹⁶ Там же. Д. 663. Л. 37-38.

¹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 93. Л. 1-2, 11-13, 15.

¹⁸ Там же. Д. 54. Л. 1, 11-12, 17.

РАБОЧИЕ РАСЧЕТНЫЕ КНИЖКИ В РОССИИ XIX ВЕКА

Развитие России привело к появлению документальных материалов, отражавших потребности формирования и эволюции производительных сил и новых капиталистических производственных отношений. На уровне отдельного предприятия создававшиеся документы фиксировали производственную, торговую деятельность, реализацию прибылей владельца-капиталиста, внутренний распорядок работы и т.д. Функционирование новых документов определялось фабричным законодательством (по характеристике К.Маркса, необходимым продуктом крупной промышленности¹). Унификация и стандартизация такой документации, чему способствовали правительственные нормативные акты, были в конечном итоге связаны с общим уровнем развития капитализма в стране.

В процессе изучения истории России периода капитализма все новые виды источников из общего огромного массива документации того времени становятся объектами источниковедческого внимания². Одним из характерных документальных свидетельств взаимных отношений капиталистов и наемных рабочих в России XIX в., получивших широкое распространение, являлись рабочие расчетные книжки, к которым следует относить и отличные по названию, но аналогичные по назначению документы.

В научной литературе вызывали интерес некоторые аспекты рассмотрения расчетных книжек российских рабочих, привлекались отдельные содержащиеся в них сведения. В дореволюционное время обращение к рабочим расчетным книжкам, их истории, было связано с официальными попытками изменения и дополнения действовавшего фабрично-заводского законодательства³, с развитием в конце XIX — начале XX в. общего интереса к истории фабрично-заводского законодательства⁴, зарождавшимся вниманием к положению рабочего класса⁵. Ссылки на рабочие расчетные

книжки, расчетные тетради и рядные листы в работах советских историков — это, как правило, — отдельные примеры, иллюстрирующие положение рабочего, а также промышленной политики царизма. Из исследований, затрагивающих историю разработки документов фабрично-заводского найма в дореформенный период, можно выделить лишь книгу Б.Н.Казанцева о рабочих Москвы и Московской губернии⁶.

В настоящей статье, имеющей целью привлечь внимание к договорно-расчетным документам об использовании на фабриках и заводах России XIX в. наемного труда, остановимся на становлении таких документов и их специфике как исторического источника.

Изучение договорных отношений между владельцами фабрик, заводов и мануфактур и рабочими людьми, заключавшихся в устной или письменной форме, показывает, что долгое время они складывались без какого-либо законодательного вмешательства и официального регулирования условий найма. Специфика неземледельческого наемного труда дореформенной России, когда значительную часть работников на промышленных предприятиях составляли крепостные крестьяне⁷, отпускаясь на определенный срок их помещиками, вызвала потребность в законодательной постановке вопроса о необходимости договоров и расчетов по найму.

Первым узаконением XIX в., предусматривавшим заключение предпринимателями с рабочими письменных условий найма и выдачу им расчетных листов, можно считать "Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму" от 24 мая 1835 г.⁸. Происхождение этого закона свидетельствует, что инициатива в официальном регулировании условий фабрично-заводского найма исходила от владельцев предприятий, заинтересованных в использовании нанятых ими крепостных крестьян до окончания срока их паспорта и недовольных стремлением помещиков отзываться своих крепостных, когда им заблагорассудится. Однако пункт закона о выдаче владельцами фабрик и заводов нанимавшимся работникам рядных листов с фиксацией в них условий найма и

оплаты работы, не будучи обязательным, остался "мертвой буквой"⁹.

Распространение унифицированных документов об условиях фабрично-заводского найма и расчетов с рабочими оставалось актуальным. Своеобразным показателем интереса к таким документам является "Дело об изобретенных чиновником 12-го класса Максимовым книжек для расчета с рабочими", сохранившееся в фонде Канцелярии московского генерал-губернатора за 1841–1842 гг.¹⁰. Оно было заведено в связи с отстаиванием Максимовым своего приоритета на введение таковых книжек для учета в них расхода сырья, произведенной работниками продукции, для учета фабрикантов и владельцев ремесленных мастерских с их мастеровыми и рабочими. Книжки должны были разрешать "неудовольствия" между предпринимателями и наемными людьми по различным вопросам. В Московском отделении мануфактурного совета образец книжки, предложенный Максимовым, был отвергнут из-за распространения более подробных "рядных листов" и "книжек" "частным образом" на большинстве фабрик и мануфактур Московской губернии.

В 30-50-х гг. XIX в. неоднократно высказывались мнения о регулировании договорных отношений владельцев промышленных предприятий и рабочих путем введения унифицированных документов найма. Этим занимались московские генерал-губернаторы Д.В.Голицын, А.Г.Щербатов и А.А.Закревский, совещательные учреждения по промышленности Министерства финансов¹¹.

Уже в дореформенных образцах расчетных книжек (или расчетных тетрадей), несмотря на их дополнения и изменения в разных проектах, просматривалась единая структура таких документов. Ее компонентами, как правило, являлись следующие группы сведений:

- 1) показатели, аннотировавшие владельца книжки-тетради, место его работы, общие сроки и условия найма;
- 2) общие правила в отношении хозяина и рабочего, определенные действовавшим законодательством;

3) правила, касавшиеся времени прихода работника на свое рабочее место, возможностей ухода с фабрики в рабочее время, выдач денег за работу вперед и др.;

4) сведения о выданных рабочему деньгах и вычетах.

Во всех этих образцах видим единую трактовку законодательных норм о найме, требования о "послушном", "почтительном" отношении рабочего к хозяину, его семье, фабричной администрации.

Не став обязательной по закону, договорно-расчетная документация наемного труда дореформенного времени оказала заметное влияние на постановку вопроса об этих документах в пореформенный период.

Пореформенное российское законодательство проявляло устойчивый интерес к документам, которые должны были закреплять условия и результаты наемного труда. Три проекта нового промышленного устава, подготовленные в комиссии А.Ф.Штакельберга (1862, 1863 и 1865 гг.), включали статьи о расчетных книжках или расчетных тетрадях, исходя из проектировавшихся образцов их 50-х гг.¹².

Первым пореформенным законом, затронувшим тему расчетных книжек как документа найма, были "Временные правила для найма сельских рабочих и служителей" от 1 апреля 1863 г. В соответствии с его нормами рабочие книжки вводились "для обеспечения правильного исполнения условий по найму в сельские работы и служительские должности по хозяйству и для удобства расчетов между нанимателями и нанимавшимися"¹³.

Следующий шаг в выработке стандартизированной договорно-расчетной документации для наемного труда связан с разработкой устава о личном найме, где этот аспект был одним из центральных.

В 1871 г. специальной комиссией во главе с членом Государственного совета П.Н.Игнатьевым был подготовлен проект устава о личном найме рабочих и прислуги. Для закрепления одиночного и артельного найма он предусматривал рабочие книжки и расчетные тетради одновременно. Рабочая книжка характеризовалась как обязательство нанимавшегося на работу. В ней должны были отмечаться имена и фамилии

лиц, вступивших в договор, род работы или службы, срок найма, размер оплаты и штрафов за прогул, обеспеченность жильем, питанием и некоторые другие сведения. Расчетная же тетрадь рассматривалась как документ, фиксирующий обязательства нанимателя. Она повторяла сведения рабочей книжки об условиях найма, включала отметки о всех денежных и натуральных выплатах нанявшимся, о штрафах, которые на них накладывались, расчетах за питание. Рабочая книжка должна была подписываться нанимавшимся или лицом, кому он доверял, и храниться у нанимателя; расчетная тетрадь — подписывалась нанимателем, а хранилась у нанимавшегося¹⁴. При обсуждении проекта в комиссии из этих двух документов договора найма внимание привлекла исключительно рабочая книжка, выявились различное отношение к ней со стороны членов комиссии. Разногласия касались степени подробности ее формуляра и обязательности как документа найма. Часть членов выступила за издание единой по форме для всех видов найма книжки с самыми общими указаниями в ней условий договора. Другие члены считали, что в рабочую книжку следует включить как можно больше вопросов о договорных требованиях и обязательствах, что форму этого документа "надлежит соображать с указаниями опыта и действительными потребностями"¹⁵.

При рассмотрении вопроса о степени обязательности наличия рабочей книжки при всяком договоре о личном найме за ее "безусловную обязательность" выдвигалось два аргумента: 1) наличие ее у нанимавшегося должно являться свидетельством его свободы по отношению к прежним договорам найма; 2) отметки в ней о прежних договорах, их продолжительности — показатель для нового нанимателя, что "он может ожидать от предлагающего ему свой труд"¹⁶. Противники обязательной рабочей книжки заявляли, что она затруднит личный наем, "стеснит нанимающегося", не будет надежной опорой договора найма¹⁷. Последняя позиция отразилась в проекте устава комиссии Игнатъева. Его статьи говорили о значении рабочих книжек "для облегчения сторон в порядке заключения договора", и о том, что они "могут быть употреб-

ляемы", т.е. о рекомендательном применении этих документов.

В 1872—1873 г. в Министерстве внутренних дел в противовес проекту комиссии Игнатьева был подготовлен новый проект устава о личном найме рабочих и прислуги¹⁸. Его статьи о рабочих книжках и расчетных тетрадах сохранили обоснование необходимости таких документов, а также их содержания, данное им в предшествующем проекте, но они должны были стать обязательными во всех видах найма при письменных и словестных договорах, причем словестным договором считался сам факт вручения рабочей книжки нанявшегося хозяину. Рабочую книжку предполагалось получать по месту прописки нанявшегося (в волостном правлении или местных полицейских учреждениях).

Новый юридический статус рабочих книжек нашел поддержку в Московском биржевом комитете. Обсуждая проект, комитет высказался за их выдачу на продолжительное время, за фиксацию в них всех расчетов хозяев с работниками. Такой подход отражал заинтересованность предпринимателя в более убедительном свидетельстве о нанимавшемся. Значительно меньше и в этом проекте говорилось о расчетных тетрадях — письменных условиях найма, исходивших от нанимателя.

Вскоре после появления проекта Министерства внутренних дел последовало распоряжение Александра II о создании новой комиссии для подготовки уже "сводного" законопроекта о найме. В 1875 г. глава комиссии П.А.Валуев, занимавший в это время пост министра государственных имуществ, подготовил положение о найме рабочих, в котором в подходе к договорно-расчетным документам найма пытался соединить позиции обоих предшествующих проектов. В специальном разделе проекта, посвященном рабочим книжкам, они рассматривались как возможные к употреблению документы "для обеспечения исполнения договоров", но могли применяться при письменной и словестной форме договора найма¹⁹. В самой комиссии при обсуждении проекта отрицательное отношение к обязательной рабочей книжке было единым мнением, хотя большинство членов терпимо отнес-

лось к возможности их использования как неких гарантов прочности договорных отношений. Меньшая же часть членов комиссии сочла ее во всех видах найма "обременительной для предпринимателя"²⁰.

Документация, фиксирующая условия найма и расчеты по его итогам, оказалась в центре внимания Государственного совета при рассмотрении в нем проекта комиссии Валуева. Трактовке этого вопроса в валуевском проекте здесь были противопоставлены свои проекты правил о рабочих книжках и расчетных тетрадах ряда его членов: один — из 16-ти статей, другой — из 13-ти²¹. Не отличаясь оригинальностью в предложениях, являясь плодом различных компиляций из предшествующих проектов о найме, новые проекты по, казалось бы, узкому аспекту найма, не содействовали одобрению в высшем законосовещательном учреждении России и проектов общих правил найма.

Вопрос об официальном применении унифицированной договорно-расчетной документации о наемном труде, вызванной к жизни развитием капиталистического производства, ростом масштабов использования наемной рабочей силы, долгое время не получал оперативного утверждения в русском законодательстве.

В пореформенный период предпринимались также действия по официальной регламентации договорно-расчетной документации рабочего найма в пределах отдельных городов, промышленных центров и регионов. Она осуществлялась административно-исполнительной и полицейской властью в рамках обязательных постановлений, правил внутреннего распорядка, составлявшихся с учетом правил отдельных фабрик и заводов. Так, в правилах внутреннего распорядка, утвержденных московским обер-полицмейстером Араковым 12 ноября 1870 г., вопрос об обязательной расчетной тетради не ставился, но ее необходимость все же пропагандировалась. Правила широко освещали круг записей в этом документе. За опоздание более, чем на 15 минут, записанное в рабочую тетрадь, следовало взыскание, равное работе за целый день, а за прогул одного дня — взыскание трехдневной оплаты рабочего. Возвращение рабочего в праздничные дни в свое жилое

помещение, находившееся в фабричных зданиях, позднее 10-ти часов летом и 8-ми часов вечера зимой наказывалось взысканием "в пользу бедных и больных фабричных рабочих", равное плате за рабочий день. Не только ночлег знакомых и родных рабочего, живущего в здании фабрики, без разрешения владельца или конторы, но и просто посещение их "на такое время, которое превосходит краткость обыкновенного свидания", наказывалось штрафом, равным трехдневной плате рабочего. Владелец расчетной тетради имел недельный срок для жалобы в местный суд на запись в ней взысканий "за порчу изделий". От него же требовался перерасчет полученной денежной платы сразу же после выдачи, иначе какие-либо претензии на недоплату не принимались. Таким образом, расчетная тетрадь играла активную роль в утверждении тюремно-казарменных порядков на фабриках и заводах Москвы.

1 мая 1880 г. обер-полицмейстером А.А.Козловым были утверждены новые правила внутреннего распорядка на фабриках и заводах в г. Москве²². От правил 1870 г. они отличались широтой в постановке вопроса о внутрифабричных или внутризаводских порядках. Отдельные пункты касались запрещения стачек и забастовок рабочих, требования о неизменности установленной при найме оплаты, запрещения оплаты работы вместо денег товаром и хлебом, невмешательства владельца фабрики или завода в организацию питания мастеровых, предоставления им помещения для хранения продуктов, если питание производилось артельно, и др. В правилах-объявлении при перечислении праздничных нерабочих дней делался пропуск, заполнявшийся с учетом нерабочих дней на отдельном предприятии.

Правила открывались требованием о снабжении каждого рабочего, поступившего на фабрику или завод, договорно-расчетным документом, называвшимся в них расчетной книжкой. В книжке "ясно и точно" должны определяться срок найма, месячная или сдельная плата и "прочие необходимые условия". Однако основные требования, фиксировавшие размеры штрафов за прогул, за опоздание на работу, допустимое время отсутствия на фабрике в праздники и т.п., повторяли

аналогичные требования для расчетных тетрадей в правилах 1870 г.

Обязательным постановлением московского генерал-губернатора от 19 декабря 1889 г. (также отпечатанным в виде объявления) запрещалась наемная работа в промышленных, ремесленных и торговых заведениях, в строительстве, в гостиницах и трактирах, в частных театрах и цирках "без установленных расчетных книжек". По этому требованию расчетные книжки функционировали в двух экземплярах, один из которых хранился у нанимателя, другой — у нанявшегося²³.

Вероятно, подобного рода объявления от лица местных властей появлялись и в других промышленных центрах и регионах. Но они не решали возникавших проблем регулирования взаимоотношений фабрикантов и рабочих, надзора за ними в масштабе всей страны, т.е. не снимали вопроса о разработке законодательных актов во всероссийском масштабе.

Изучая фабрично-заводское законодательство пореформенной России, мы видим, что рабочее движение на протяжении этого времени являлось важнейшим ускорителем разработки и принятия фабрично-заводских узаконений во всем многообразии их проблематики. Именно оно ставило вопрос об официальном регулировании условий наемного труда. Однако долгие годы такое регулирование оставалось разрозненным и стихийным.

Качественно новый этап борьбы рабочих начался со знаменитой Морозовской стачки 1885 г. "Полное изменение условий найма между хозяином и рабочими по изданному государственному закону", — таково было одно из требований, "по общему согласию рабочих", выработанное в ходе стачки²⁴. Ответом российского самодержавия на Морозовскую стачку стал закон "По проекту правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа членов фабричной инспекции" от 3 июня 1886 г.²⁵.

Этот закон уделил значительное внимание расчетным книжкам. Во вступительной его части, касавшейся характера

изменений Устава о промышленности фабричной и заводской в связи с введением новых норм и правил, выдача рабочему расчетной книжки с показателями условий найма и для фиксации расчетов и штрафов во время работы трактовалась как акт заключения договора найма. Отмечалось, что расчетная книжка хранится у рабочего и передается в контору фабрики или завода для записей.

Более широко освещали договорно-расчетную документацию правила о надзоре, вошедшие в текст закона от 3 июня 1886 г. Рабочая книжка рассматривалась как обязательный документ для выдачи каждому рабочему, допущенному к фабричной работе. Оговаривалась лишь возможность выдачи общей расчетной книжки для родителей с несовершеннолетними детьми, работавшими вместе. Допускалась работа без книжек для рабочих, "нанятых для исполнения на фабрике обязанностей или работ, не составляющих предмет фабричного производства". В правилах устанавливался не более чем недельный срок для выдачи книжки рабочему, допущенному к работе, и для возвращения ее из конторы после записи производственных расчетов. Предусматривалось денежное взыскание (от 5 до 25 руб.) с заведующего предприятием за использование рабочего без расчетной книжки или за неправильное ее заполнение. Образец книжки должен был утверждаться губернским по фабричным делам присутствием — новым органом в составе губернской администрации со строго определенными лицами из верхнего слоя губернского чиновничества, созданным "для надзора за соблюдением на фабриках и заводах должного благоустройства и порядка". Правила перечисляли сведения о рабочем и конкретных условиях найма, которые должны быть отражены в расчетной книжке, затрагивали вопрос об освещении в ней действовавшего на предприятии распорядка, обязательного для рабочего.

Закон от 3 июня 1886 г. стал основным нормативным актом, определившим предназначение, юридическую силу и функционирование в комплексе документов о фабрично-заводском труде в России конца XIX в. рабочих расчетных книжек. Его нормы, вошедшие в действовавший устав о

промышленности, не только обусловили характер расчетной книжки как документа найма, состав ее сведений, процедуру утверждения и выдачи ее рабочему, но и сами стали составной частью текста отдельной книжки. Кроме того, закон способствовал стабилизации терминологии договорно-расчетной документации, ибо на протяжении 50-80-х гг. XIX в. в отдельных законопроектах и утвержденных актах, в правилах внутреннего распорядка отдельных фабрик и заводов такие документы, одинаковые по названию, не всегда были тождественны по своему применению, а разные по названию документы имели одинаковое предназначение.

Обратимся к анализу отдельных договорно-расчетных документов. В нашем распоряжении около четырех десятков утвержденных образцов таких документов и заполненных экземпляров по промышленным предприятиям Петербурга, Москвы и столичных губерний за 70-90-ые гг. XIX в. Они выявлены в фондах Российского государственного исторического архива и Центрального исторического архива Москвы.

В 1875 г. петербургским обер-полицмейстером Треповым была утверждена расчетная тетрадь для работников завода Товарищества русских паровых маслобоек²⁶. Формуляр ее включал:

1. Название предприятия.
2. Имя и отчество работника.
3. Дату поступления на работу.
4. Размер жалования (отдельно летом и зимой).
5. Подпись директора завода.
6. Выписку из Свода постановлений о промышленности фабричной, заводской и ремесленной.
7. "Общие условия", которые должны соблюдаться каждым служащим, мастеровым и рабочим.
8. Табель для записей выдачи заработка с указанием месяца, числа и размера.

Касааясь отдельных пунктов этой расчетной тетради, отметим, что для личного атрибутирования ее владельца она ограничивалась именем и отчеством работника. Это отражало незавершенность процесса образования фамилий в

пореформенное время. Различие в летней и зимней оплате наемного труда было связано с общей спецификой его использования в течение года, с сохранившейся связью с землей у части работников. Расчетная тетрадь включала 102-103-ю, 107-110-ю статьи Устава о промышленности из Свода законов издания 1857 г. Ознакомление с ними выявляет архаические черты действовавшего пореформенного права. Так, 102 статья давала право наниматься на фабричные работы "всякому лицу податного сословия, получившему от начальства или своего владельца узаконенный паспорт или установленный билет". 103 статья запрещала владельцам рабочих, подрядившихся на фабричную работу, отзывать их с фабрики до истечения срока их паспортов или окончания договорного срока. Это было правило, порожденное еще в дореформенную эпоху и зафиксированное в законе 1835 г. На его же нормы опиралась статья расчетной тетради о том, что расчетный лист являлся равнозначным письменному условию найма. Статьи расчетного документа о наказании за участие в стачке имели своим источником Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. "Общие условия", действовавшие на заводе, сообщали о сроках получения заработной платы, условиях досрочного увольнения с работы, о правилах поведения работника с директором, мастером, механиком и приказчиком, о системе штрафов, применявшихся к работающим, призывали к чистоте и аккуратности при работе на машинах. Особый пункт правил запрещал мыть руки маслом под угрозой штрафа в 50 коп. за каждый случай. Здесь же называлась общая продолжительность рабочего времени — 13 часов в сутки, причем оговаривалась возможность работы в праздничные дни. Правила устанавливали трехдневный срок для претензий мастеровых и рабочих к мастеру по поводу записей заработков и выдачи денег в расчетные тетради.

В 1886 г., вскоре после появления нового закона с правилами найма, петербургским столичным по фабричным делам присутствием были утверждены новые образцы расчетных книжек, несколько больших по объему, чем прежние²⁷. Расширение произошло за счет ряда дополнений. Так, 1-й

лист отпечатанного в типографии образца должен был сообщать: сведения о местонахождении конторы предприятия в пределах города, часть и полицейский участок, номер дома, фамилию, имя и отчество рабочего, должность, на которую он нанимался, номер, под которым он был записан в книжке, срок вида на жительство, время заявления об отказе от работы. Особо отмечалось, что расчетная книжка хранится у рабочего, а при сдаче ее в контору владелец получал вместо нее контрамарку или другой экземпляр книжки.

В условиях найма дифференцировалась заработная плата помесечная, поденная и сдельная, причем при сдельной и поштучной плате расценки должны были вывешиваться в мастерской или заноситься до начала работы в книжку. Здесь же отмечалось пользование рабочими заводской квартирой, баней, столовой и др. Штемпель заводу-управления в расчетной книжке выступал равнозначным свидетельством его подписи.

Большую часть текста расчетной книжки образца 1886 г. заняла "Выписка из закона 3 июня 1886 г." — обширная выборка из этого узаконения об общих условиях фабрично-заводского найма, наказании за стачку с прекращением работ. Заключительную часть образца составляли разграфленные по определенной форме места с указанием года, месяца и числа, заработка, взысканий и поводов для их наложения, выдачи денег, предназначенные для заполнения.

Такой образец больше освещал действовавшее фабрично-заводское право об условиях найма и значительно меньше — специфические требования по найму на отдельных промышленных предприятиях, обусловленные характером производства, наличием машин и паровых двигателей, местонахождением и другими факторами. Поэтому пополнение содержания расчетных книжек второй половины 80-х — 90-х гг. происходило прежде всего правилами и требованиями, касавшимися работы отдельного предприятия, обязанностями для рабочего, поступавшего на это предприятие.

Например, среди сохранившихся расчетных книжек за 1887 г. (в основном по предприятиям Петербурга²⁸) имеется книжка рабочего Игнатия Лаврентьева, выданная из конторы

Товарищества русских паровых маслобоен²⁹. По своему формуляру книжка близка расчетной тетради 1875 г., но дополнительно включала Правила для живущих в артельном доме Товарищества и Правила внутреннего распорядка на заводе Товарищества. В книжке 1887 г. сохранились все основные требования о поведении рабочего, об отношениях его с администрацией, о штрафе в 50 копеек за мытье рук маслом и т.п., которые мы видели и в расчетной тетради 1875 г. В правилах внутреннего распорядка устанавливался семидневный испытательный срок рабочему "для разъяснения, способен ли он для дела завода и пожелает ли он остаться". Рабочему, оставленному на заводе, выдавалась расчетная книжка, и он уже не имел права отказываться от назначенной ему работы "где бы то ни было" и "во всякое время". Продолжительность работы взрослого рабочего определялась 14 часами (с 5 часов утра до 7 часов вечера с перерывами с 8 до 8 1/2 часов утра и от 12 до 1 часу пополудни). Нерабочими днями считались воскресенье и 14 праздников. Кроме того, в субботу Сырной недели и субботу Страстной недели работа производилась в течение половины дня. Однако в целом шкала требований и запретов для рабочих в 1887 г. предстает в более развернутом виде, чем в 1875 г. В числе новых запретов — не садиться на подоконники, не резать их ножами, не колоть штукатурку гвоздями, не сдвигать кровати в артельном помещении, не ложиться на них в сапогах, не класть на кровати никаких вещей и т.п. Расчетная книжка Лаврентьева заканчивалась табелем денежных взысканий за нарушение действовавших на заводе правил.

К аналогичному типу можно отнести расчетные книжки за 1887 г. по петербургским предприятиям: бронзолитейному и механическому заводу Р.К.Гроша³⁰, чугунно-меднолитейному и механическому заведению Э.Рейнеки и Г.Хольмрос³¹, Выборгской бумагопрядильне Г.Смалла³², лаковому заводу Л.Маркса³³, джуто-льнопрядильной и ткацкой фабрике Д.Н.Лебедева³⁴, кожевенному, сыромятному, замшевому, клееварному заводам и фабрике шорных изделий Курикова³⁵, пуговичной фабрике Ф.А.Гутхейн³⁶, введенскому стекляннокристалльному заводу П.П.Зиновьева (в Царскосельском уез-

де)³⁷. Они отличались друг от друга отдельными пунктами правил внутреннего распорядка. Так, общая продолжительность рабочего дня колебалась от 12 1/2 до 14 часов (несколько короче он был на чугуно-меднолитейном и механическом заведении, на бронзо-литейном и механическом заводе, а наиболее продолжительным — на бумагопрядильне, лаковом заводе, в заведениях по обработке кож). На стеклянно-хрустальном заводе работа большинства рабочих начиналась после завершения варки стекла, на что требовалось до 18 часов и продолжалась 12 часов. Перечень нерабочих праздников включал от 10 до 27 дней. По всем расчетным книжкам допускалась работа и в праздники. Некоторую специфику отдельных книжек можно также найти в регламентации отношения к машинам, в градации поводов для штрафов и их размеров, в формулировках правил о поведении рабочих и т.д.

Основные пункты расчетных книжек 1886–1887 гг., выявленных нами, сохранялись в подобных документах в течение ряда последующих лет, причем не только по петербургским фабрикам и заводам, но и по предприятиям Московской губернии.

Например, ту же структуру и характер сведений находим в расчетной книжке, выданной из конторы Резво-Островской мануфактуры И.А.Воронина (утверждена в 1894 г.)³⁸. Незначительные отличия отдельных показателей касались условий найма рабочих, выполнявших самостоятельную работу, и подручных рабочих, в изложении сменного графика работ, в расширении правил об охране фабричного имущества и произведенной продукции и др., — все это могло быть обусловлено спецификой данного предприятия.

В 1896 г. И.Г.Лаптев был принят на работу цилиндрным на отбельно-красильную и набивную фабрику товарищества мануфактур П.Н.Коншина в г. Серпухове. В конторе фабрики ему была выдана расчетная книжка за № 1202³⁹. На обложке книжки было отмечено, что данный вариант изготовлен для фабрик и заводов "вне города Москвы". Основное отличие ее формуляра от подобных книжек 1886–1887 гг. состояло в дополнении статей с нормами найма и общими тре-

бованиями и правилами новыми законодательными положениями. Так, обширное "Извлечение постановлений закона 3 июня 1886 г." содержало не только выдержки из этого акта, но и основные нормы закона от 8 июня 1893 г. "О некоторых изменениях правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих"⁴⁰. Таким же образом были дополнены последующими законами выдержки из Устава о наказаниях уголовных и исправительных, Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Устава уголовного судопроизводства.

Эта же специфика прослеживается и по четырем другим расчетным книжкам, сохранившимся в фонде фабричного инспектора 10 участка Московской губернии и относящимся к 90-м гг. XIX в.

Выявляя эволюцию расчетной книжки или аналогичных ей по назначению договорно-расчетных документов найма на протяжении второй половины XIX в., учет в них нового законодательства о фабриках и заводах, дополнение требований внутреннего распорядка, устанавливавшегося на отдельных предприятиях, другие свидетельства развития данной документации, мы в то же время можем констатировать устойчивость ее общей структуры. Так, появлялись отдельные дополнительные сведения о нанимателе рабочей силы и нанимавшихся на работу рабочих, но начальная часть этих документов сохранила свои основные черты, свое атрибутивное назначение. Закон от 3 июня 1886 г. заметно дополнил действовавшее законодательство, посвященное фабрично-заводскому труду, усилил деятельность органов и лиц, осуществлявших надзор за исполнением фабрично-заводских законов. Но статьи этого узаконения и ряда других актов в расчетных книжках оставались выдержками из действовавшего законодательства о фабрично-заводском найме. Они и не претендовали на роль полной сводки по определенному аспекту права, не становились после дополнения их сколько-нибудь полным законодательным кодексом о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих. Особые правила фабрик и заводов чаще всего являлись выдержками из правил внутреннего

распорядка. Однако их конкретика имела свою специфику. Эти правила отражали не только порядки, принятые на данном предприятии, но представляли нечто вроде типового варианта, составленного с учетом отраслевой специфики, степени технической оснащенности, деятельности учреждений и лиц, причастных к их составлению и утверждению. Отметим, что нередко одни и те же лица из местной полиции и фабричной инспекции ставили свои подписи и под правилами внутреннего распорядка и под образцами расчетных книжек.

Ознакомление с расчетными записями рабочих книжек выявляет краткость сроков их ведения, отрывочность многих данных, нерегулярность заполнения. Так в рассмотренной выше книжке Лаптева эти записи охватывают время с 25 апреля 1896 г., когда он поступил на фабрику Коншина, и до 19 мая 1896 г., когда уволился (поденная плата по 50 коп. в день). В расчетной книжке Т.Евдокимова, принятого 8 апреля 1896 г. на работу на фабрику серпуховского купца А.М.Игнатова с оплатой в 16 руб. в месяц и выплатой денег один раз в месяц, всего две записи⁴¹.

Особенность изученных нами расчетных книжек в том, что они не фиксировали реальных взаимоотношений владельцев предприятий или их администрации и рабочих, существовавших на отдельных предприятиях, степень точности и обоснованности оплаты затраченного труда. Неясно, насколько повсеместно на промышленных предприятиях выполнялось положение об обязательной расчетной книжке для каждого рабочего. Решение этих вопросов требует привлечения иных источников. При их выборе необходимо учитывать, что расчетные книжки являлись действующим документом и их общая оценка должна осуществляться с помощью материалов, поднимающих завесу над особенностями их функционирования. Среди таких источников важную роль играют документы рабочего движения, материалы, отложившиеся в результате деятельности фабричной инспекции.

Так, опубликованные в сборниках документов "Рабочее движение в России в XIX в." (М., 1950–1961. Т. 1-4) материалы показывают, что на многих предприятиях в течение календарного года расчет с рабочими производился дважды: на

Пасху и на Покров день (1 октября), с оформлением каждый раз новых расчетных книжек. Застой в сбыте продукции нередко приводил к досрочному расчету рабочих. Такая практика способствовала увеличению общей численности расчетных книжек, кратковременности действия каждой из них.

Выявляется негативное отношение рабочих к нововведениям в договорно-расчетных документах об условиях найма. Так, в январе 1887 г. на Ярцевской льнопрядильной фабрике Товарищества В.Ф.Демидова, на которой работало 2500 рабочих, произошла стачка, вызванная введением расчетных книжек нового образца (с учетом требований закона от 3 июня 1886 г.). Владимирский вице-губернатор В.А.Семенов, приехав на фабрику, увидел раскиданные вокруг корпусов книжки, выданные рабочим из конторы, которые они не захотели принимать. В ходе расследования было установлено, что недовольство рабочих фабричной администрацией вызвали расчетные книжки, "неизвестно по чьему распоряжению изданные, напечатанные где-то в Шуе, никем не подписанные, без печатей и орлов..."⁴². Это свидетельствует о недоверии рабочих к таким расчетным книжкам, которые не отвечали требованиям документов найма. Факт отказа рабочих от новых расчетных книжек на Ярцевской фабрике — не единственный.

Вопросы введения расчетных книжек на отдельных предприятиях и их ведение на них рассматривались фабричными инспекторами при посещении ими фабрик и заводов. В фонде Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов сохранился ряд копий журналов губернских фабричных и по горнозаводским делам присутствий, которые фабричные инспекторы представляли как отчет о своей деятельности. Рабочие расчетные книжки выступали в них как один из основных источников по выявлению нарушений фабрично-заводского законодательства. Например, в копии журнала тверского присутствия от 20 сентября 1899 г. говорится о незаполнении в 62 расчетных книжках по кирпичному заводу "Дорошиха" табелей о заработках⁴³. По паровой мукомольной мельнице крестьянина И.Макарова ни у одного из 11 работников не оказалось расчетных книжек⁴⁴. В том же

году заведующий лесопильным заводом Ярославского уезда А.Мотов жаловался на штраф, наложенный на него фабричным инспектором за неправильное ведение 74 расчетных книжек⁴⁵. Невыдача многим рабочим расчетных книжек аргументировалась администрацией фабрик 135 статьей Устава о промышленности, по которой обязательность этих документов найма не распространялась на выполнение работ, "не составляющих предмет фабричного производства". Фабричные инспектора отмечали это в отчетах о своей деятельности⁴⁶.

Конечно, приведенные факты — это лишь примеры, показывающие важность материалов о рабочем движении и деятельности фабричной инспекции для раскрытия реального функционирования рабочих расчетных книжек, без чего анализ их не будет полным. Однако и при нынешнем состоянии изучения рабочих расчетных книжек мы можем констатировать информативность данного источника.

Сведения о нанимателе и нанимавшемся, открывавшие все договорно-расчетные документы по найму, скрепленные взаимными подписями (или штампом заводоуправления, подписью доверенного лица нанимавшегося), являлись определяющим юридическим фактором этих документов при оспаривании рабочим правильности произведенных с ним расчетов или расторжения договора найма. Общие сведения о должности нанявшегося или работе, для исполнения которой он был принят, о характере и размере оплаты и другие показатели начальной части книжки были взаимосвязаны с последующим ее материалом, особенно с требованиями внутреннего распорядка и с расчетной частью документа.

Еще Г.В.Балицкий в своем очерке фабричного законодательства России XVIII — начала XX в., упомянув о рядных листах и расчетных книжках и констатируя согласие фабрикантов на введение этих документов найма, не увидел в них равноправия во взаимодействии сторон. "Содержание же этих книжек наполнялось единоличной волей фабрикантов, причем лишь делался вид, будто это содержание являлось обоюдным соглашением сторон", — писал он⁴⁷. Но говоря о неравноправии нанимателя и нанимавшегося в договорно-

расчетных документах найма XIX в., заключенном в самом характере рядных листов, расчетных тетрадей, расчетных книжек, мы отнюдь не уменьшаем значения их как источника о положении рабочих, а только выявляем характерную особенность этих материалов.

Разнообразными могут быть возможности использования и отдельных показателей о нанимателях рабочего труда и нанимавшихся, зафиксированных в этих документах. Например, адрес предприятия может помочь изучению размещения фабрик и заводов в черте города и в пределах уезда. Сведения о нанимающемся, отмеченные в договорно-расчетном документе, могут представлять интерес для ономастики при изучении становления рабочих фамилий. Подпись рабочего в его расчетной книжке свидетельствовала о его грамотности и т.п.

Выдержки из действовавшего законодательства в виде отдельных статей Устава о промышленности или статей непосредственно из законодательного акта, напечатанные в рабочей книжке, освещают официальную регламентацию общих условий найма, наказания за участие в стачке и за самовольный отказ от работы, дают определение "прогула", "несвоевременной явки на работу", "нарушение порядка на фабрике", называют государственные органы надзора на фабриках и заводах, их обязанности и др. В своей совокупности эти нормы и правила отражают направленность законодательства об условиях наемного труда, выявляют архаизм отдельных норм фабрично-заводского права капиталистической России. Не будучи полным кодексом официального права о наемном труде, законодательные выдержки, включенные в текст расчетной книжки, являются свидетельством применения действовавшего фабрично-заводского законодательства, показателем степени оперативности использования новых норм и правил, заключенных в законах и уставах, в одной из сфер их действия. В этом отношении данная часть рабочих расчетных книжек представляет определенный интерес как источник по изучению политики российского правительства.

Особые условия или правила расчетной книжки, включенные в нее нормы внутреннего распорядка не были зеркальным отражением внутрифабричных или внутривозовских порядков, но определяли отдельные положения через призму действовавшего права и общезаводских порядков какой-либо отрасли производства. Тем не менее эти сведения ценны для изучения общего положения рабочего класса, условий труда, продолжительности и организации рабочего дня и рабочего года, казарменных фабрично-заводских порядков, беспорядка рабочих во время их работы на предприятии, размера заработной платы, способов выплат, системы и размера штрафов и вычетов с рабочих и т.п. порядков, установленных капиталистами в формальных рамках официального права. Не исключено, что по многим фабрикам и заводам правила внутреннего распорядка сохранились только в составе рабочих расчетных книжек.

Табели денежных расчетов и взысканий, заключавшие договорно-расчетный документ найма, называя итоговые цифровые показатели денежных выплат и удержанных штрафов, дают представление о реальных заработках и размерах различных взысканий. Однако при их использовании необходимо учитывать общий характер этих записей, их неполноту, сложность или невозможность проверки их степени достоверности по сохранившимся источникам. Время, которое они охватывали, могло не совпадать с общей продолжительностью работы нанятого рабочего, получившего свою книжку на данной фабрике или заводе.

Рабочая расчетная книжка по своей функциональной природе неоднозначна. В числе ее функций можно выделить учетную (выражалась прежде всего по отношению к лицу — производителю работы и производимых с ним расчетов), информационную (сведения об условиях найма и действовавших на предприятии порядках), правовую (на суде она должна была рассматриваться как письменный договор найма).

В оформлении и содержании рабочей расчетной книжки переплелись: традиционное стремление российской бюрократии к централизации и унификации формы документов, же-

ление самодержавия показать себя регулятором отношений капиталистов и рабочих на взаимоприемлемой основе, интересы владельцев фабрик и заводов, и, наконец, требования работников справедливого вознаграждения за их труд. Данные аспекты документов не просто соседствовали друг с другом, но находились во взаимосвязи. Стремлению к стандартизации расчетных книжек противостояла широта охватываемых форм и сторон отношений предпринимателя и рабочего в различных видах производства при специфике местных условий его развития.

Перед исследователем рабочие расчетные книжки предстают как источник, в котором индивидуальные сведения о владельце этого документа соединялись с дублированием официальных норм и правил найма, с типизированными элементами условий найма и работы отдельного предприятия.

По совокупным свойствам таких документов их, на наш взгляд, нельзя отнести только к массовым или индивидуальным источникам. Перед нами смешанный тип источника, объединяющий в своем составе унифицированные и оригинальные пласты.

В заключение коснемся сохранности рабочих расчетных книжек.

Назначение расчетных книжек предопределило их массовость в дореволюционной России. Мы имеем дело с чрезвычайно распространенными, официально санкционированными документами, действие которых охватывало фабрично-заводские предприятия России второй половины XIX в. Кажется бы, что масштаб функционирования таких документов должен был способствовать их значительной сохранности в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек. Однако, выявленные нами расчетные книжки — единичны. Чаще всего это — образцы, функционирующие в учреждениях, материалы которых хранятся в архивах, или случайно отложившиеся в фондах и коллекциях экземпляры.

Причины этого парадокса — в праве рабочего сохранить у себя выданную ему книжку после прекращения работы на предприятии. Но сохранившиеся личные фонды рабочих с

материалами дореволюционной эпохи очень редки⁴⁸, хотя возможность их находок в фондах и коллекциях, характеризующих деятельность фабричной инспекции, полицейских учреждений, в документации отдельных фабрик и заводов, в личных фондах и коллекциях центральных, республиканских и местных архивов, в рукописных отделах музеев и библиотек не исключена. Подобные документы могли сохраниться и у потомках владельцев.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 492.

² Состояние источниковедческого изучения документальных материалов второй половины XIX — начала XX в. наиболее полно отражается в книгах: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; Воронкова С.В. Проблемы источниковедения истории России периода капитализма (Итоги и задачи изучения). М., 1985.

³ Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. СПб., 1863-1865. Ч. 1-5.

⁴ Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898. Т. 1.; Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1900. (Изд. 2-ое. СПб., 1904); Балицкий Г.В. Фабричное законодательство в России. М., 1906; Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. Лекции, читанные в Петербургском политехникуме и в Технологическом институте в 1908—1909 учебном году. СПб., 1909 и др.

⁵ Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. М., 1906.

⁶ Казанцев Б.Н. Рабочие Москвы и Московской губернии в середине XIX в. М., 1976. С. 121-124.

⁷ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 110-128.

⁸ ПСЗ-II. Т. 10. № 8157. С. 447-448. (См. подробнее об этом узаконении в монографии: Рыбаков Ю.Я. Промышленно законодательство России первой половины XIX в. (Источниковедческие очерки). М., 1986. С. 43-45.

⁹ Туган-Барановский М.И. Указ. соч. 7-е изд. М., 1938. С. 140.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 52.

¹¹ Труды комиссии, учрежденной для пересмотра Уставов фабричного и ремесленного. СПб., 1863. Ч. 1. С. 275-277; СПб., 1863. Ч. 2. С. 179 (образец расчетной тетради для фабричных рабочих 1850 г.). С. 190 (представление министра финансов в Государственный Совет 1853 г. об установлении единой расчетной тетради для фабричных рабочих). С. 235-244 (проект расчетной тетради, внесенный министром финансов в Государственный совет в 1854 г.).

¹² См. подробнее о деятельности комиссии А.Ф.Штакельберга и разработанных ею проектах промышленного устава в моногра-

- фии: Рыбаков Ю.Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX в. С. 133-165.
- 13 ПСЗ-II. Т. 38. № 39448. С. 295.
- 14 РГИА. Ф. 1149. Оп. 9. Д. 31. Ч. 2. Л. 80-170.
- 15 Там же. Л. 125.
- 16 Там же. Л. 158.
- 17 Там же. Л. 164.
- 18 Там же. Л. 68-85.
- 19 Там же. Д. 31. Ч. 2. Л. 310-316.
- 20 Там же. Л. 2-32.
- 21 Там же. Л. 449-453.
- 22 ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 34. Л. 57.
- 23 Там же. Ф. 16. Оп. 115. Д. 33. Л. 6.
- 24 Рабочее движение в России в XIX в. М., 1952. Т. 3. Ч.1. С. 133. Из работ последнего времени, освещающих влияние Морозовской стачки на развитие законодательства о фабрично-заводском труде в России, см.: *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин российского пролетариата. К 100-летию Морозовской стачки 1885 г. М., 1985. С. 164-184
- 25 ПСЗ-III. Т. 6. № 3769. С. 262-270.
- 26 РГИА. Ф. 20. Оп. 13-6. Д. 12. Л. 1-14.
- 27 Там же. Д. 10.
- 28 Там же. Д. 3, 7, 10, 11, 12, 18-21.
- 29 Там же. Д. 10. Л. 15-26.
- 30 Там же. Д. 18. Л. 7-18.
- 31 Там же. Д. 19. Л. 11-20.
- 32 Там же. Д. 21. Л. 4-27.
- 33 Там же. Д. 10. Л. 18-27.
- 34 Там же. Д. 15. Л. 27-58.
- 35 Там же. Д. 20. Л. 17-31.
- 36 Там же. Д. 7. Л. 2-13.
- 37 Там же. Д. 3. Л. 23-30.
- 38 Там же. Д. 17. Л. 97-118.
- 39 ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 1. Л. 35-36.
- 40 ПСЗ-III. Т. 13. № 9767. С. 437-440.
- 41 ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
- 42 Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1950. Т. 2. Ч. 2. С. 458-460.
- 43 РГИА. Ф. 20. Оп. 13а. Д. 303. Л. 10-11.
- 44 Там же. Л. 12.
- 45 Там же. Л. 265.
- 46 *Гвоздев С.* Записки фабричного инспектора. (Из наблюдений и практики в период 1894-1908 гг.). М., 1911. С. 105.
- 47 *Балицкий Г.В.* Указ. соч. С. 66.
- 48 Свидетельством такого положения является указатель: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. М., 1968-1980. Т. 1-3.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Семенченко Г.В.</i> Московско-тверской договор второй половины 30-х годов XV века	4
<i>Демкин А.В.</i> Коллективная челобитная русских купцов 50-60-х годов XVII века	16
<i>Павлов-Сильванский В.Б.</i> Новый документ о крупном хозяйстве XVII века (Владения боярина Г.И.Морозова)	23
<i>Филина Е.И.</i> Отражение внутривосточной борьбы в Московском государстве в середине XVII века в свидетельствах иностранцев	32
<i>Лукичев М.П.</i> Новые архивные документы о жизни и творчестве переводчика XVII века С.Ф.Чижинского	42
<i>Шеломанова Н.Б.</i> Материалы по истории Москвы XVII в.	50
<i>Елисеева О.И.</i> Начало создания "новой восточной системы" и договор с Австрией 1781 года по переписке Екатерины II и Г.А.Потемкина	128
<i>Тихонова Е.Ю.</i> "Маленький аристократ" (журнал "Московский наблюдатель" 1838–39 годов как культурное явление и исторический источник)	149
<i>Кутьев В.Ф.</i> Исковые дела рабочих и их семей за увечья и смерть как источник о положении пролетариата в 90-е годы XIX века	173
<i>Рыбаков Ю.Я.</i> Рабочие расчетные книжки в России XIX века	191

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 18.02.97. Формат 60x84/16. Заказ № 4 .
Тираж 300 экз. 13,5 п.л. 11,31 уч.-изд.л. Цена договорная.

ЛР № 020768 от 15.04.93 г.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19